

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
И. СТАЛИН
БЕЛИНСКИЙ

Завод имени Дзержинского в Днепродзержинске. Подручный горнового комсомолец М. Колодка, выполняющий нормы на 150—160 процентов.

Фото Н. Козловского

На первой странице обложки: в книжном магазине села Некрасовского (Ярославской области). Выбирают книги студентка зооветеринарного техникума Зинаида Тихонова и колхозник Д. М. Сидоров. (См. в номере фотоочерк В. Мусинова.)

Фото В. Мусинова

На последней странице обложки: занятия общества юных географов «Глобус» в Свердловске; занятия проводит руководитель общества А. А. Арзамасцев.

Фото Дм. Бальтерманца

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6 (1183) 5 ФЕВРАЛЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Избирательный участок № 16 Бежицкого избирательного округа (Брянская область). Вечером на агитпункте участка. Агитатор Антонина Евсеевна Белова беседует с семьей старшего мастера чугунолитейного цеха паровозостроительного завода Андрея Ивановича Толкачева.

Фото М. Савина

МОГУЧЕЕ ЕДИНСТВО

С. СУТОЦКИЙ

— Родная большевистская партия — наш учитель, наш вождь, она ведет нас от победы к победе.

Так говорят в Советской стране о партии Ленина — Сталина не только те, кто является членом партии большевиков, кто состоит в ее рядах. Так говорят о партии все трудящиеся. Своей, родной называют они коммунистическую партию. Это стало обычным в Советском Союзе, в этом проявляется огромнейший авторитет, которым пользуется партия в широких народных массах, горячая сыновняя преданность и любовь, которой окружают партию миллионы и миллионы рабочих, крестьян, интеллигенция...

История общественного развития знает множество политических буржуазных партий, в том числе и таких, которые добивались господствующего положения в той или иной стране, становились правящими партиями. Но эти партии антинародны, они замкнуты в своем узком кругу, отгорожены стеной от народа, от широких масс. И сами народные массы не проявляют особого интереса к тому, чем живут и чем занимаются эти партии. Таковы неизменные особенности всех буржуазных политических партий, как небо от земли, далеких от народа, боящихся народа, чуждых интересам и чаяниям народных масс.

Иное дело партия большевиков. Весь смысл деятельности своей она видит в служении народу, в совместной с народом борьбе за осуществление самых возвышенных и благородных идей, которые несут счастье всему трудовому человечеству. Поэтому только в нашей Советской стране, у руля которой стоит большевистская партия, могло родиться и стать нерушимым морально-политическое единство советского народа, тесно сплоченного вокруг партии Ленина—Сталина.

...Еще в ту далекую от наших дней пору, когда закладывались основы большевистской партии, ее организаторы и вожди Ленин и Сталин указывали на необходимость теснейшими узами связать партию с широчайшими массами революционного пролетариата, ибо только при этом условии партия может в полной мере выполнить свою роль передового отряда пролетариата, роль организатора и вождя масс. Позднее, после победы социалистической революции в нашей стране, Владимир Ильич не раз подчеркивал первоочередную важность этой задачи, указывал, что залог непобедимости партии — в ее умënье «связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся...»

Товарищ Сталин говорил о герое греческой мифологии Антее. Сын Посейдона — бога морей и Геи — богини земли, Антей считался непобедимым. В минуты опасности он припадал к своей матери—земле, и она давала ему новые силы для борьбы, для победы. «Я думаю, — указывал Иосиф Виссарионович, — что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми».

Весь путь, пройденный партией большевиков, большой и сложный, героический и победоносный путь, показывает, как крепли связи партии с широкими массами, как с победой социализма в нашей стране советские люди сроднились и срослись со своей коммунистической партией.

Не на словах, а на деле партия большевиков доказала свою верность народу, готовность и умение бороться и побеждать во имя осуществления лучших чаяний и надежд широких народных масс. В решающие моменты истории — в дни войны и в дни мира — советский народ воочию убедился в том, что только партия Ленина—Сталина правильно выражает его интересы, только ей может вверить он свою судьбу и судьбу своей Родины. Коммунисты, большевики во главе с Лениным и Сталиным шли в первых рядах борцов за счастье народное в навеки славные дни Октября. А кто вел красноармейские полки против иностранных интервентов и белогвардейских полчищ в годы гражданской войны? Коммунисты, сыны героической большевистской партии... И в дни восстановления и в годы предвоенных сталинских пятилеток кто первым шел на леса новостроек, кто подавал пример трудового героизма и самоотверженности, подчиняя стихию природы разумным планам социалистической реконструкции? Коммунисты, большевики, воспитанники партии Ленина — Сталина. В дни Великой Отечественной войны партия еще теснее сроднилась с народом, еще теснее связалась с ним. Она выполнила великую роль вдохновителя и организатора нашей победы, чтобы теперь, в период мирного послевоенного строительства, возглавить победное шествие народа к коммунизму.

Партия большевиков всегда с народом, во главе народа. И народ, безгранично верящий партии большевиков, идет за партией, как за любимым, проверенным в сражениях боевым командиром-отцом, идут готовые бороться и побеждать бойцы...

Неразрывную связь партии и народа мы ощущаем на каждом шагу, во всем, что составляет нашу советскую действительность. Но, пожалуй, с особой силой проявляется это единство в те знаменательные дни, когда страна проводит выборы органов государственной власти. Так было в избирательные кампании предшествующих лет, так есть и теперь, в дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР.

Морально-политическое единство советского общества в период избирательных кампаний находит свое выражение в избирательном блоке коммунистов и беспартийных. Этот блок, по определению товарища Сталина, является в нашей стране естественным и жизненным делом. А замечательную победу блока коммунистов и беспартийных на первых после принятия новой Конституции выборах Верховного Совета СССР товарищ Сталин охарактеризовал как «триумф партии большевиков».

В декабре 1937 года на выборах в Верховный Совет СССР за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 98,6 процента общего числа избирателей, принявших участие в голосовании. На очередных выборах верховного органа власти в нашей стране в феврале 1946 года этот блок одержал новую победу, еще раз продемонстрировав свою жизненность и нерушимость, свою неодолимую силу.

Да, это поистине великий и заслуженный триумф партии большевиков, триумф ее политики, составляющей основу нашего строя, мудрого сталинского руководства, обеспечивающего нашей Родине безграничные перспективы и возможности дальнейшего движения по пути к коммунизму.

Торжество социализма в нашей стране — итог решающих изменений, которые произошли в области экономики, коренных изменений в классовой структуре советского общества и в области национальных взаимоотношений в СССР. Торжество социализма, победа советского общественного и государственного строя по-новому решили и вопрос о взаимоотношениях между членами партии, коммунистами, и беспартийными в нашей стране. «В былые времена, — говорил товарищ Сталин, — коммунисты относились к беспартийным и к беспартийности с некоторым недоверием. Объясняется это тем, что флагом беспартийности нередко прикрывались различные буржуазные группы, которым невыгодно было выступать перед избирателями без маски. Так было в прошлом. Но теперь у нас другие времена. Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив **советских людей**. Живя в общем коллективе, они вместе боролись за укрепление могущества нашей страны, вместе воевали и проливали кровь на фронтах во имя свободы и величия нашей Родины, вместе ковали и выковали победу над врагами нашей страны. Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но это разница формальная. Важно то, что и те и другие творят одно общее дело».

Какой глубочайший смысл в этих словах! Как много значат они и как много выражают! Есть ли в противостоящем нам капиталистическом мире хотя бы одна буржуазная партия, завоевавшая право сказать, что она вместе с народом и народ вместе с ней творит общее дело?! Нет такой партии и не может быть в обществе, построенном на всевластии денег, в обществе, раздираемом классовыми противоречиями. Этих слов не может сказать ни одна буржуазная партия, ибо цели каждой из них в корне противоречат интересам и чаяниям народных масс, ибо политика этих партий направлена против народа, во вред народу, защищает и отстаивает корыстные интересы кучки тунеядцев-капиталистов.

Ничего общего с народом не имеют в странах капитализма и партии, именующие себя «социалистическими» — например, партия лейбористов, продающая и предающая интересы английского народа, пресмыкающаяся перед американскими империалистами и во всем подпирающая капиталистическую клику Великобритании? А так называемые «социалисты» во Франции, расстреливающие рабочих, преследующие прогрессивные организации трудящихся? Нет, эти партии против народа, и народ против них. Народ не поддерживает их предательскую политику, он все более активно выступает против нее, за мир во всем мире, за демократию и социализм. Пример героической большевистской партии Советского Союза, пример коммунистических и рабочих партий стран народной демократии учит все народы мира, всех трудящихся и угнетенных, что только партии, стоящие на позициях боевой, революционной пролетарской идеологии, партии, идущие под знаменем Ленина—Сталина,— только они являются подлинными выразителями интересов широких народных масс, способных дать трудовому народу свободу и счастье.

Партия и народ творят общее дело строительства коммунизма, — вот в чем неодолимая сила нашей Родины, основа уже завоеванных побед, залог еще более величественных свершений в будущем. Под знаменем этого единства идет советский народ к выборам в Верховный Совет СССР. Об этом говорит могучий подъем политической и трудовой активности, которым отмечают советские люди подготовку к выборам, широко развернувшееся всенародное соревнование в честь предстоящих выборов, единодушие, с которым избиратели поддерживают предложения партийных, профсоюзных, кооперативных и других организаций и культурных обществ о выдвижении кандидатами в депутаты лучших сынов и дочерей нашей Родины, представителей сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Символ нерушимого, кровного родства партии и народа — Сталин. Сталинским гением выковано это нерушимое единство. Безграничной любовью народной к Сталину скреплено оно. В этом победоносная сила великой страны социализма.

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИТОГИ

Каждая строка сообщения Центрального статистического управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения плана четвертого года послевоенной сталинской пятилетки наполняет сердце советского человека законной гордостью за свою замечательную социалистическую Родину. В строгих колонках цифр, в сжатых, четких оценках и выводах, в фактах, приведенных в сообщении, ощущаешь неодолимую силу строящегося коммунизма, огромные преимущества социалистической плановой экономики над прогнившей, разваливающейся экономикой капитализма.

Семнадцать лет тому назад в докладе об итогах первой пятилетки товарищ Сталин говорил, что «единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства».

Три цифры сообщения Центрального статистического управления особенно ярко и убедительно подтверждают великую правду и прозорливость сталинских слов.

В конце минувшего года наша промышленность давала ежемесячно в полтора раза больше продукции, чем в предвоенном 1940 году.

Выше уровня, намеченного на 1950 год, поднялся выпуск валовой продукции наших заводов, фабрик, шахт к исходу 1949 года.

Семь миллиардов шестьсот миллионов пудов зерна дали стране в прошлом году наши колхозы и совхозы, перекрыв довоенную урожайность и подойдя вплотную к рубежу, установленному для последнего года пятилетки. Советский Союз, которому в войне был нанесен самый тяжелый ущерб, сумел добиться могучего подъема и расцвета хозяйства, о каком не смеют и мечтать капиталистические страны.

Цифры выполнения плана 1949 года говорят всему миру и о неисчерпаемой, животворной силе советского патриотизма — силе, способной двигать горами. Советский рабочий еще и еще раз показал свое коммунистическое отношение к труду, дух новаторства, рачительный, хозяйственный подход к общественному делу. В истекшем году промышленность СССР перевыполнила увеличенную правительством программу 1949 года. Увеличение плана — плод всестороннего улучшения работы предприятий, более рационального использования мощностей, экономии сырья и топлива, выявления новых резервов.

Итоги четвертого года послевоенной сталинской пятилетки убедительно свидетельствуют о том, что Советский Союз идет во главе технического прогресса. Свыше 300 важнейших новых типов высокопроизводительных машин и механизмов, облегчающих труд рабочего, внедрены в 1949 году в нашу промышленность. Одновременно более 450 тысяч изобретений и рационализаторских предложений, внесенных рабочими и инженерно-техническими работниками, нашли свое применение на наших предприятиях. Какое разительное отличие от стран капитализма, где хищнические монополии душат развитие техники!

Великая сталинская программа преобразования природы, выражающая громадную жизненную силу социализма, в 1949 году выполнялась с успехом. Почти вдвое превышен колхозами и совхозами план лесопосадок, покрывших уже огромную площадь.

Наше сельское хозяйство в 3—4 раза больше, чем в довоенном 1940 году, получило тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин, обеспечивающих высокопродуктивное земледелие. На новую ступень поднялась культура сельского хозяйства, расширился уровень агротехнических знаний крестьянства.

Цифры Центрального статистического управления отражают закон развития советского общества: по мере того, как растет и расцветает наше народное хозяйство, неуклонно повышаются материальное благосостояние и культурный уровень народа.

В Соединенных Штатах Америки и маршаллизованных странах Европы идет беспощадный нажим на жизненный уровень трудящихся. Таков «закон» капиталистического строя: на одном полюсе безработица, низкая заработная плата, растущая дороговизна, снижение страховых пособий; на другом — бешено возрастающие прибыли банков и трестов.

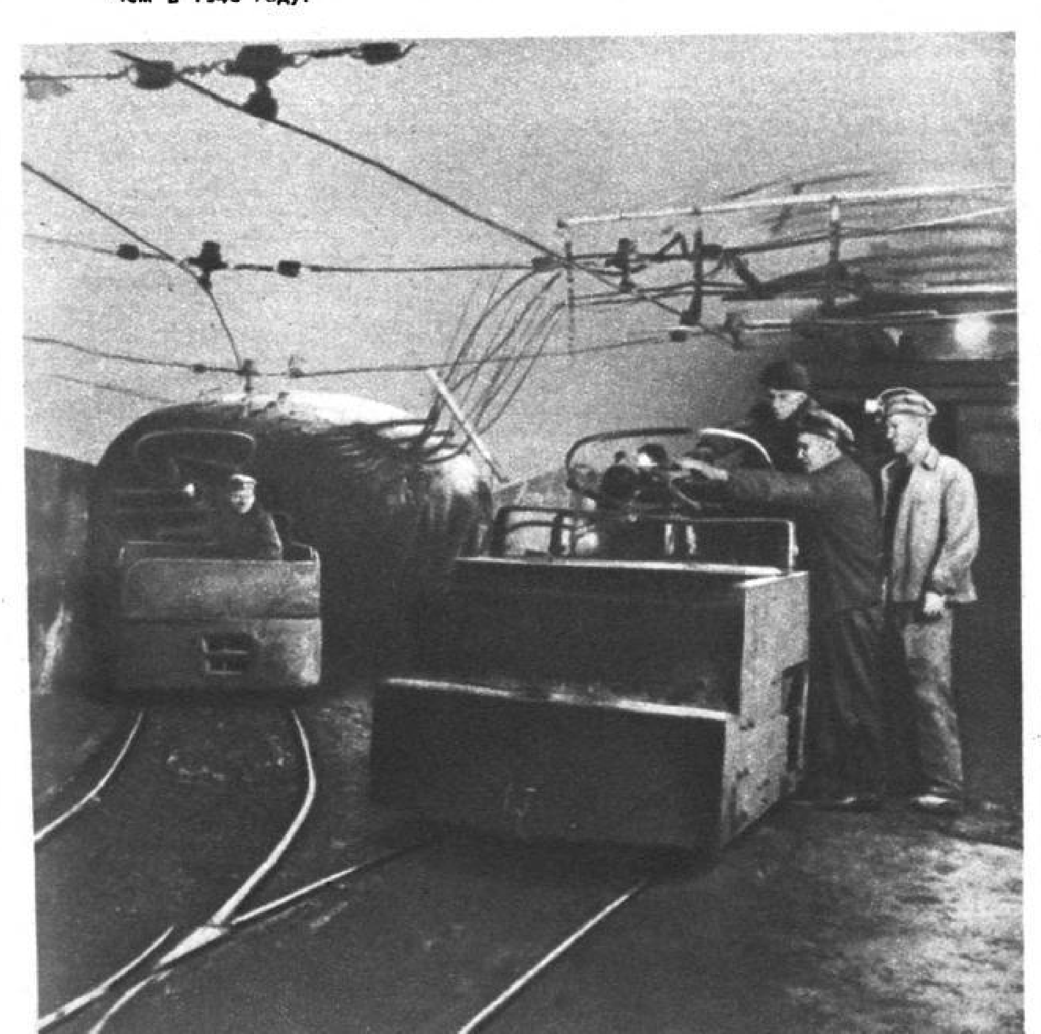
Советские люди не знают безработицы: за 1949 год число рабочих и служащих в нашем народном хозяйстве увеличилось на 1800 тысяч человек. Более чем на одну треть вырос против довоенного уровня национальный доход, почти на одну четверть повысились доходы рабочих и служащих — факт, немыслимый, невозможный ни в одной капиталистической стране. Второе, после отмены карточной системы, снижение цен вновь подняло в 1949 году покупательную способность народных масс — на одну пятую больше приобрели они товаров, чем в 1948 году.

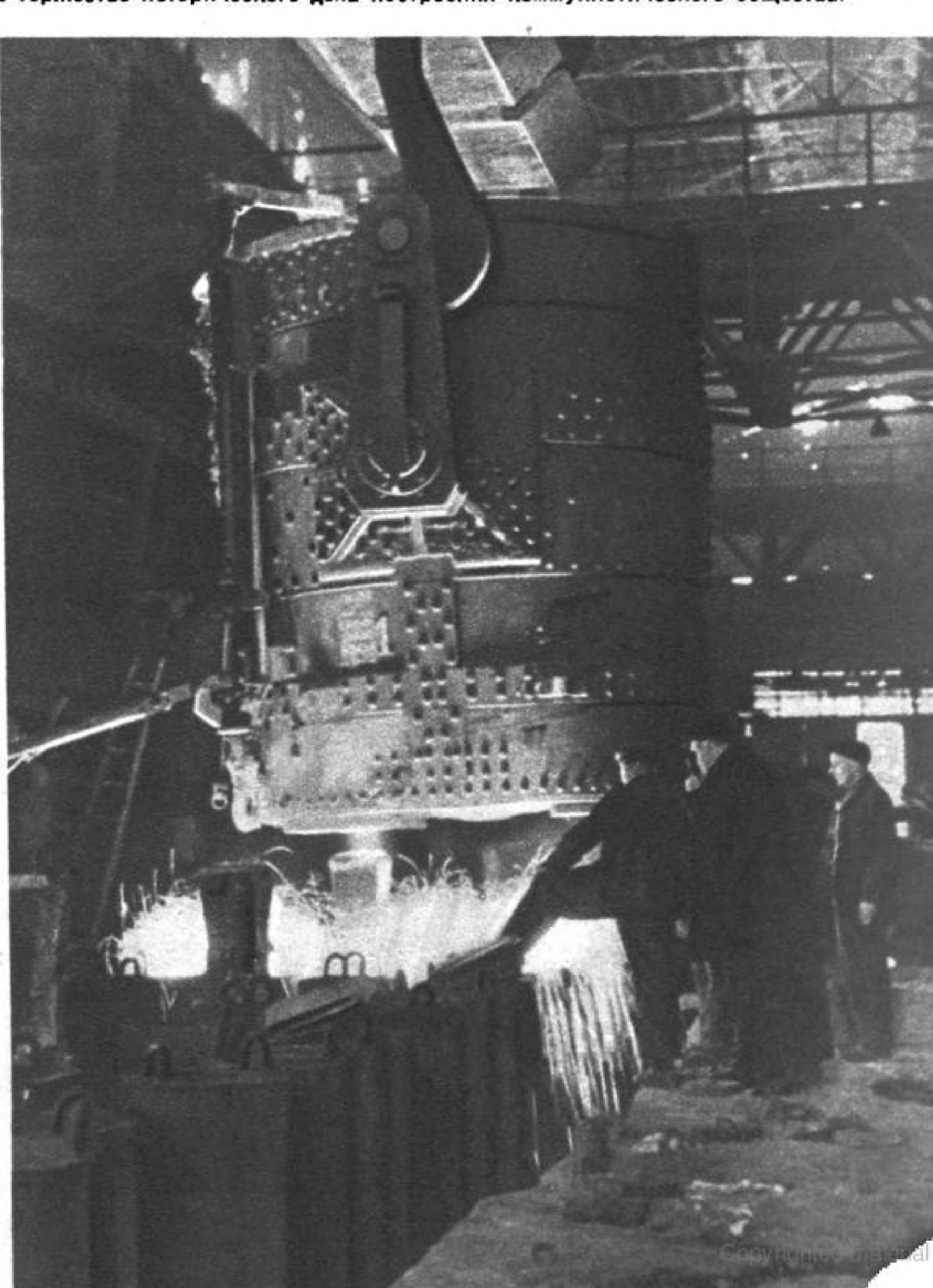
В итоге четырех лет послевоенной пятилетки советский народ много сделал для осуществления великой сталинской программы создания материальной базы коммунизма в нашей стране. Одержанные победы дают советским людям непоколебимую уверенность в том, что пятилетний план будет завершен досрочно. Эти замечательные победы воодушевляют простых людей во всех странах, всех сторонников мира, всех борцов могучего международного лагеря демократии.

Под руководством партии Ленина—Сталина, под водительством великого зодчего коммунизма товарища Сталина народы нашей Родины вступили в новый год труда и побед, полные веры в могущество советского строя, в торжество исторического дела построения коммунистического общества.

Хорошо поработали советские металлурги! Страна получила в 1949 году больше, чем в 1948 году: чугуна — на 19 процентов, стали — на 25 процентов, проката — на 27 процентов. На снимке справа: в цехе московского завода «Серп и молот».

Уголь — хлеб промышленности. В богато оснащенных механизмами шахтах страны в 1949 году было добыто на 13 процентов угля больше, чем в 1948 году.

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИТОГИ

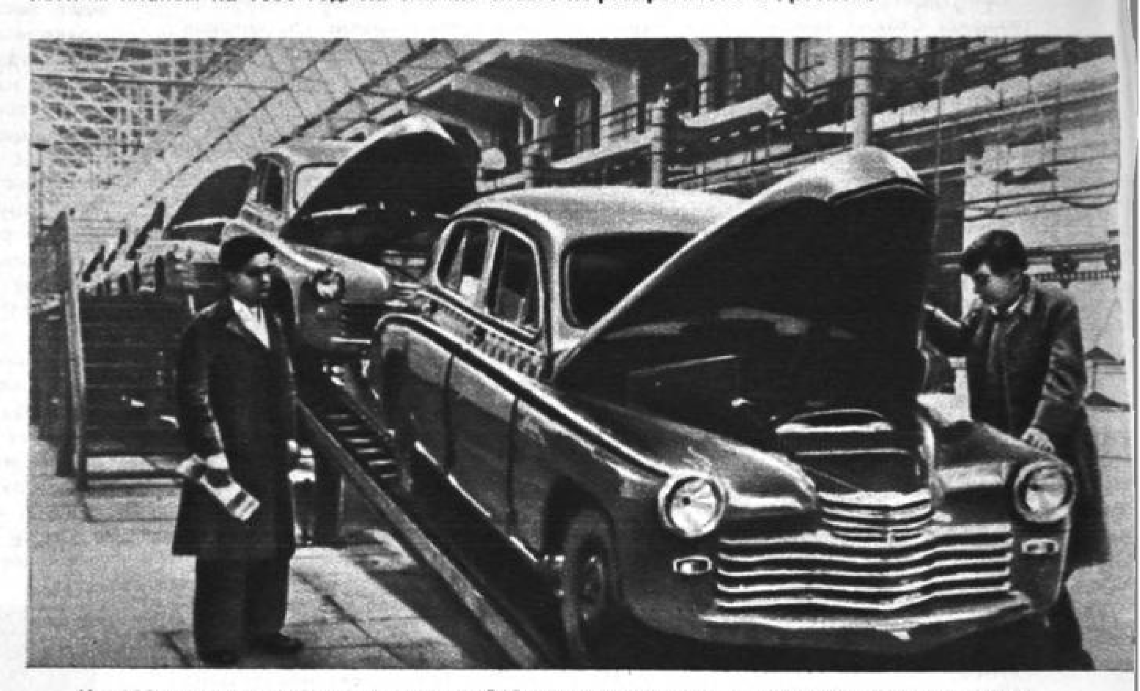

В 1949 году грузы пятилетки перевозились быстрее, чем прежде. Грузооборот железнодорожного транспорта вырос по сравнению с 1948 годом на 17 процентов и значительно превысил уровень довоенного 1940 года. Наша промышленность увеличила выпуск паровозов и тепловозов. На снимке: мощный тепловоз новой конструкции, выпущенный Харьковским заводом транспортного машиностроения.

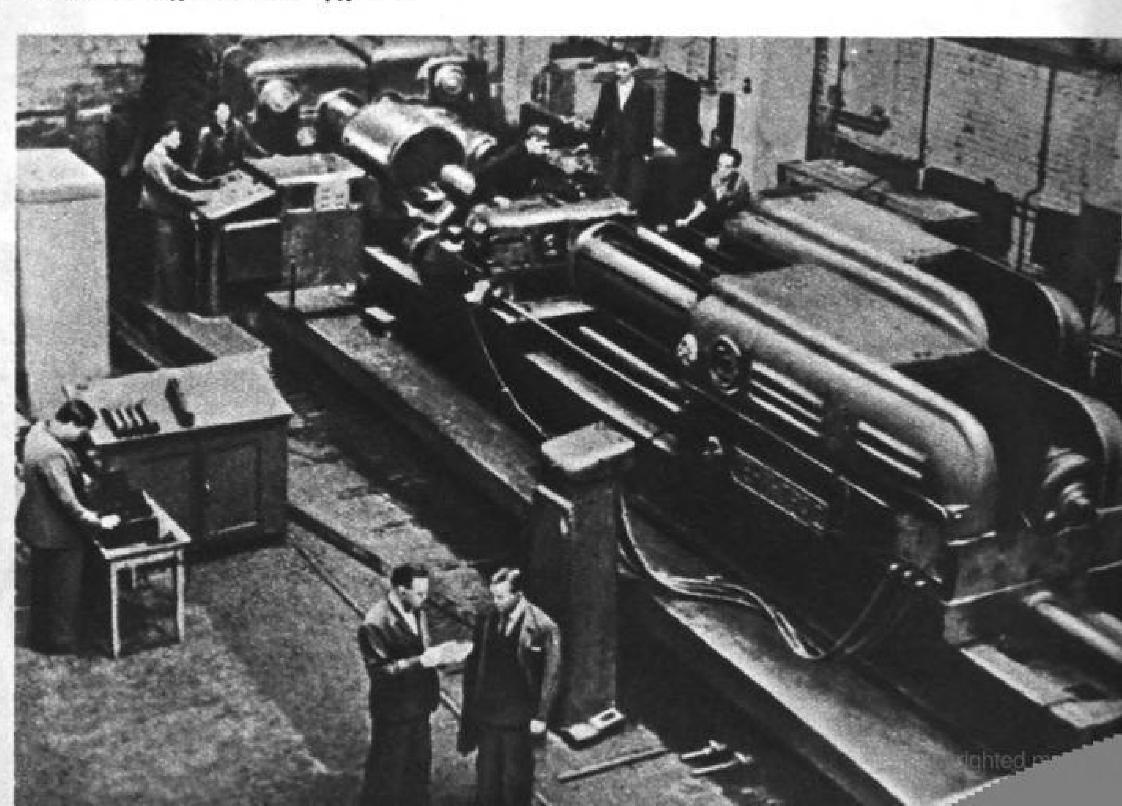
Добыча нефти в 1949 году, как и производство ряда других важнейших видов промышленной продукции, превзошла в IV квартале уровень, установленный пятилетним планом на 1950 год. На снимке слева: нефтепромысел в Грозном.

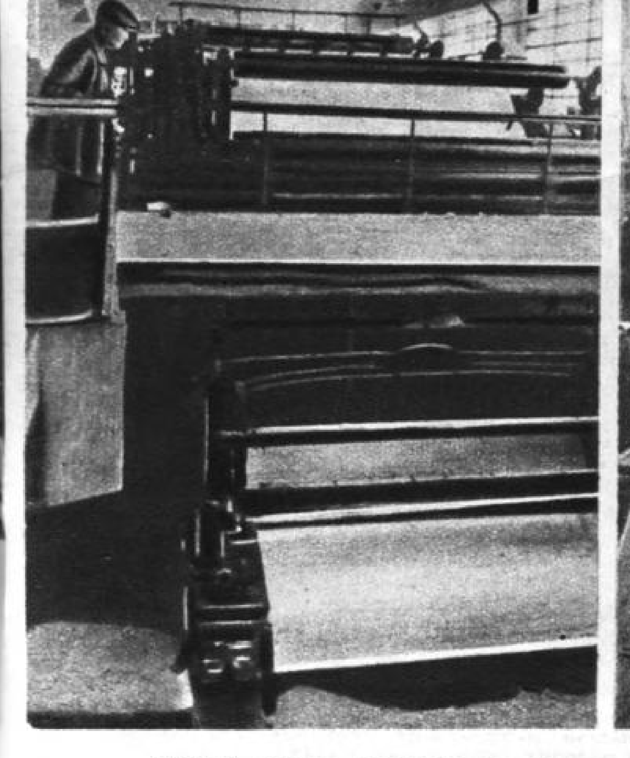

На 126 процентов больше, чем в 1948 году, выпущено в прошлом году легковых автомобилей. Десятки тысяч «побед», «зис-110», «москвичей» мчатся по дорогам страны. Намного вырос также выпуск грузовиков и автобусов. На снимке: конвейер Горьковского автозавода имени Молотова.

Полтораста тысяч тракторов, 29 тысяч комбайнов, свыше 1600 тысяч других сельскохозяйственных машин получило в 1949 году социалистическое сельское хозяйство — в три—четыре раза больше, чем в довоенном 1940 году. Выпуск тракторов в четвертом году пятилетки в сравнении с 1948 годом увеличен на 55 процентов, комбайнов — на 101 процент. На снимке слева: сборочный цех Челябинского тракторного завода.

Для обеспечения дальнейшего технического прогресса важнейших отраслей народного хозяйства в 1949 году отечественной промышленностью создано и поставлено на серийное производство свыше 300 важнейших новых конструкций высокопроизводительных машин и механизмов. Освоены новые типы аппаратуры для автоматизации производства. На снимке: испытание нового станка на Ленинградском станкостроительном заводе имени Свердлова.

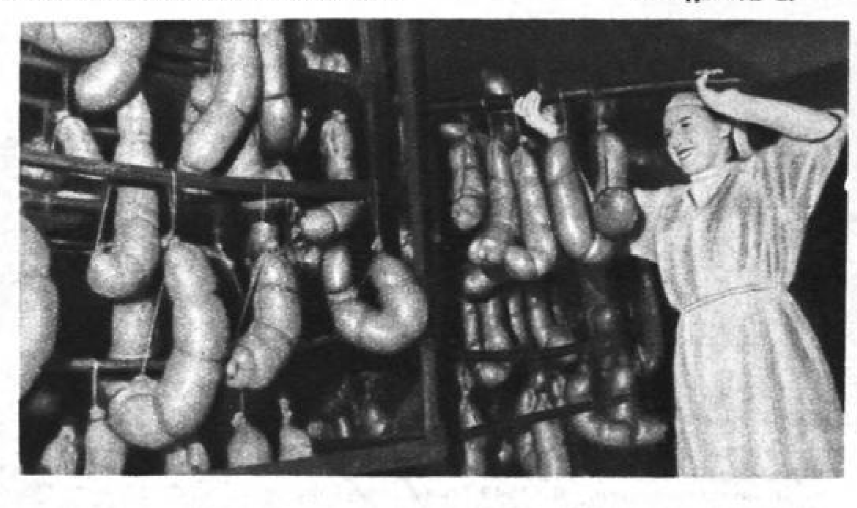
Бумаги страна получила на 27 процентов больше, чем в 1948 году. Это миллионы новых книг, газет, журналов, тетрадей. На снимке: бумагоделательная машина Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината.

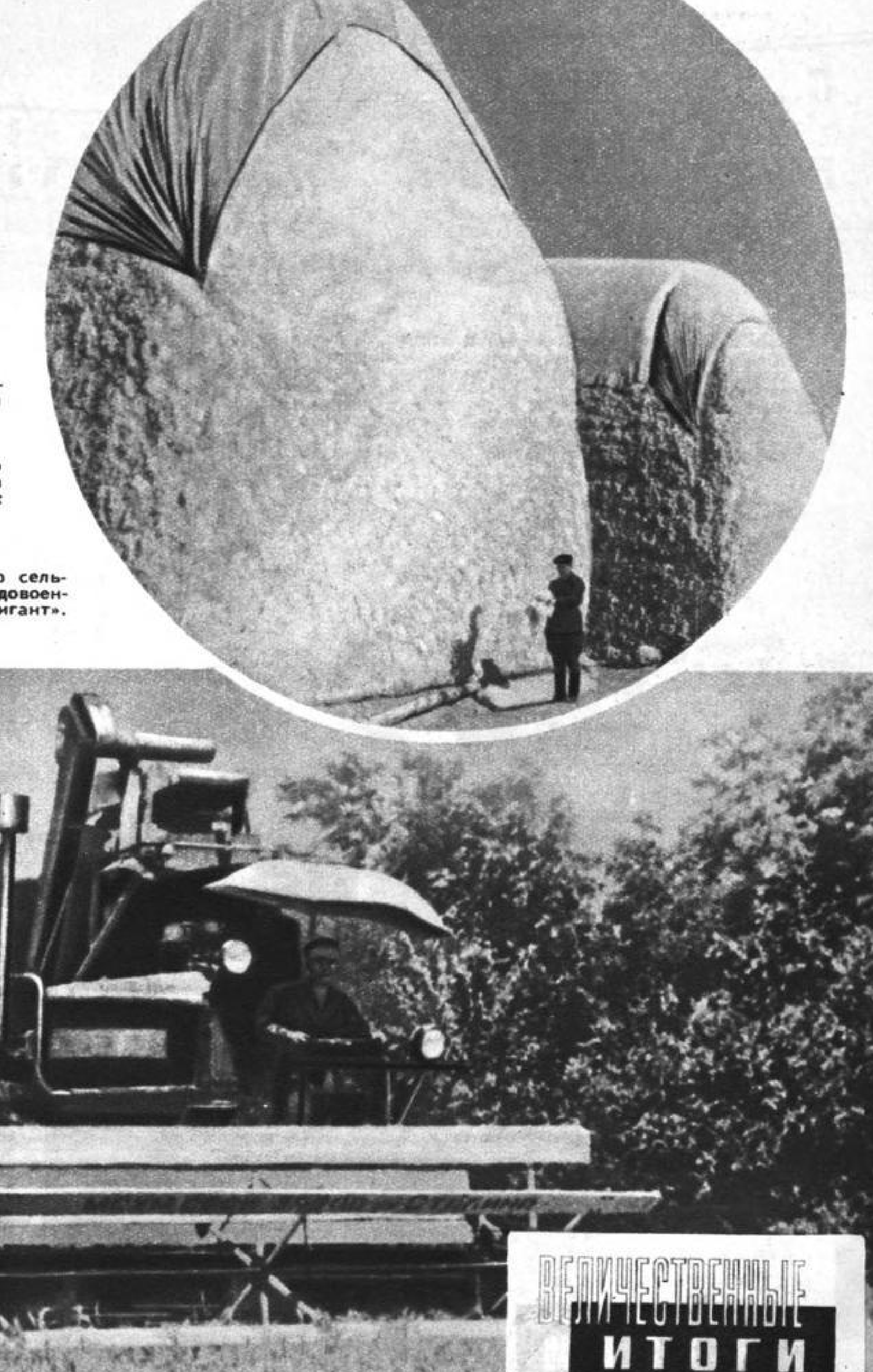
В 1949 году было выпущено на 22 процента кожаной обуви больше, чем в 1948 году. На снимке: конвейер цеха женской обуви ленинградской фабрики «Пролетарская победа» № 2.

Лес для строек, для шахт, для производства бумаги... На 15 процентов больше, чем в предыдущем году, вывезено деловой древесины в 1949 году. На снимке: сплав леса на Каме.

Много мяса, масла, консервов и других продуктов сверх плана выработала пищевая промышленность в 1949 году. На снимке: в колбасном цехе Московского мясокомбината имени Микояна.

Советская промышленность получает все больше сырья от сельского хозяйства. В 1949 году валовой урожай хлопка, льна, подсолнечника и картофеля значительно превысил урожай 1940 года. На снимке справа: на Ленинабадском хлопкозаготовительном пункте.

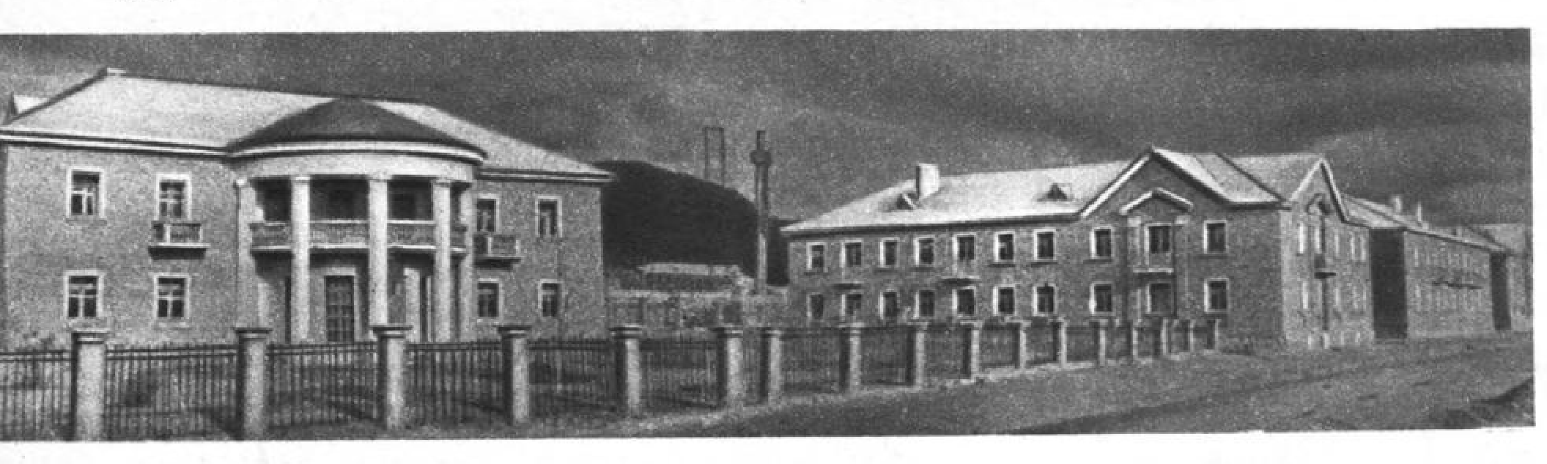
Крупные победы одержали колхозники, работники социалистического сельского хозяйства. Валовой урожай зерновых культур превысил уровень довоенного 1940 года. На снимке внизу: уборка урожая на полях совхоза «Гигант».

Успешно осуществляется трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного животноводства. В 1949 году вновь организовано около 120 тысяч колхозных ферм крупного рогатого скота, овцеводческих, свиноводческих и птицеводческих ферм. На снимке: на экспериментальной базе Украинского научно-исследовательского института животноводства.

Промышленность, строительство и транспорт получили 723 тысячи молодых квалифицированных рабочих, окончивших в 1949 году ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения. На снимке: учащиеся ремесленного училища в цехе завода «Азовсталь».

В 1949 году многие советские люди отпраздновали новоселье. За четыре года послевоенной пятилетки в стране построено и восстановлено жилищ общей площадью свыше 72 миллионов квадратных метров. На снимке: строительство новых домов для рабочих Уральского автомобильного завода имени Сталина.

В 1949 году советский народ достиг значительных успехов во всех областях социалистической культуры. В конце года в начальных, семилетних и средних школах, в техникумах и других специальных учебных заведениях обучалось свыше 36 миллионов человек — почти на 2 миллиона больше, чем в 1948 году. Число студентов в высших учебных заведениях, включая обучающихся заочно, достигло в 1949 году 1128 тысяч человек — на 316 тысяч больше, чем до войны. На снимке: в аудитории Днепропетровского металлургического института имени Сталина.

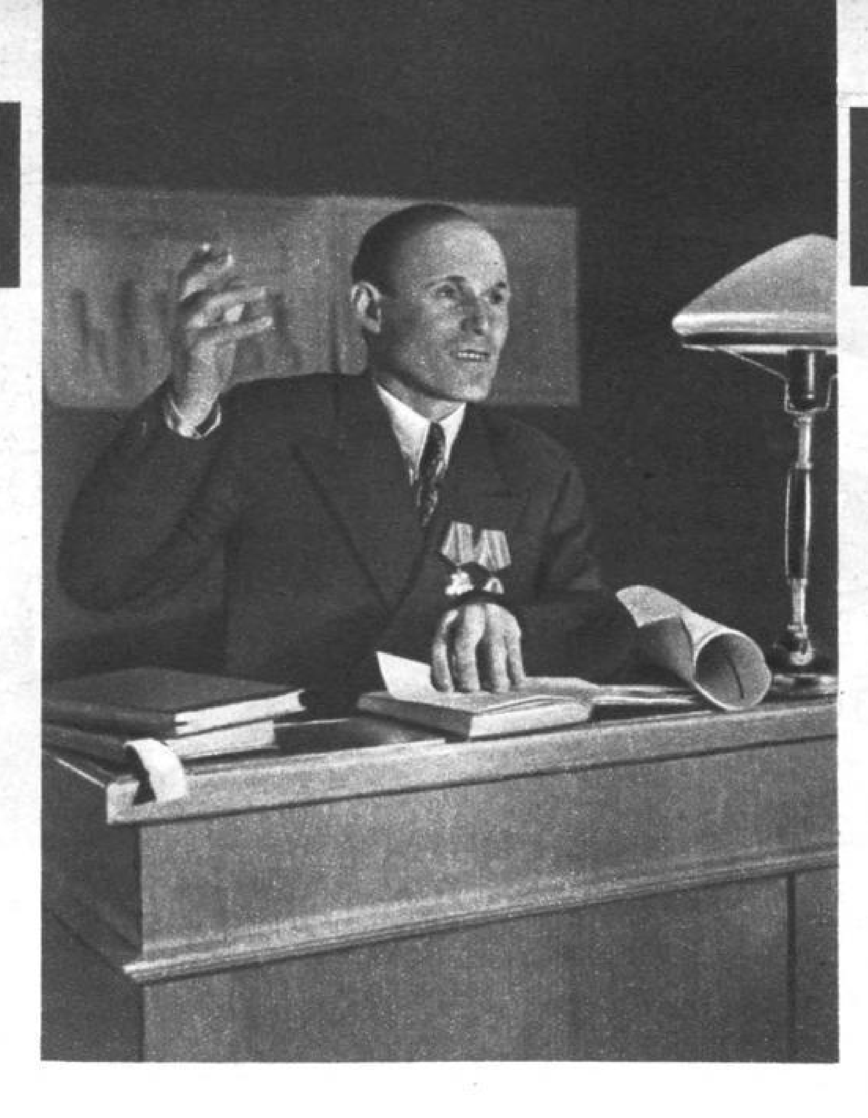
С каждым годом улучшается материальное положение рабочих, крестьян и интеллигенции. В 1949 году государство израсходовало свыше 110 миллиардов рублей (почти в 3 раза больше, чем в 1940 году) на пособия и выплаты по социальному страхованию рабочих и служащих, пенсии по социальному обеспечению, на бесплатные и льготные путевки в санатории, дома отдыха и детские учреждения, на пособия многодетным и одиноким матерям, бесплатную медицинскую помощь и другие выплаты и льготы. На снимке: в детском саду Криворожского металлургического завода.

УРАЛМАШ УЧИТСЯ

Фотоочерк Дм. Бальтерманца и В. Викторова

С трибуны первого Всесоюзного совещания стахановцев товарищ Сталин предсказал неизбежность уничтожения у нас противоположности между трудом умственным и трудом физическим. Прошло всего четырнадцать лет — и предвидение товарища Сталина становится явью, а наше поколение — свидетелем и участником стремительного и грандиозного процесса.

Кто теперь из советских людей не воспринимает как повседневность тот факт, что вся наша страна учится, что цехи фабрик и заводов стали филиалами техникумов и вузов, а колхозы — филиалами сельскохозяйственных институтов? Кого теперь может удивить диплом инженера в руках недавнего еще рабочего-стахановца?

Передовое предприятие страны, Уральский завод тяжелого машиностроения им. Серго Орджоникидзе досрочно выполнил пятилетний план по объему промышленного производства. Завод выпустил продукции намного больше, чем в довоенном, 1940 году, дав стране прекрасные машины, стоящие на уровне последних достижений науки и техники.

Ниже мы публикуем фотоочерк, рассказывающий о том, как учатся люди Уралмашзавода.

Вот перед нами прославленный стахановец Уралмаша коммунист Виктор Терентьевич Пономарев. Он разработал новый метод скоростной нарезки шестерен и произвел подлинную революцию в зуборезном деле. Книга, написанная Пономаревым на эту тему, получила широкое распространение среди рабочих и инженеров на всех предприятиях страны. Действительный член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний Виктор Терентьевич часто выступает с докладами в Свердловске и Москве. Занимаясь по вечерам, Пономарев закончил в прошлом году семилетку, а теперь он студент вечернего техникума имени Серго Орджоникидзе при Уралмаше. Уча других, он непрерывно учится сам, как и большинство уралмашевцев. Завод стал огромным учебным комбинатом.

1. ПЕТЯ СПИРИН ПОЛУЧАЕТ ТРЕТИЙ РАЗРЯД

Девять месяцев назад пришел на Уралмаш Петя Спирин, восемнадцатилетний юноша из уральского села Мокрушино. Мастер подвел Петю к огромному фрезерному станку, около которого стоял сосредоточенный, серьезный человек, и сказал: «Вот тебе, Михаил Петрович, новый ученик».

Опытный фрезеровщик Михаил Петрович Кузьмин терпеливо и настойчиво обучал крестьянского паренька. И вот сдан техминимум. Теперь Петя Спирин — молодой квалифицированный рабочий, помощник своего учителя Михаила Петровича Кузьмина.

2. МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ КУЗЬМИН ЗАНИМАЕТСЯ В ПЯТОМ КЛАССЕ

Учитель Пети Спирина, закончив работу, прямо из цеха направляется в школу и садится за ученическую парту.

На Уралмаше 2600 человек занимаются в вечерних школах, там можно встретить и безусых токарей и степенных пожилых рабочих. Для последних выделена даже одна из школ, чтобы не смущались они соседством молодежи.

Михаил Петрович Кузьмин решил получить среднее образование. Случается, что готовить уроки помогает ему дочка Людочка, на один класс обогнавшая отца.

3. В СТАХАНОВСКОЙ ШКОЛЕ

Фрезеровщик Кузьмин занимается не только в общеобразовательной школе, но и в своем цехе. Здесь работает стахановская школа, которой руководит старший мастер разметки коммунист Николай Петрович Кобяков.

На разметочном столе, у огромной детали, Кобяков учит рабочих умело и быстро разбираться в тонкостях разметки. Внимательно следит Кузьмин (первый слева) за рассказом своего товарища, искусного разметчика Кобякова.

4. НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ КОБЯКОВ — СТУДЕНТ ТЕХНИКУМА

Николай Петрович в течение года занимался на курсах мастеров социалистического труда. Он поставил тогда перед собой задачу не только успешно закончить курсы, но и подготовиться к поступлению в вечерний машиностроительный техникум. С помощью инженера Сергея Алексеевича Двинянинова, преподававшего на курсах мастеров, Кобяков достиг своей цели. Сейчас он студент второго курса.

В каждом цехе Уралмаша можно встретить дипломированных командиров производства, вчерашних рабочих — питомцев машиностроительного техникума. 374 уралмашевца без отрыва от работы получают сейчас среднее техническое образование.

После лекции Николай Петрович Кобяков встретился с инженером Двинянинывым. Сергей Алексеевич — не только бывший учитель Кобякова, но и будущий. Вот уже два года он ведет на четвертом курсе техникума предмет — металлорежущие станки. Скоро Кобяков и Двинянинов снова встретятся в учебной аудитории.

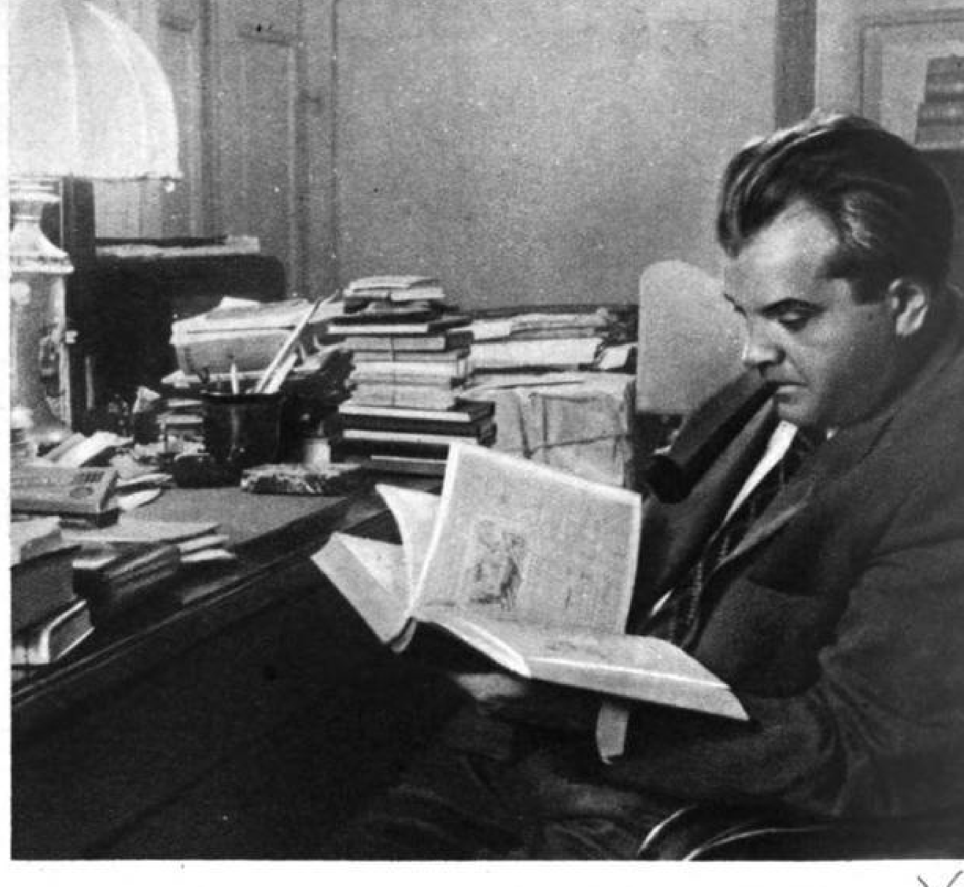

5. ДВИНЯНИНОВ УЧИТСЯ У ИНЖЕНЕРА АНФИМОВА

Вся жизнь конструктора Двинянинова насыщена учебой. Он пришел на Уралмаш по окончании техникума, когда еще только строились цехи завода. Работая, Двинянинов продолжал свое образование. Закончив в 1945 году вечерний институт и получив диплом инженера, он и теперь учится.

С большим интересом прослушал недавно Двинянинов лекции Михаила Ивановича Анфимова на курсах повышения квалификации инженеров - конструкторов. Занятия проходили в заводских цехах, у чертежных досок, в заводской лаборатории. На снимке вы видите инженера Двинянинова (в центре слева), конспектирующего лекцию инженера Анфимова (в центре справа).

6. ИНЖЕНЕР АНФИМОВ ЗАНИМАЕТСЯ У ДОЦЕНТА КОНВИСАРОВА

Начальника бюро прокатного оборудования Михаила Ивановича Анфимова по вечерам можно встретить на кафедре деталей машин Уральского политехнического института имени С. М. Кирова. Но здесь Анфимов выступает уже не в роли лектора, а слушателя.

Михаил Иванович — один из тех двадцати трех инженеров Уралмаша, которые входят в высшую группу разветвленной учебной сети завода — группу диссертантов.

Уже сдан кандидатский минимум: общий курс деталей машин, английский язык, специальный курс по червячным передачам. Успешно сдан философский цикл. Михаил Иванович за один год успел закончить университет марксизма-ленинизма. На Уралмаше широкое развитие получило политическое просвещение. Партийная организация политической и общеобразовательной учебе придает важное значение.

Инженер Анфимов теперь готовит диссертацию. Консультирует его кандидат технических наук Дмитрий Викторович Конвисаров.

7. АКАДЕМИК АРТОБОЛЕВСКИЙ КОНСУЛЬТИРУЕТ КОНВИСАРОВА

Имя Дмитрия Викторовича Конвисарова в нашей науке тесно связано с разработкой одной из важнейших, мало исследованных проблем — трения и износа металлов. Одиннадцать лет назад Дмитрий Викторович написал на эту тему большую работу и получил ученую степень кандидата технических наук.

Работая в Томске, в Сибирском физико-техническом институте под руководством лауреата Сталинской премии, члена-корреспондента Академии наук, доктора технических наук Владимира Дмитриевича Кузнецова, молодой ученый увлекся проблемой трения и износа металлов. Теперь Конвисаров — известный авторитет в этой области, автор большой работы, изданной в 1948 году,— «Внешнее трение и износ металлов». У него уже немало учеников, но, верный закону нашей, советской жизни — учить и учиться,— кандидат технических наук Конвисаров готовит докторскую диссертацию, а консультирует его академик Иван Иванович Артоболевский.

8. УЧАТСЯ И УЧАТ

Недавно Дмитрий Викторович Конвисаров принял участие во Всесоюзной конференции по вопросам трения и износа металлов, созванной в Москве Академией наук СССР. На этой конференции уральский ученый встретился с крупнейшими учеными нашей страны, познакомился с последними работами в этой области. И вот, вернувшись в Свердловск, он получил приглашение прочесть доклад о работах конференции студентам вечернего отделения политехнического института при Уралмаше.

Все годы войны Дмитрий Викторович вел здесь курс деталей машин. Его хорошо знают уралмашевцы, и аудиторию доотказа заполнили студенты.

Из стен этого высшего учебного заведения вышло много крупных инженеров, получивших образование без отрыва от производства. Достаточно сказать, что воспитанниками вечернего института являются главный инженер завода лауреат Сталинской премии Сергей Иванович Самойлов и главный конструктор лауреат Сталинской премии Александр Борисович Верник.

382 уралмашевца учатся сейчас на пяти курсах института. В его аудиториях можно встретить электрослесаря Илью Ситникова, карусельщика Александра Пьянкова, строгальщика Михаила Баранчикова, токаря Юрия Васильева, фрезеровщицу Валентину Кремлеву и многих других стахановцев Уралмаша, будущих инженеров.

На снимке в первом ряду справа налево сидят три друга — студенты-выпускники института — Дмитрий Орлов, начавший свой рабочий путь токарем и ставший уже в процессе учебы конструктором, Владимир Кривоусов, старший мастер механического цеха, и Владимир Рудоискатель, сменивший слесарный верстак на конструкторский пульт.

Рядом с тремя дипломниками сидят Надежда Кокорина, студентка первого курса, и ее брат Петр, студент второго курса.

9. ВСЕЙ СЕМЬЕЙ... Семья Кокориных в сборе. С интересом прислушиваются рабочий Уралмаша Николай Михайлович Кокорин и его жена Ефросинья Яковлевна к разговору детей. Родители справедливо гордятся их успехами.

Сын Иван (первый слева), работавший мастером и одновременно учившийся в средней школе, окончил в 1949 году 10-й класс с золотой медалью и с одобрения «семейного совета» пошел учиться в политехнический институт. Надежда тоже окончила среднюю школу и вместе со старшим братом Петром учится на вечернем отделении вуза, а старшая сестра Анна, окончившая еще в 1943 году вечерний техникум, работает сейчас сменным мастером и одновременно занимается на пятом курсе вечернего института.

Четыре тысячи уралмашевцев садятся каждый вечер за учебные парты школ, техникума и института. Учатся все: отцы и дети, молодые рабочие и маститые инженеры, мастера и подмастерья. Уралмаш — это дружная семья школьников и студентов, и частицей ее является семья Кокориных.

* *
*

От рядового рабочего Пети Спирина до кандидата технических наук Конвисарова — таков размах учебы на Уралмаше. Такова одна учебная цепочка, показанная нами. А сколько таких цепочек протянулось по всей нашей стране, в которой право на образование обеспечено Сталинской Конституцией!

Они будут выбирать в Москве

Группа молодых рабочих стройки высотного дома на Смоленской площади.

Фото Г. Куприянова.

Дед строил церкви в Воронеже, отец — купеческие особняки, а сын одевает ныне в каменную одежду каркас высотного дома на Смоленской площади.

Такова история семьи Самойловых. В их роду было немало столяров, плотников, маляров. Отхожий промысел в старое время служил подспорьем в скудной крестьянской жизни.

Колхозная пора открыла новые горизонты. Но семейные традиции брали свое, и, когда Ванюша подрос, его решено было пустить по строительной части.

«Строительная часть» в советской действительности выглядит, конечно, не так, как прежде; Ваню определили в школу ФЗО. Опытные мастера учили его искусству кирпичной кладки, знатные стахановцы раскрывали ему свои производственные «секреты».

Вместе со всеми восстанавливал Иван Самойлов разрушенный врагом Воронеж. Строил заводы, жилые дома, магазины. Ловкие руки молодого каменщика творили чудеса. Он намного опережал своих сверстников, а подчас даже опытных, пожилых рабочих. Самойлова заметили и в конце прошлого года послали в Москву — на стройку высотных зданий.

И вот он сидит в кругу таких же юных, крепких парней и девушек в спецовках и телогрейках. Разговор идет о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР, о Сталинской Конституции, о столице.

— Один раз я уже голосовал, — замечает Самойлов, — но это было в Воронеже.

— А разве не все равно, где выбирать?

— Одинаково, конечно... Но все же Москва... Ну, как вам сказать понятнее? Москва!.. Ведь здесь живет Сталин... Первый город на свете...

Иван Самойлов стахановским трудом встречает выборы: ежедневно выполняет норму на 200—250 процентов.

Почти все молодые рабочие стройки высотного дома на Смоленской площади готовятся к выборам так же, как Иван Самойлов. Половина здешних строителей — молодежь. Со всех уголков страны приехали они в столицу. У многих биография схожа с самойловской. Село, школа, ФЗО или ремесленное училище, стройка. Вот несложный жизненный путь всех этих молодых каменщиков, плотников, бетонщиков, сварщиков, слесарей. Дети свободного, творческого труда, они говорят: «Чем можно еще отметить выборы, как не хорошей работой!».

Каменщик Петр Смольков выполняет сейчас задание на 170—180 процентов, плотник Иван Зарубин — на 200, столяр Николай Федоров — на 125.

С. БОГОРАД

ЛУЧШИЙ ПАРОВОЗ СТРАНЫ

Телеграмма была из Москвы, из министерства путей сообщения СССР. «Локомотив машиниста Решетняка вышел победителем во всесоюзном соревновании, ему присвоено звание «Лучший паровоз страны».

Весть эта пришла в Киевское депо имени Андреева, когда Тимофей Максимович Решетняк и его прославленная бригада были в пути. Встречать их из рейса собралось много людей.

— Благодарю, друзья, — взволнованно отвечал на поздравления Тимофей Максимович. — Обещаю работать еще лучше.

...Поезд плавно подходит к перрону вокзала в Киеве. Некоторые пассажиры направляются к паровозу Решетняка.

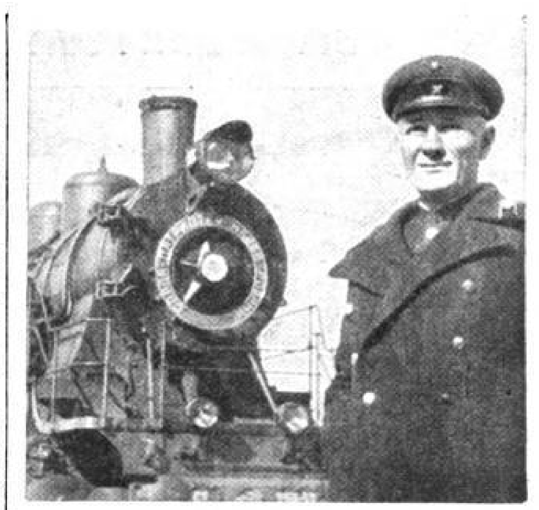
— Спасибо вам, товарищ машинист, — говорит пожилая колхозница. — Добре довезли нас, даже чай в стаканах не расплескали.

Окончен рейс. Скоро подойдет смена. Можно и на отдых. Но Тимофей Решетняк не торопится уходить. Поставив локомотив на смотровую канаву, машинист проверяет все механизмы. Лишь убедившись, что паровоз в полной исправности, он сдает его бригаде напарника.

Обычно после 80 тысяч километров пробега пассажирские локомотивы идут на подъемочный ремонт. Обновляются котел, колесные пары — почти все механизмы большой и сложной машины, а паровоз машиниста Решетняка стал на ремонт после 160 тысяч километров пробега.

• • •

Как только стало известно о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР, в механическом цехе одного из депо собрались ремонтники, машинисты, кочегары, путейцы. Предложение машиниста-инструктора Сергея Голубицкого и машиниста Решетняка встать в честь выборов на стахановскую вахту одобрили все. А уже к концу дня листовки-«молнии» возвестили о первых успехах, достигнутых в соревновании. Токари-скоростники Песковой, Греков, фрезеровщик Котырло выполнили за смену по три нормы. Машинисты Крахмальный, Москваленко и Дымов в тридцатиградусный мороз провели поезда точно по графику, сэкономили в поездке по нескольку тонн топлива. Трудовой подъем в депо растет с каждым днем.

Старший машинист депо имени Андреева Т. М. Решетняк.

Фото К. Познякова

Горячие дни у составителей поездов Фастова, Коростеня, Гребенки, Дарницы и других станций Юго-Западной дороги. Составители Савченко, Марчук, Шайдетский и многие другие выдают гарантийную марку — ручательство за отличное качество формирования состава.

Железнодорожники Украины готовятся достойно встретить выборы в Верховный Совет СССР.

Л. ГАЛИНСКИЙ

На фабрике отличного качества

В дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР почтальон принес в контору пензенской бумажной фабрики «Маяк революции» очередную пачку писем. Фабрика эта завоевала почетное звание предприятия отличного качества; ее продукция расходится по всей стране. В сегодняшней почте были письма из многих городов, краев и областей страны.

«Сегодня я приобрел в одном из магазинов Ростова на Дону пачку почтовой бумаги, сделанной на вашей фабрике. Убедившись в ее отличном качестве, я захотел написать письмо, чтобы поблагодарить рабочих, выпускающих действительно превосходную бумагу. Может быть, благодарность отдельного потребителя для вас несущественна, но я все-таки посылаю ее. А. Козлов, Ростов на Дону, Ворошиловский проспект, 49».

Ученица шестого класса железнодорожной средней школы со станции Чиили, Казахской ССР, Таня Курьерова старательным детским почерком на вырванном из тетради листочке написала: «Дорогой тов. директор! Весь наш класс благодарит вас за доброкачественные тетради, за красивые промокашки и даже за поля! Все мы теперь на ваших тетрадях будем получать пятерки. Благодарим вас и желаем еще тетрадки присылать в нашу школу».

В чем же секрет успеха пензенских бумажников? Работают они на фабрике, которой в этом году исполняется сто лет, в ее цехах стоят старые машины.

На этот вопрос директор Е. Ф. Галкин отвечает:

— Бумажное производство требует очень высокой организации труда. Взаимозависимость цехов настолько велика, что малейшая оплошность на любом из производственных процессов немедленно сказывается на качестве бумажного листа. Следовательно, все дело в людях, в понимании ими своей ответственности за работу. Этим и отличается наш коллектив. У нас тридцать процентов рабочих с большим опытом и стажем, остальные же молодежь. Но какая молодежь! Наши юноши и девушки с жадностью изучают все тонкости сложнейшего технологического процесса и повышают свою квалификацию.

На «Маяке революции» работают отличные мастера, работают с душой, ревностно относятся к качеству изделий. Из каждых 100 рабочих 98 — стахановцы, мастера высококачественной продукции.

Слово, данное в начале 1949 года любимому вождю товарищу Сталину, пензенские бумажники сдержали. Годовой план они выполнили раньше обещанного срока — 16 ноября — и выпустили много бумаги сверх плана. А сверхплановая продукция — это еще сотни тысяч школьных тетрадей.

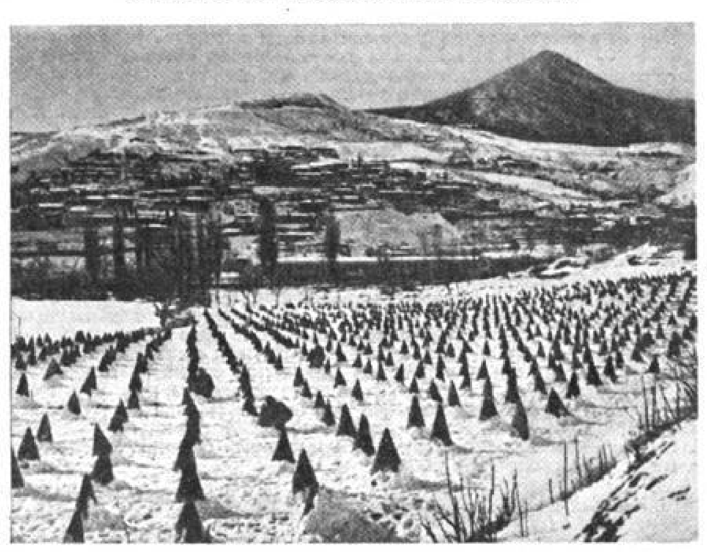
Фабрика дает высокие сорта бумаги: картографическую, печатную, писчую, рисовальную, бюварную и т. д. Когда встал вопрос, кому доверить выпуск бумаги для нового издания Большой советской энциклопедии, Министерство лесной и бумажной промышленности СССР поручило этот ответственный заказ коллективу «Маяка революции».

Пензенские бумажники поставили перед собой задачу — завоевать право именоваться лучшим предприятием бумажной промышленности Советского Союза.

— Я уверен, — говорит тов. Галкин, — что наши стахановцы добьются этого. Ко дню выборов в Верховный Совет СССР мы дадим родине сверх плана сотни тонн бумаги и десятки тысяч школьных тетрадей отличного качества.

М. АМШИНСКИЙ

СУБТРОПИЧЕСКИЙ ПИТОМНИК

Недалеко от Ялты создан Центральный субтропический питомник для выращивания посадочного материала. На снимке: мандариновые саженцы, укрытые от мороза, на цитрусовой плантации питомника.

Фото Б. Шейнина (ТАСС)

В честь выборов в Верховный Совет СССР

На предприятиях Алма-Аты (Казахская ССР) ширится социалистическое соревнование в честь выборов в Верховный Совет СССР. Мотальщица хлопкопрядильной фабрики Гильдихан Ахметова, став на предвыборную вахту, ежедневно выполняет норму на 150—160 процентов.

Фото А. Бахвалова (ТАСС)

ЗА СОВЕТОМ В АКАДЕМИЮ

Животноводы Куйбышевской области на совещании во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. В первом ряду: чабан колхоза имени Войкова П. Разумов (слева) и чабан колхоза «Большевик» А. Никаноров.

Фото В. Евграфова

Конференцзал Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Здесь не раз встречались люди науки с людьми практики. Но 19 января в нем было особенно многолюдно. В зале делегация куйбышевских колхозников — председатели колхозов, стахановцы-животноводы, заведующие фермами, чабаны, телятницы, конюхи, доярки, птичницы — и академики во главе с президентом Т. Д. Лысенко, а также руководители и сотрудники научно-исследовательских институтов, представители министерства сельского хозяйства.

В этом году животноводы Куйбышевской области через областную газету обратились в академию с просьбой организовать встречи с учеными. И вот колхозники приехали в Москву, чтобы рассказать о своей работе и выслушать советы ученых.

Вице-президент академии В. П. Мосолов, открывая совещание, тепло приветствует колхозников. На трибуну поднимается председатель колхоза имени Энгельса Г. Косенко. Этот колхоз, инициатор встречи с учеными, перевыполнил в 1949 году план развития поголовья скота, досрочно рассчитался с государством по поставкам животноводческой продукции. Многие процессы на фермах колхоза механизированы, организована электродойка.

Рассказывая об успехах своего колхоза, товарищ Косенко говорит:

— То, что было вчера достижением, сегодня уже не удовлетворяет колхозников. Мы стремимся к тому, чтобы давать стране все больше и больше мяса, молока, масла, яиц. Для этого надо ускорить темпы выполнения трехлетнего плана развития животноводства. Мы просим работников науки помочь нам, научить, как разумнее использовать наши местные возможности.

Первый день совещания был целиком посвящен рассказам делегатов об их работе. Выступавшие поставили перед учеными ряд вопросов: как повысить урожайность трав и корнеплодов, как улучшить луга и пастбища, как ускорить воспроизводство стада и повысить его продуктивность, как организовать ветеринарно-зоотехническое обслуживание, как осуществить комплексную механизацию в животноводстве.

Второй день работы совещания был занят ответами ученых. Выступили академики И. Ф. Василенко, И. В. Якушкин, Н. Г. Беленький. Делегаты прослушали также сообщения научных сотрудников институтов.

С яркой и содержательной речью выступил президент академии Т. Д. Лысенко.

— За то, что вы не даете нам, ученым, отрываться от жизни, помогаете развивать науку, я от имени академии выражаю вам глубокую благодарность, — сказал президент, обращаясь к колхозникам. — Ваш приезд за советом в академию — великая для нас честь, вместе с тем он налагает на академию серьезные обязательства.

Академик Трофим Денисович Лысенко дал ряд ценных советов колхозникам.

За время пребывания в Москве делегация куйбышевских животноводов посетила Всесоюзный научно-исследовательский институт животноводства, осмотрела фермы экспериментальной базы Всесоюзной ордена Ленина академии сельскохозяйственных наук в Горках-Ленинских.

К. МАРКОВ

Сессия языковедов

Представители 40 различных национальностей — научные работники-лингвисты Академии наук СССР, академий и исследовательских институтов союзных республик — собрались в Москве на сессию. Эта сессия посвящалась важным проблемам языкознания, творческой разработке научного наследия выдающегося ученого, академика Николая Яковлевича Марра, восьмидесятипятилетие рождения и пятнадцатилетие со дня смерти которого широко отмечены советской общественностью.

С интересным докладом «Н. Я. Марр, как ученый и педагог» выступил академик И. И. Мещанинов. Он дал яркую характеристику разносторонней и плодотворной деятельности создателя материалистического учения о языке.

Н. Я. Марр нанес сокрушительный удар старой, реакционной лингвистике, доказав ее полную несостоятельность. Несравненный знаток десятков древних и современных языков, он глубоко изучил историю их возникновения и формирования. Непримиримый ученый-борец, он строил новое учение, основываясь на трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Неутомимый педагог, Марр влил свежую струю в университетское преподавание языковедческих дисциплин, воспитал школу своих учеников и последователей.

Доктор филологических наук профессор Г. П. Сердюченко сделал доклад о творческом пути Н. Я. Марра, поставившего языкознание на службу родного народа, поднявшего в этой области науки боевой дух советского патриотизма. На многочисленных примерах работ Н. Я. Марра — «Язык и мышление», «Язык и современность», «Письмо и язык» — докладчик показал, что ученый заново разрешил такие центральные проблемы лингвистики, как язык и общественное бытие, язык и мышление, историческое развитие языков мира и др.

О роли Н. Я. Марра в изучении языков народов Советского Союза доложил кандидат филологических наук Б. В. Горнунг.

Сессия заслушала также доклады действительного члена Академии наук Казахстана С. К. Кенесбаева, члена-корреспондента Академии наук Армении А. С. Гарибяна, члена-корреспондента Академии наук Азербайджана М. А. Ширалиева и выступления лингвистов, командированных научными учреждениями Украины, Грузии, Чувашии, Хакассии, Бурят-Монголии.

— Благодаря бескорыстной помощи русских ученых, — говорит С. К. Кенесбаев, — за годы советской власти выросли лингвистические кадры в Казахстане, изданы школьные учебники и наглядные пособия. Наши языковеды составили двуязычные словари и дали исследования по грамматике, фонетике, диалектологии казахского языка.

— Советские арменисты, — указал А. С. Гарибян, — обосновали новую теорию происхождения армянского языка, разработали проспект его истории. Они улучшили современную орфографию, пунктуацию, создали научную терминологию, написали учебники грамматики для начальной и средней школ.

Участники сессии внимательно прослушали сообщение доктора филологических наук И. М. Ошанина «Академик Н. Я. Марр и китаеведение».

Тема, волнующая советского художника

Кисть живописца правдиво отображает на полотне жизнь лишь тогда, когда сама действительность заключает в себе источник вдохновения. Высокий строй мысли, яркие впечатления жизни питают творчество советского художника. Об этом убедительно говорят картины, представленные на выставке живописцев Московской области.

Л. Крутик из города Пушкина написал «Возвращение из школы». Смотришь на картину, кажется — простой, будничный сюжет. Занятая стиркой мать, мальчик, бегущий домой после уроков, сад в цвету. Но по тому, как, оставив таз с бельем, подалась вперед женщина, как уверенно несет свой портфель школьник-пионер, освещенный весенним солнцем, видишь и силу материнской любви, для которой дети не в тягость, а в радость. О внимании к ребенку говорит и картина молодого учителя из Волоколамска В. Логунова «В сельской школе».

Люди Советской страны, их дела — главная тема художников. Знатный шахтер Мосбасса Е. П. Барышников (портрет работы художника А. Шепелюка) — это один из тех, кто добивается невиданной производительности труда. Миллионы подобных людей, простых, скромных тружеников, преображают жизнь и природу нашей Родины.

Пейзаж С. Кузина показывает созданное советским человеком «Клязьминское водохранилище», которое простирается, как извечно существовавшее озеро: так глубоки его воды в эти минуты покоя. П. Радимов и М. Кузнецов многократно выписывают полюбившиеся им виды шахт Мосбасса с их строгой красотой. Внимание художника А. Власова привлекает пахота: трактор, молодые трактористы, вздымающие пласт целины, поросшей пышными цветами и травами. А. Шапошников из Орехово-Зуева посвящает свою картину изображению цветущего фабричного сада. За пышной зеленью деревьев, за зарослями цветов скрыты корпуса фабрики. И молодые рабочие после смены отдыхают среди цветов. Как не похожи эти счастливые юноши и девушки на прежних, истомленных подневольной работой ткачей, каких, наверно, еще знал художник Шапошников, родившийся в 1894 году!

А. Шепелюк. Портрет почетного шахтера Мосбасса Е. П. Барышникова.

В. Логунов в портрете «Партизан Отечественной войны» дает образ молодого советского человека, защищавшего Родину от гитлеровских захватчиков. Лицо юноши исполнено уверенности, тверд взгляд: он знает — после победы, добытой в боях, снова зацветет родная земля, будет «Весна» (картина А. Власова), с талым снегом, с влажным холодком в чаще леса; будет весна над холмистыми просторами Загорска, с теплым светом, с нежной дымкой испарений.

Яркая, насыщенная жизнь страны захватывает художников, обогащает их творчество. Не все на выставке равноценно по зрелости рисунка, по сочности красок и мастерству. Но основное у художников Московской области — верное отражение чудесной советской действительности — есть. Пожелаем им еще большего успеха.

Л. АНДРЕЕВА

Л. Крутик. «Возвращение из школы».

Зинаида Кротова —
чемпион Советского Союза

В прошлое воскресенье в Москве закончилось соревнование по скоростному бегу на коньках для женщин.

В нем приняли участие сильнейшие спортсменки нашей страны. Среди них была и Людмила Игнатьева, которая двадцать два года назад выиграла первое состязание на первенство Советского Союза, а теперь словно бы демонстрировала великолепное спортивное долголетие; была двукратная чемпионка мира Мария Исакова, рекордсменка мира Зоя Холщевникова, молодая ленинградка Зина Кротова, наконец, совсем юная, начинающая спортсменка из Калинина Ремма Меньшова.

Москвичи на сей раз видели не только представительниц разного поколения, но и различные образцы техники скоростного бега на коньках, различные стили, манеру. В течение двух дней происходила интересная, временами захватывающая борьба, в которой часто проявлялись волевые достоинства.

Абсолютная чемпионка Советского Союза Зинаида Кротова и чемпионка мира Мария Исакова.

С момента, когда Мария Исакова под звуки оркестра вышла на залитую огнями прожекторов ледяную дорожку и подняла флаг соревнований, внимание зрителей было обращено к чемпионке мира. И когда она блестяще прошла почти всю 500-метровую дистанцию, а, приближаясь к финишу, споткнулась, сбилась с темпа и чуть не упала, — тысячи зрителей ахнули, затаили дыхание, а затем облегченно вздохнули. Все же она выиграла бег и вместе с ленинградкой С. Кондаковой разделила первое и второе места. Лишь на одну десятую секунды отстала от них Зоя Холщевникова, и следующей за ней оказалась Кротова.

Дистанция в 3 тысячи метров до сих пор считалась коронной дистанцией Холщевниковой, которая, как известно, в прошлом году пробежала ее за 5 минут 29,1 секунды и установила мировой рекорд, никем пока не побитый.

Однако Римма Жукова (Свердловск) в предельном, как казалось, напряжении сил быстрее всех закончила бег на 3 километра, опередив свою землячку Татьяну Карелину почти на 2 секунды, а Исакову — на 8 с лишним секунд. И опять на четвертом месте Зинаида Кротова.

Это была очередная удача. Второй день соревнований принес полный успех Зине Кротовой. Она в хорошем стиле прошла и с отличным результатом закончила бег на 1000 метров. На сей раз позади нее остались все участницы соревнований.

Перед началом забегов на 5 километров по сумме очков лучшие шансы на окончательную победу имели Кротова и Исакова. Все зависело от того, как они пройдут самую длинную дистанцию, в которой большую роль играет не только техника скольжения, но и физическая подготовка, выносливость, уменье правильно распределить силы.

Жребий свел их в одну пару и тем сделал наглядной борьбу сильнейших спортсменок.

Больше половины дистанции лидировала чемпионка мира. Зрители одобрительными криками подбадривали то свою землячку, то ленинградскую незнакомку, успевшую завоевать симпатии москвичей.

Однако Кротова постепенно уходила от опасной конкурентки, прекрасно прошла два последних круга и кончила бег первой.

Эта победа принесла ей звание абсолютной чемпионки СССР. Динамовка Зинаида Кротова занимается скоростным бегом на коньках лишь четыре года. В прошлом сезоне во время розыгрыша первенства страны она заняла четырнадцатое место.

В этом году Кротова успешно выступила в Горьком на матче десяти городов.

Мария Исакова по сумме очков четырех дистанций заняла второе место. На третьем оказалась Татьяна Карелина, на четвертом — Р. Жукова и на пятом — З. Холщевникова.

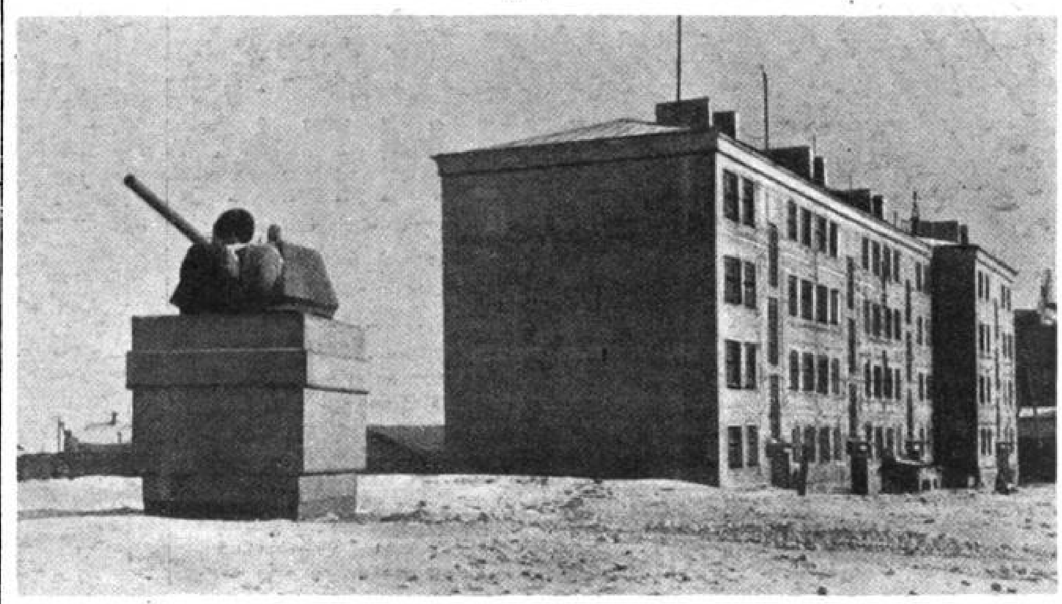
З. Кротову, Т. Карелину и Р. Жукову тренирует некогда известный конькобежец Е. Сопов.

Чемпионки СССР 1950 года. Слева направо: М. Исакова (Москва), Т. Карелина (Свердловск), С. Кондакова (Ленинград), Р. Жукова (Свердловск), абсолютная чемпионка Советского Союза — З. Кротова, главный судья соревнований — заслуженный мастер спорта Я. Мельников.

Фото А. Бочинина.

СТАЛИНГРАД СТРОИТСЯ

Гранитный постамент, обозначающий линию фронта сталинградской обороны у дома Павлова.

Фото М. Альперта.

Линия гранитных постаментов протянулась через весь Сталинград — от Лапшина сада на юге до поселка Спартановка на севере. Эта многокилометровая линия обозначает передний край сталинградской обороны ко дню перехода наших войск в наступление — 19 ноября. Именно в этот день наши воины пошли вперед к великой победе под Сталинградом, седьмую годовщину которой вместе со сталинградцами 2 февраля отметила вся наша страна.

Везде, где кипела битва — у Тракторного завода, в цехах заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь», у Банного оврага, на склоне Мамаева кургана, на улице Хользунова, — стоят гранитные постаменты — памятники сталинградской славы.

Рядом с первыми домами, поднятыми из руин после окончания сталинградской битвы, высятся теперь многоэтажные новые здания. Работают восстановленные промышленные гиганты, и рабочие этих предприятий живут в заново построенных прекрасных домах. Наиболее полно восстановлен город в районе заводов.

Теперь главное внимание будет уделено восстановлению центральных районов Сталинграда. В эти дни многие сталинградцы переезжают в новые дома по улице Ленина. Только один пятиэтажный дом № 27, сдаваемый сейчас строителями, имеет 3½ тысячи квадратных метров жилой площади.

Сданы шесть секций жилого дома по улице Ленина № 35, и сейчас заканчивается седьмая секция. Воздвигнуты пять монументальных зданий по Саратовской улице.

В 1950 году трест «Сталинграджилстрой» должен сдать городу 16 тысяч квадратных метров жилой площади. Но жизнь требует от строителей еще более быстрых темпов. Вносятся все новые поправки в генеральный план восстановления Сталинграда. Так, например, сейчас решено расширить основной планировочный стержень города — проспект имени Сталина. По первоначальным наметкам, этот проспект должен был быть застроен многоэтажными зданиями только в центральной части Сталинграда, а теперь он будет протянут от Сталинградского тракторного до южных границ города.

Строительство проспекта имени Сталина уже начато. На первых восьми километрах проспекта поднимаются красивые монументальные дома.

Главная улица Сталинграда в значительной своей части пройдет по тем местам, где проходила линия фронта, отмеченная ныне гранитными постаментами, и если эта линия — памятник бессмертной воинской славы, то грандиозный проспект, носящий имя Сталина, будет памятником созидательной славы советского народа.

Сталинград

В СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЕ

Неузнаваемо изменилась Ферганская долина. Она стала жемчужиной Узбекистана. Долина вся изрезана сетью больших и малых каналов. Здесь сооружен грандиозный Большой Ферганский канал имени И. В. Сталина. Развитие орошения выдвинуло задачу всемерного использования энергии воды для электрификации сельского хозяйства.

Полным ходом идет электрификация в Андижанской, Ферганской и Наманганской областях. 34 колхозных и межколхозных гидроэлектростанции Андижанской области дают свет 75 сельхозартелям. Ведется строительство новых сельских ГЭС, увеличивается мощность существующих. Вскоре ток получат десятки других колхозов, шесть МТС. Семь гидроэлектростанций освещают свыше 4000 домов колхозников в Андижанском районе. В конце года была пущена ГЭС в колхозе имени Дзержинского, руководит которым депутат Верховного Совета СССР Ташабай Мирзаев.

Гидроэлектростанции строятся в колхозе имени Карла Маркса, Избаскентского района, имени Ленина, Джалял-Кудукского района. Ведутся подготовительные работы к строительству ГЭС в Ходжиабадском, Аимском, Пахтаабадском и Андижанском районах.

Электричество вошло не только в дома, школы, клубы, больницы, полевые станы, чайханы-читальни, в различные производственные помещения колхозов и в животноводческие фермы. Оно начинает применяться для пахоты, уборки, молотьбы, сортировки, очистки и размола зерна, сушки хлопка, фруктов и овощей, водоснабжения, орошения, приготовления кормов, дойки коров, стрижки овец и т. д.

...Пройдет несколько лет, огни колхозных электростанций сольются с огнями ГЭС промышленных предприятий — и электрический свет зальет всю Ферганскую долину.

Правдивая КНИГА

Шотландские горняки о своей поездке в Советский Союз

Почетный шахтер П. Кривдин (слева) и руководитель делегации шотландских горняков Уильям Пирсон в Донбассе.

В первых числах августа прошлого года из Эдинбурга в Москву прибыла делегация шотландских горняков во главе с видным общественным деятелем Шотландии Уильямом Пирсоном.

Гости привезли с собой множество вопросов, показывающих искреннее желание шотландцев познакомиться с великими преобразованиями, свершившимися в нашей стране за последние 30 лет.

— Мы слишком мало знаем вашу страну, чтобы не удивляться всему, что нам приходится видеть, — заявляли члены делегации.

На шахте 13-бис треста «Советскуголь» в Донбассе, как, впрочем, и на всех других шахтах, которые посетили шотландские горняки, их удивляло обилие машин. Невысокий сухощавый Роберт Макоутчеон, работающий на шахте в графстве Файф 55 лет, сказал:

— Признаться, я думал, что угледобыча у вас совсем не механизирована.

— Благодаря множеству новейших машин вашим горнякам несравнимо легче работать, чем горнякам Шотландии и Англии, — добавил забойщик Хью Геддас.

С удовольствием осмотрев один из строящихся дворцов культуры, гости, смеясь, говорили о том, что им бы хотелось увезти этот дворец в Шотландию, чтобы показать, «что такое настоящее культурное обслуживание шахтеров».

Шотландские горняки посещали не только шахты, но и школы, клубы, квартиры рабочих. Прощаясь с шахтерами Донбасса, члены делегации обещали, вернувшись на родину, рассказать правду о своих встречах в Советском Союзе, обо всем, что они здесь видели.

Недавно в Эдинбурге профсоюз горняков Шотландии выпустил брошюру под названием «Делегация шотландских горняков в Советском Союзе». Эта книга — правдивый рассказ о нашей стране, об условиях труда и жизни шахтеров Подмосковья и Донбасса.

Руководитель делегации Уильям Пирсон в своем заявлении, напечатанном в брошюре, считает нужным заметить: «Некоторые английские газеты утверждали, что мы увидим только то, что русские захотят нам показать. Для такого клеветнического утверждения нет никаких оснований. Когда мы приехали в Москву, представители советских профсоюзов спросили нас, что мы хотим посмотреть и куда мы хотим поехать. Советские представители не пытались ничего скрыть от нас; они очень откровенно отвечали на наши вопросы и организовали поездку согласно нашему пожеланию».

С большой теплотой Уильям Пирсон описывает Москву, ее новые улицы, прекрасные здания, метро. «Москва олицетворяет, — заявляет он, — силу и достоинство советского народа и его правительства... Люди хорошо одеты, бодры и очень счастливы. Это, возможно, противоречит той картине, которую рисует английская печать, но всякий может убедиться в этом сам».

Незабываемое впечатление на шотландских горняков произвел высокий жизненный уровень советских людей, технический прогресс в промышленности, расцвет народных талантов, благоприятные условия для отдыха трудящихся.

Шотландские горняки разоблачают подлую клевету о «принудительном труде», который будто бы существует в Советском Союзе. Они пишут в своей книге: «Мы не только обсуждали этот вопрос с видными деятелями в Советском Союзе, но расспрашивали рабочих при встречах. Все полностью отрицали это, и ничто не вызывало более громкого смеха, чем этот вопрос, во время наших бесед с рабочими».

Шотландские горняки направляются на шахту «Юный коммунар» треста «Орджоникидзеуголь». Слева направо: Хью Геддас, Джон Маклин, Томас Фоуллер.

Фото Л. Азриеля

В свою очередь, отвечая на вопросы советских шахтеров, гости рассказывали о все ухудшающемся положении горняков Шотландии и Англии. То, что они увидели на шахтах Подмосковья и в Донбассе, несравнимо, по их собственному выражению, с положением рабочих любой капиталистической страны. С восхищением в брошюре описывается знакомство делегации с пионерскими лагерями, где члены делегации были приняты, как почетные пионеры; посещение парков, дворцов культуры и домов отдыха.

«Как было бы замечательно, если бы мы, горняки Англии, имели месячный оплаченный отпуск и такое место, куда мы могли бы поехать во время отпуска вместо того, чтобы слоняться по улицам, как это приходится делать многим...»

Так пишет забойщик Хью Геддас. Он заявляет, что советский образ жизни принес большие блага народу, и призывает трудящихся Англии не верить в лживые заявления империалистической печати, укреплять дружбу с советским народом.

В официальном отчете о своей поездке (он составляет первую часть брошюры) делегаты пишут: «Советское правительство уделяет огромное внимание просвещению и культуре. Повсюду, куда бы мы ни ездили, строятся новые школы, и все они очень просторны... Деньги не решают вопроса о том, кто будет учиться, как это часто бывает в нашей стране. Все больше и больше молодых людей поступает в университеты, и в Москве собираются строить здание университета в 24 этажа».

В дни своего пребывания в Советском Союзе шотландские горняки подробно познакомились с несколькими шахтами Донбасса. Это не были лучшие наши шахты. Перед гостями обычно раскладывался план угольного района, где они находились, и поездка совершалась на тот участок, который гости сами указывали. Так об этом и пишут шотландские горняки в своей книге. Они видели, насколько сильны разрушения, причиненные гитлеровцами Подмосковью и Донбассу, и направились в первую же шахту с убеждением, что здесь не могли быть созданы после войны хорошие условия для работы. Но то, что они увидели, глубоко поразило их.

«Вообразите себе наше удивление, — пишут они, — когда мы обнаружили, что первая шахта, в которую мы спустились, была самой механизированной шахтой, которую каждый из нас когда-либо видел».

Подъемные машины, дневное освещение, электровозы, тянувшие по сорок вагонеток, — все это казалось невероятным...»

Подробно описав советскую систему заработной платы, шотландские горняки рассказывают, каким почетом и уважением окружен в нашей стране труд шахтера.

Томас Фоуллер, Роберт Макоутчеон, Джон Маклин и другие члены делегации с возмущением пишут о том, что английская печать старается создать впечатление, будто жизненный уровень советского народа очень низок. Это клевета, заявляют шотландские горняки.

Джон Маклин, рассказывая об «удивительном прогрессе», который он видел в нашей стране, подчеркивает: «Вопреки тому, что мне раньше рассказывали, я убедился, что советский народ свободен и живет демократической жизнью, что его главное желание заключается в поддержании мира и дружбы со всеми народами».

Встречаясь с советскими рабочими, служащими, профсоюзными деятелями, шотландские горняки ставили вопрос об отношении Советского Союза к войне.

— Не может быть никаких сомнений, — заявляют они, — в искренности желания всего советского народа жить в мире со всеми народами.

Шотландские горняки призывают ответить на происки поджигателей войны укреплением дружбы между народами.

Эта маленькая книга, полная интересных и ярких наблюдений, будет пользоваться большой популярностью у английского народа, потому что она рассказывает правду о Советском Союзе и служит благородному делу укрепления дружбы между английским и советским народами.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Страна Советов

Неопубликованная статья академика А. Е. ФЕРСМАНА

Выдающийся советский ученый академик Александр Евгеньевич Ферсман в своей статье рисует увлекательную картину природных богатств нашей страны.
Статья написана на основе личных впечатлений автора, который во время многочисленных экспедиций изъездил всю страну, начиная с полярных окраин Кольского полуострова, кончая песками Каракумской пустыни и субтропиками побережья Каспийского моря; начиная от снежных вершин Кавказского хребта и гор Средней Азии до мягких увалов полярного Урала и алтайских предгорий.
«Пусть случайны, — говорил автор, — эти отдельные картины, но они кусочки того единого целого, которое мы называем родиной».

Возьмите географическую карту мира и посмотрите на очертания Советской страны, протягивающейся, как развевающееся боевое знамя, с запада на восток. Это больше, чем половина Европы и одна треть Азии. Это 1/6 часть обитаемой земли, где живет 200 миллионов человек.

Когда в Ленинграде 8 часов вечера, в Новосибирске уже полночь, а в Хабаровске 3 часа ночи, на Чукотке 6 часов утра. Когда на западной границе спускается вечер, на восточной уже светает. У нас каждый новый год встречают десять раз — в десяти различных поясах времени. Во Владивостоке, на Тихом океане, у вокзального перрона стоит столб с цифрой 9334. Подобной отметки нет нигде в мире, и дальневосточный экспресс мчится от Москвы до Владивостока 9 суток.

И соразмерно с этими грандиозными масштабами многообразен и разнообразен ландшафт. У нас есть области, находящиеся на 130 метров ниже уровня океана. Есть далеко уходящие за линию вечных снегов вершины, крупнейшие в Европе и Азии действующие вулканы.

Одни города нашей страны расположены ниже уровня океана, как Баку, Астрахань и Красноводск. Есть крупные поселения на высоте 4 тысяч метров. СССР омывают 14 морей и воды 3 океанов. Если в Охотском море дневные приливы достигают высоты в 11 метров, а на Кольском побережье они определяются в 4—5 метров, то на берегах Черного моря они едва заметны.

Среди многих десятков тысяч озер Байкал — самое глубокое озеро земного шара, а самые большие озера на земле—Каспийское и Аральское — даже получили названия «морей».

В то время как в Якутии морозы часто достигают 60—70 градусов, в Туркмении жара на солнце доходит до 70 градусов выше нуля. На берегах Охотского моря лиственница за 100 лет едва достигает толщины руки ребенка. Около города Кировска в Заполярье береза образует низкий кустарничек, стелющийся под ногами на громадных пространствах тундры. В Аджарии, на берегу Черного моря, молодые бамбуки почти на глазах вытягиваются в сутки на целых 60 сантиметров.

Если на севере в термометре замерзает ртуть (там и было впервые открыто превращение ртути в твердый металл), то в Средней Азии в часы летнего зноя пески накаливаются до 85 градусов. Когда Петропавловск на Камчатке засыпан снегами до крыш, в Туркмении заканчивается весенний сев. В Москве еще лютая зима, а в Батуми, на Черном море, уже расцветают розы, и из прекрасного курорта Сочи в столицу СССР присылаются вагонами живые ветки желтой мимозы. На берегах Черного моря, около Батуми, выпадает свыше 2 тысяч миллиметров осадков в год, а в низовьях Аму-Дарьи бывают годы, когда дождемер не отмечает ни одного миллиметра дождя. В Западной Грузии за один день выпадают многие сотни миллиметров осадков, а над Кара-Калпакией, в Средней Азии, свыше 300 дней в году на небе нет ни облачка. Над Беринговым проливом туман не рассеивается многими неделями.

И сообразно с этими чертами советской географии многокрасочен земной покров. Все типы почв известны в нашей стране, от тундровых сырых, невзрачных на побережье Ледовитого океана до черных мажущих плодородных земель Украины и краснозема Батумского предгорья и верховий Аму-Дарьи. Если в далекой Арктике и на арктических островах вечный лед превращен в нормальный почвенный слой, то в Колхиде покров земли создается буйной растительностью, которая дает три урожая в год. В полярных областях карликовые березы и стелющиеся сплошные лишайники в тундрах, а на берегах Черного моря прекрасные пальмы, агавы, кактусы и лотосы.

Мы видим на островах Ледовитого океана громадные базары птиц, в Ленкорани — изящные фигуры розового фламинго, белых медведей на льдинах Заполярья, тигров и барсов в джунглях Дальнего Востока, в зарослях низовьев Аму-Дарьи.

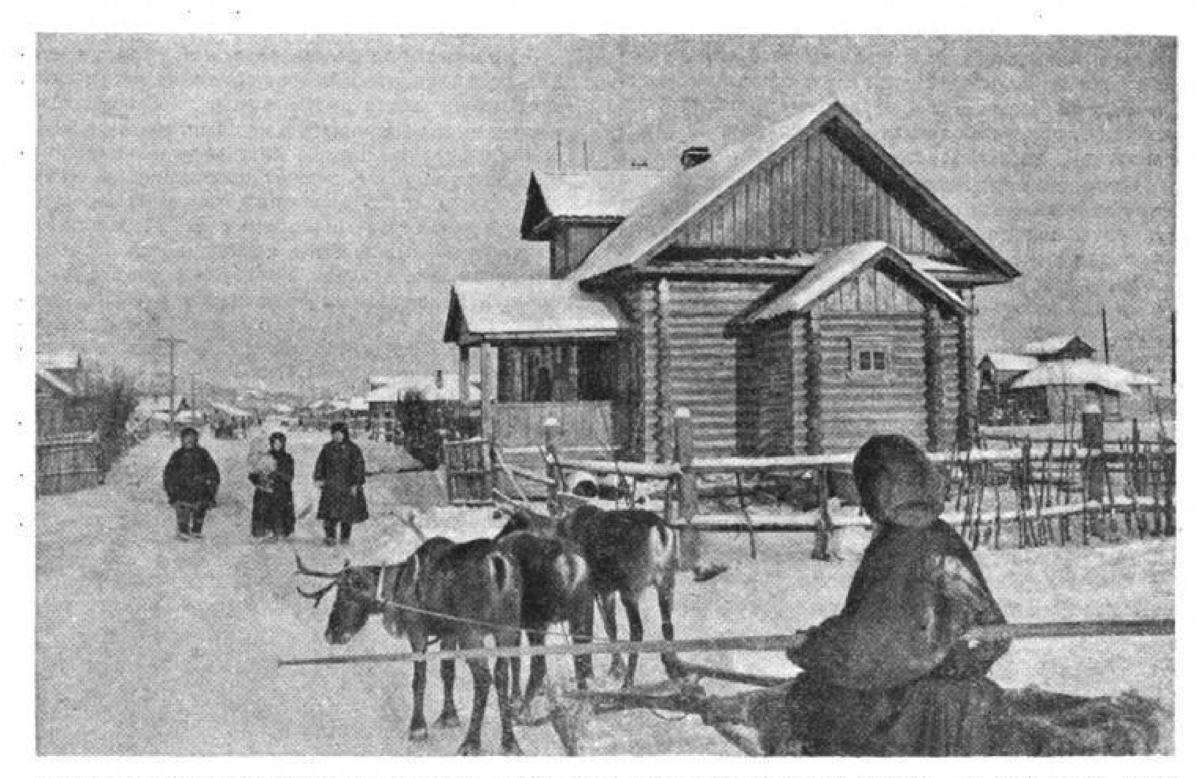
И в соответствии с разнообразием ландшафтов и сложностью природы разнообразны и богатства советской земли.

Не только каменный уголь, железные руды, нефть и горючие сланцы определяют собой богатства нашей страны и основу ее индустриализации. Богатства складываются из многих сложных факторов самой природы, из самих недр и их географического распределения, из источников энергии и ее характера, из плодородия земной поверхности и географического облика отдельных частей.

А между тем много земель еще не изучено геологами и геохимиками; каждый год приносит новые открытия, и на наших огромных геологических картах десятками тысяч значков всех цветов и всех форм отмечаются месторождения полезных ископаемых.

Мы научились понимать значение комплексного анализа производительных сил страны. Мы учились понимать ту новую географию, которая требует уменья сочетать ресурсы природы, и научились строить новые предприятия на основе этого анализа.

И действительно, не только недра с их богатствами, а и самая поверхность советской земли

Многообразна природа нашей Родины: в то время как за Полярным кругом, на Кольском полуострове, уже стоят холода и землю покрывает глубокий снег, в солнечной Грузии созревают мандарины и лимоны.

определяет будущую судьбу ее хозяйственного развития. Вспомним о полосе плодороднейшего чернозема, тянущейся от восточных предгорий Карпат до самого Байкала. Вспомним, что в Средней Азии на, казалось бы, бесплодном, но орошенном сероземе тополь вырастает в крупное дерево за пять-шесть лет, что еще более сказочны цифры для краснозема Колхиды, где с одного небольшого дерева грейпфрута можно собрать тонну плодов в одно лето.

Вспомним, что советские моря и реки изобилуют разнообразной рыбой, что в северной части Каспийского моря насчитывается свыше 32 промысловых видов рыб. На Дальнем Востоке, когда лососи идут метать икру в верховья рек, вода там кипит, как в котле. У Камчатки по мерзлому дну передвигаются несметные полчища крабов.

На наш Союз приходится одна треть лесов земного шара: миллиард гектаров. Лес простирается на тысячи километров от финской границы до Камчатки. Трудно даже перечислить разнообразные сорта леса, начиная с дальневосточного кедра и кончая грузинским твердым, как слоновая кость, самшитом.

Велики богатства нашей страны. Индустриализация разбудила эти дремавшие раньше силы, и тысячи новых заводов и фабрик стали превращать сырье в промышленные изделия.

И, конечно, на наших огромных просторах основная задача дальнейшего развития — это уничтожение расстояний, это вопросы транспорта. Рельсовые пути проникают в самые полярные части нашей страны, и самая крайняя, наиболее близкая к Северному полюсу точка железнодорожного пути расположена за Мурманском, на Кольском полуострове.

Огромные речные бассейны превращаются в новые, важные пути сообщения: канал имени Москвы связал столицу с Волгой. В будущем великая река протянет руку к Дону. Соединяются отдельные моря. Канал имени Сталина уже проложил путь из Балтийского моря в Белое. Развивается автотранспорт, прокладываются новые автомобильные дороги.

Растет и развивается авиация. Новые авиатрассы пересекают страну от Киева до Владивостока, от Ленинграда до Тбилиси, от Москвы до Ташкента. Советские самолеты овладели труднодоступными районами — песками Кара-Кумов, склонами Памира, тайгой Сибири, льдами Арктики.

Мы пьем утренний чай в Москве, завтракаем в Казани, обедаем в Свердловске, где успеваем еще попасть на вечернее заседание.

* * *

Родилась новая география. Для тех, кто не бывал раньше в России, кто не знал ее беспредельных лесов, степей и чересполосиц старых полей, для тех, может быть, не сразу бросится в глаза наша новая география. Она родилась за последние годы. Это новые промышленные центры, которые возникли там, где были дремучие леса. Новая география создалась в результате упорной борьбы и завоеваний советской науки.

Кольская земля... Новый край родился там, где ходили лишь стада оленей, где смелые выходцы из Новгорода несколько столетий промышляли дикого зверя, где редкое население занималось добычей рыбы и разведением многочисленных стад оленей. Возник край исключительных богатств, выдвинувший своих героев и положивший начало новым важным видам промышленности.

Только охотники заходили в предгорья южных уральских хребтов. А сейчас? На автомобиле мы приезжаем за несколько часов в крупнейший промышленный центр. Вот Магнитогорск с его грандиозными доменными печами; за многие десятки километров до нового центра вы уже чувствуете, что скоро попадете в большой промышленный город Южного Урала. Еще несколько сотен километров на юг — и еще новая картина — Орск, с огромными заводами, сплошными улицами цехов промышленных предприятий, дальше следуют рудники хрома и железа, меди и цинка, разбросанные в предгорьях Урала, среди сплошной целины, превращенной сейчас в плодородные поля.

Осваиваются просторы полярного океана. Смелые советские исследователи впервые дали нам ясную картину наших арктических богатств. Научные станции, разбросанные на далеком юге, осветили природу новых, рожденных за последние годы производственных районов; сухие субтропики близ побережья Каспия с его громадными плантациями каучуконосов, влажные субтропики Черного моря с плантациями цитрусовых и эфироносов, новые субтропики со своеобразными плантациями самых различных растений Уссурийского края, овеянные влагой Тихого океана.

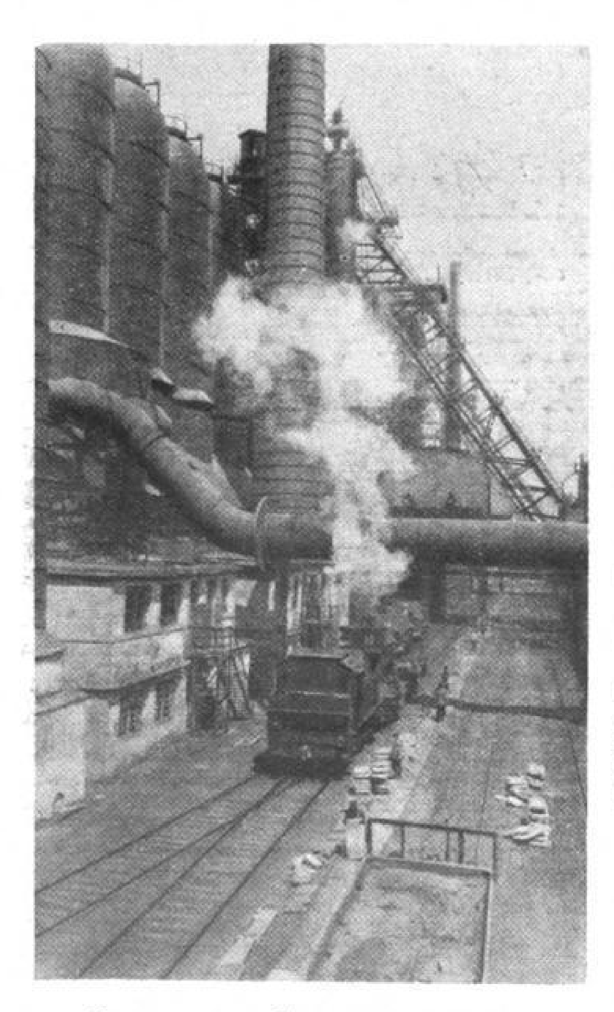
Далеко к северу и к югу распространилась власть сельского хозяйства. На север проникла пшеница, за Полярным кругом возделываются рожь и овес. На юге наши специалисты изучили предгорья Гиндукуша с их фисташковыми зарослями и низины Кавказа, годные для чайных плантаций.

* * *

Представьте себе нашу страну как прямоугольник, вытянутый по широте примерно на 10 тысяч километров, а по меридиану — на 2—3 тысячи километров. В схеме северная граница тянется вдоль океана, замерзающего почти на всем протяжении, кроме крайнего запада, где Мурманск, на Кольском полуострове, является вечно свободными от льда воротами великих путей между Атлантикой и Советским Союзом.

В противоположность северной границе южная отделена хребтами от соседних государств. Она прерывается пустынями и горными плато, низинами с цветущими оазисами, реками, бегущими на север. И лишь на западе незамерзающее Черное море служит историческим путем сообщения с Средиземноморьем. И вот этот грандиозный прямоугольник в 22 миллиона квадратных километров пересекается с севера на юг замечательным Уральским хребтом. Он тянется от островов Ледовитого океана, загибается на юге Аральского моря, теряется среди песков Средней Азии и сливается со снежными высотами цепей Тянь-Шаня.

Горный хребет Урала — стальная ось всей нашей великой страны. Он несет в себе мировые запасы самых разнообразных полезных ископаемых; около 900 различных минералов составляют его недра, и свыше 80 химических элементов известны в промышленных запасах.

Доменная печь Кузнецкого комбината.

Больше ста лет основная индустрия Урала была сосредоточена на Среднем Урале, около старого центра — Екатеринбурга, ныне Свердловска. Теперь центр постепенно перемещается на Южный Урал с его богатствами, а по мере развития геологических разведок с ним все ближе смыкается Казахстан, под покровом степей которого скрыты еще многие и многие месторождения полезных ископаемых.

По обоим склонам Уральского хребта разбросаны угольные месторождения то отдельными полосами, то мощными полями. Эти угольные месторождения на западе сменяются полосами древних осадков пермских морей с мировыми запасами различных солей. Отдельными пятнами и полосами в эту картину западных предгорий вклиниваются поля нефтяных месторождений, образующих крупнейший район «Второго Баку».

Постепенно перекрываясь на западе более молодыми отложениями, уходят в глубины эти богатства недр.

Таким рисуется нам Урал. И этот мощный пояс пересекает другой — широтный пояс южных степей с богатыми, плодородными землями, с солеными озерами самых замечательных свойств и состава. Десятки тысяч озер — источников сырья для химической промышленности — протягиваются в великом южном поясе, который переброшен от Бессарабии до предгорий Кавказа и, пересекая Каспийское море, охватывает Арал и лишь отдельными полями сохраняется в Западной Сибири и на границах Маньчжурии.

Где-то на Южном Урале и в Северном Казахстане пересекаются и налегают друг на друга эти два пояса — солей и металлов,— и величайшие проблемы индустрии рождаются там, где сочетаются железо и уголь, серный колчедан и соль, нефть, фосфориты и многое другое.

Здесь создана, растет и будет развиваться крупнейшая индустрия мира, и прав был Менделеев, когда он гениально предсказывал, что именно здесь центр будущего хозяйства всей нашей страны.

И вот к этой схеме двух пересекающихся поясов богатств недр и плодородия присоединяется еще третий элемент географии — горные хребты более молодого возраста, которые с юга окаймляют Союз, загибаясь в ряд гирлянд на востоке вдоль Тихого океана. Эти хребты — тоже носители различных металлов, но список их совершенно иной, чем уральский, хотя и здесь мы встречаем ценное сырье. А у подножья этих хребтов или в понижениях между ними протягиваются богатейшие в мире месторождения нефти и угля, начиная с кавказских нефтяных полей и кончая углями кузнецких копей в Сибири. Нефть, уголь, нефтеносные газы, соли разного состава — таковы богатства предгорий этих южных хребтов.

Великая Уральская стальная ось отделяет друг от друга Европейскую платформу с ее центром Москвой и огромную Сибирскую платформу. Обе они, как мощные щиты, сопротивлялись миллионы столетий бурным движениям земной коры, и лишь между ними и по краям изливались расплавы глубин, которые приносили с собой те богатства, о которых мы говорили.

Мы по праву можем гордиться этим центральным районом нашей великой Родины и вправе видеть в нем основу нашей мощи.

Спокойно может смотреть на свое будущее такая страна, как наш Союз, где имеются колоссальные запасы минерального сырья.

* * *

Новую страну куют и выковывают наши люди: они переделывают природу и подчиняют ее труду. Каждый год тысячи научных отрядов рассылаются по всей стране для исследования ее богатств, строятся научные станции, ботанические сады, заповедники, лаборатории. Растет хозяйство, культура, к созидательной, творческой жизни поднимаются новые и новые миллионы людей. Расцвели народное искусство, театр, поэзия... Жизнь наполнилась новым содержанием.

Неузнаваемой стала наша страна... Мирная песнь зовет к счастливой жизни, полной любви к Родине, стремления активно участвовать в строительстве коммунизма.

ЯНКИ В БЕЛЬГИИ

1. ШИНКОЛОБВЕ

У правящих деятелей современной Бельгии бывают разные темы для разговоров: и приятные, и не очень приятные, и совсем неприятные. К темам первой категории может быть отнесено, скажем, обсуждение в семейном кругу нового изречения его высокопревосходительства господина американского посла. Ко второй — кислые объяснения с избирателями по поводу неосуществленных благ, обещанных по «плану Маршалла». А к темам, от которых у бельгийских правителей прилипает язык к гортани, принадлежит Шинколобве.

Шинколобве — название рудников в Бельгийском Конго, в горнорудном районе Катанги. В свое время эти рудники были известны тем, что их ископаемые содержат радий. В 1943 году, когда Советская Армия в единоборстве ломала хребет фашистскому зверю, а наши союзники были озабочены не столько открытием второго фронта, сколько изысканием предлогов для его оттяжки, на рудники Шинколобве прибыла небольшая группа американцев.

«Туристы» долго осматривали большие отвалы породы, неиспользованные из-за малого содержания радия. Затем, скорчив мину старьевщика, покупающего из снисхождения заведомую дрянь, они предложили уступить им руду. За это они готовы были отдавать владельцам добытый из нее радий и даже кое-что приплачивать наличными. Сделка состоялась. Американцы при этом оговорили, что руда при отгрузке в США будет значиться в транспортных документах как «металлический лом».

Причины, побудившие покупателей проявить такой большой и таинственный интерес к «бросовой» руде, выяснились позже, в 1945 году, когда американские самолеты сбросили атомные бомбы над Японией. Сырьем для этих снарядов послужил уран из отвалов Шинколобве.

Временное соглашение с американцами о поставках руды из Шинколобве было впоследствии заменено другим, более обстоятельным и столь же секретным. К участию в нем были допущены англичане, для которых оно, однако, имело значение чисто символическое, если считать символом трехперстную комбинацию, которой, по Гоголю, потчевал Иван Иванович Ивана Никифоровича: всю руду американцы попрежнему забирают себе.

Судя по сообщениям зарубежной печати, урановое месторождение Шинколобве является одним из самых богатых в мире и служит важнейшим источником сырья для промышленности США, производящей атомные бомбы.

Естественно, что прогрессивные круги Бельгии встревожены и возмущены ролью, которую колония их страны по воле правителей Бельгии играет в планах поджигателей войны, как поставщик уранового сырья. Однако требования передовой общественности, обращенные к правительству, порвать соглашение и объявить урановые руды Шинколобве доступными для всех стран, намеренных использовать их в мирных целях, наталкиваются на глухую стену молчания. О Шинколобве не любят разговаривать...

Содержание договора неизвестно даже бельгийскому парламенту, без ведома которого оно было заключено. Но некоторые его последствия показывают, до какой степени этим договором попраны национальные интересы Бельгии. Об этом недавно рассказал один из крупнейших бельгийских физиков — профессор Макс Козинс.

По утверждению Козинса, бельгийские ученые добились больших успехов в области использования атомной энергии для целей мирного производства, опередив в разработке некоторых вопросов американских атомщиков. Но они не могут продолжать своих экспериментальных работ, так как не имеют уранового сырья. Руды им нужно ничтожно мало: примерно тысячная доля количества, добываемого в Шинколобве. Но правительство, связанное договором с США, отказывает ученым в лицензии на ввоз руды. Дело дошло до того, что бельгийские лаборатории, работающие в области атомных исследований, вынуждены закупать урановую руду из-под полы на черном рынке, на котором, кстати сказать, орудуют те же американцы.

Ко всему, бельгийская урановая руда и поныне сбывается Америке по смехотворно низким ценам. По подсчетам Козинса, Бельгия теряет ежегодно на поставках атомного сырья США около 20 миллиардов франков.

2. НЕЙЛОНОВЫЕ ЧУЛКИ И СУВЕРЕНИТЕТ

Бельгийцы любят называть Брюссель «маленьким Парижем». Но приезжающие в столицу Бельгии парижане утверждают, что она превзошла Париж по обилию и крикливости своих торговых реклам. Рекламы, сверкающие, зазывающие, переливающиеся неоновыми огнями, обещают покупателям небывалые скидки, неслыханные рассрочки. Впечатление таково, что на главных улицах и бульварах Брюсселя расположилась шумная американская ярмарка.

В витринах и на полках магазинов, хозяева которых с нетерпением высматривают редких покупателей, товары из США: от дамских шляп и теплого белья до электрических кофейниц и пылесосов, от резиновых изделий до завернутых в целлофан потрошеных кур.

Всюду Америка. На улицах шикарные лимузины и сотни такси американских марок. В ресторанах запахи вирджинского табака, кофе американское и на американском же сгущенном молоке. Пиво из американской зоны оккупации Германии и с вполне американизированным названием «Атомизатор», бутерброды к пиву из доставленного из-за океана сыра, вложенного в булки из американской муки.

Фильмы в кино на девять десятых голливудские. Моды из США, бульварная и гангстерская литература оттуда же, даже усовершенствованные унитазы в уборных носят пышную марку «Ниагара»!

Американские монополии опутали страну по рукам и ногам. Вывозя из Бельгийского Конго урановую руду, кобальт, медь, марганец и другое ценное стратегическое сырье, США взамен сбывают Бельгии всякую завали, навязывают ей товары, которые она может сама производить или которые вообще ей не нужны. И в то же время ей умышленно отказывают в самом необходимом: в машинах, техническом оборудовании.

Бельгия, к примеру, нуждается в концентрированных кормах для скота, но США вместо них посылают ей мясные консервы, сгущенное и порошковое молоко. Между тем во Фландрии крестьяне вынуждены сокращать животноводство, в городах закрываются скотобойни.

В сравнении с довоенным временем Бельгия ввозит во много раз больше обуви, сигарет, одежды, мотоциклов. За два с половиной года эта маленькая страна получила из Америки, от химического треста Дюпон, на миллиард франков нейлоновых чулок. А в стране останавливаются обувные, швейные, трикотажные и иные предприятия и около трехсот тысяч рабочих ходит без дела.

Довольна хозяйничаньем американцев крупная буржуазия Бельгии. Прислуживая своим хозяевам с Уолл-стрита, она и сама наживается на спекуляциях, растущей дороговизне, военных заказах и биржевых аферах. За два года прибыли бельгийских капиталистов удвоились.

Моральное падение, потеря чувства национального достоинства, наблюдаемые в этих кругах, вызывают иногда смущение даже буржуазной прессы. Один предназначенный для эстетствующей публики бельгийский журнал недавно констатировал, что «бельгийская буржуазия являет собой зрелище, совсем мало привлекательное и вполне способное оправдать народное негодование».

Это негодование широких масс населения распространяется и на американских дельцов, заставляю-

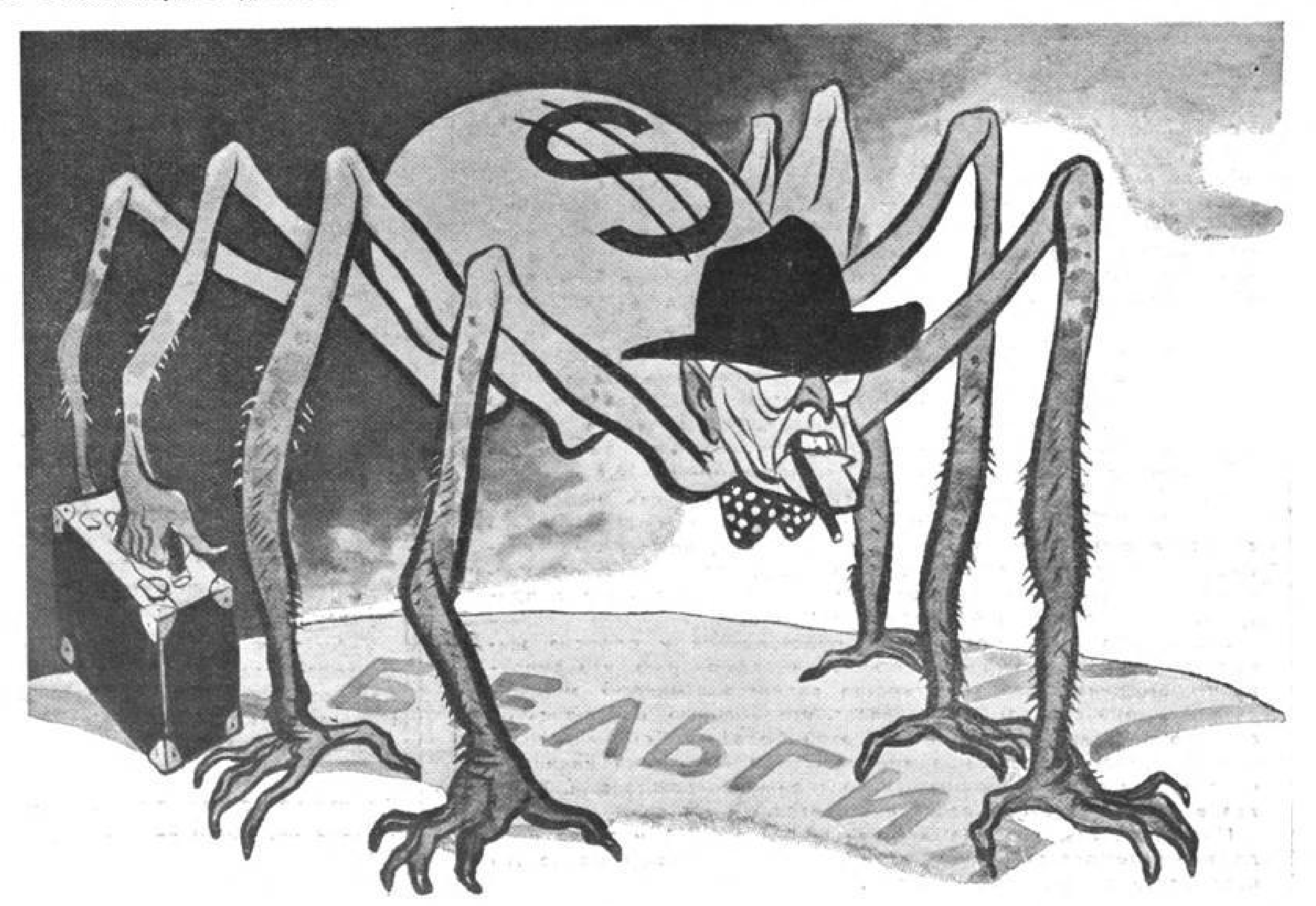

Рисунок Бор. Ефимова

щих Бельгию расплачиваться за их «благодеяния» не только своим народным достоянием, но и национальным суверенитетом.

В Бельгии замечается бойкот американских товаров, взамен которых население требует отечественной продукции. Одно время этот бойкот ставил в затруднение американских спекулянтов, так как в стране существовал закон, по которому импортные товары должны иметь отметку об их иностранном происхождении. Но затем этот закон правительство по требованию американцев покорно отменило. Более того, было разрешено продавать товары из США в бельгийской упаковке.

3. «ДЖЕНТЛЬМЕНЫ» С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

В первые послевоенные годы американский дядюшка проявлял очень «горячие чувства» к Бельгии. Эта «любовь» подогревалась вполне солидными соображениями. Бельгия в отличие от других стран Западной Европы имела к концу войны на текущем счету в банках США 300 миллионов долларов и могла еще распоряжаться богатствами недр своей колонии Конго. Теперь пылкие страсти уже в прошлом. Бельгия маршаллизирована. Всучивая ей всякую дребедень, «дядя Сэм» прикарманил деньги. В Катанге он чувствует себя полным хозяином. И, ко всему, появилось у него новое влечение — Западная Германия,— последствия которого Бельгия ощущает с каждым днем все сильнее.

Антверпен, бельгийский порт, один из величайших в мире, с его 1400 гектарами водных бассейнов и 45 километрами причалов, бездействует. Половина докеров — безработные.

В большой мере виной этому американские империалисты, старающиеся направлять транзитные грузы, идущие в Антверпен, в конкурирующие с ним Гамбург или Бремен. Эти же власти, заинтересованные в развитии рейнско-вестфальской промышленности, которую монополии США прибрали к рукам, всеми силами поощряют западногерманский экспорт за счет бельгийского.

Большое возмущение, в частности, вызвала в Бельгии попытка американцев удушить бельгийскую алмазную промышленность, занимавшую первое место в мире. Американцы наводнили Западную Германию контрабандными алмазами, которые для них обрабатывают за гроши голодающие немецкие гранильщики. Следует добавить, что поощрение американцами западногерманской алмазной промышленности диктуется не только соображениями прямой наживы: алмазы, как известно, имеют серьезное значение и в военном производстве.

Когда-то Германия была хорошим покупателем бельгийских текстиля и обуви. Теперь американцы мешают бельгийцам ввозить эти товары в Западную Германию. Отказав некоторое время назад бельгийским фабрикантам в импорте в Бизонию обуви, США тут же отправили ей миллионы пар парусиновых туфель, до того свыше 20 лет лежавших на складах в Америке.

Еще более ошеломляющие трюки проделывают американские дельцы с текстилем. Они скупают по дешевке в Бельгийском Конго хлопок, выделывают из него на западногерманских фабриках ткани, которые отправляют затем для продажи в Бельгийское Конго. А в Бельгии ходят без дела тысячи текстильщиков!..

Приемы у американских бизнесменов, орудующих в Бельгии, вполне «джентльменские»: оглушив жертву, они затем ее душат снятым с нее же ремнем...

П. АБРАМОВ

Датская сказка

(Из книги «Путешествия»)

Алексей СУРКОВ

Сколько милой прелести в адресе,
Что лежит на моем столе!
Старый датский сказочник Андерсен
Жил на этой земле.

Городок второй категории,
Дремлет Оденэе в полусне,
От широких дорог истории
В стороне.

На карнизах голуби сонные.
Сонный ветер гладит траву.
Шпили кирок темнозеленые
Четко врезаны в синеву.

Пахнет в сонных кофейнях булками.
Тучка с моря грозит дождем.
Переулками, закоулками
В гости к сказочнику идем.

Вот белеет старая хижина
В чешуе черепиц.
Аккуратно сирень подстрижена.
Запах роз. Щебетанье птиц.

Восседают старухи строгие
На широких скамьях с утра.
Бродят школьники голоногие
По квадрату двора.

Струй фонтанных жидкое олово.
Тмином пахнущая земля.
Здесь рождалась сказка про голого
Короля.

Подавляя трепет сердечный,
Мы в старинный домик вошли.
И король, этой сказкой меченный,
Вырос словно из-под земли.

Провожаемый взглядами горькими,
Полупьяный нахал
Шел, соря апельсинными корками,
И резинку жевал.

Перед ним какие-то франтики
Увивались, льстиво юля.
. . . .
Сказка кончилась. Нет романтики
В царстве голого короля.

* * *

Ярослав СМЕЛЯКОВ

К вагранкам своим и мартенам,
Лишь только забрезжит восход,
Как будто на праздник, на смену
Рабочий Китая идет.

Под кровлей, простреленной танком,
Бесшумная нитка течет —
Для тысяч знамен китаянка
Полотнища длинные ткет.

За годами войн и отваги
Век нового счастья настал:
Полощутся красные флаги,
И светится красный металл.

Ах, как нам знакомо все это —
Начало народной весны,
Торжественность первых декретов
И первые стройки страны!

Мы видим большими глазами
В рассветную чистую рань,
Как опыт Москвы и Кубани
Вы взяли, Шаньси и Хэнань.

В свечении сильном и добром
Пред нами явился вдали
Грядущего века прообраз,
Всесветное завтра земли.

И словно бы лучшие струны
Поют сокровенно в сердцах,
И вновь повторяется юность
На дальних китайских полях.

Быт и нравы за рубежом

«ОТКРЫТИЕ» ПРОФЕССОРА КЕННЕДИ

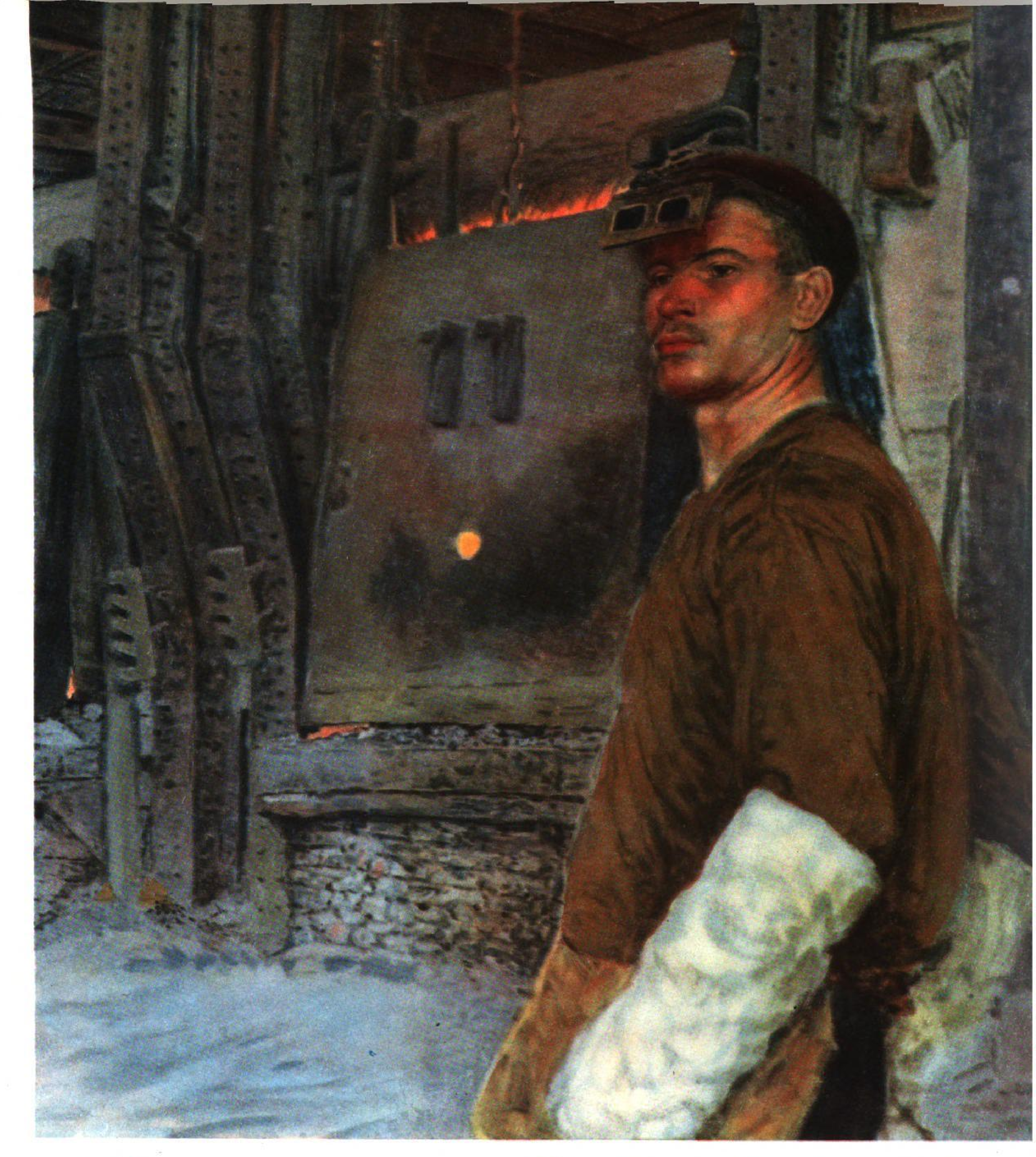

Даже официальные круги США не в состоянии отрицать тот факт, что в этой стране наблюдается резкий рост преступности. По данным американского Федерального бюро расследований, в США в 1948 году каждые 18,7 секунды совершалось крупное преступление, ежедневно в среднем учитывались 36 убийств и 255 случаев изнасилования. По сравнению с предыдущим годом число убийств и краж увеличилось на 14,1%, насилий — на 16,7%.

До сих пор считалось неоспоримым, что эта все подымающаяся волна преступности является таким же продуктом гниения капиталистического строя, как нищета, проституция, продажность буржуазных политиканов. Иной точки зрения, однако, придерживается английский профессор Кеннеди.

Исследовав мозг повешенных преступников и опросив живых уголовников, профессор пришел к заключению, что виновником американского гангстерства является... микроб энцефалита. Кеннеди с апломбом заявляет, что больные, очнувшись от сонного состояния, вызываемого этой болезнью, стремятся затем наверстать проспанное время. Спеша жить, они начинают не совсем вежливо обращаться со своими согражданами, стреляя в них из автоматических пистолетов.

Надо полагать, что поджигатели войны в США и за их пределами поторопятся принять на идеологическое вооружение это «открытие» профессора Кеннеди.

Г. Горелов. ПОРТРЕТ СТАЛЕВАРА ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ» А. С. СУББОТИНА.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

Г. Сатель. КОМСОМОЛЬЦЫ — СТРОИТЕЛИ МОСКВЫ. ЛЕПЩИКИ.
Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

Г. Сатель. КОМСОМОЛЬЦЫ — СТРОИТЕЛИ МОСКВЫ. КАМЕНЩИКИ.
Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

П. Котов. ПОРТРЕТ Е. К. МИХЕЕВОЙ, ЭЛЕКТРОСВАРЩИЦЫ-СТАХАНОВКИ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО» ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

Записки Ивана Малявина

Рассказ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Рисунки О. Верейского

Малявиных по деревне много. Все они родственники.

Есть Андрей Малявин, печник, человек нерешительный. Когда его зовут выложить печку, он никак не может назначить цену за работу.

— Ты пойми, — говорит он умоляющим голосом, — что мне цена! Ежели печка не получится, так я и рваного рубля не возьму. Мне главное — дать огню правильный ход. А цена, браток, сама определится. Об цене ты позабудь.

Есть Прохор Малявин, колхозный перевозчик на реке, — человек рыжий и гневный.

Уже поздняя бурая осень, а он все еще ругается у себя в шалаше из-за того, что этой весной мальчишки угнали у него лодку и он искал ее по зарослям целую ночь. С тех пор он начисто отказался перевозить мальчишек в луга. Мальчишки боятся подходить к его шалашу и кричат издали:

— Дядя Прохор, перевязи! Тялушка заплуталась в лугах. Маманя велела пригнать.

— Я тебе покажу «перевязи»! — кричит в ответ Прохор. — Марш отседова! Вострый какой!

Есть Алексей Малявин, сельский портной, — щупленький старичок в очках с железной оправой. В избе у него всегда пусто и чисто, — ни одного лоскутка, ни одной нитки на полу. На косых стенах висят вперемежку вырезанные из модных журналов рисунки красавцев в шубах с меховыми воротниками и портреты родственников Алексея Малявина, написанные маслом. Портреты эти писал в молодости сам Алексей Малявин, и писал всего тремя красками: коричневой, черной и белой.

Был недавно Кузьма Малявин, человек больной и добрый, но очень твердый во взглядах. Еще в царское время, когда Кузьма работал при типографии в соседнем губернском городе, он печатал прокламации. Потом заболел, вернулся после революции в деревню, но поселился поодаль, на лесном озере, и перетащил туда нескольких приятелей. Так возник на озере маленький колхоз. В нем Кузьма и умер два года назад.

Иван Малявин, о котором речь идет ниже, — сын Кузьмы, человек еще молодой, но таких же твердых взглядов, как и Кузьма.

Некоторые из Малявиных помнят, что из их семьи вышел известный художник Малявин, писавший хороводы загорелых баб. Но большинство Малявиных об этом не знает.

Ивана Малявина, или попросту Ваню, я увидел впервые в 1932 году, когда он был еще мальчишкой.

И вот сейчас, через семнадцать лет, Ваня принес мне ученическую тетрадь в одну линейку с портретом Пушкина на обложке.

— Прочитайте, если будет охота, — попросил меня Ваня. — Может быть, пригодится для вашей писательской деятельности. А нет, — так киньте эту тетрадку в печку.

Я был занят и несколько дней не брался за ванину тетрадку. За это время в деревню заявилась зима. Пришла она с озорством, как девчонка, что долго прячется, а потом выскакивает из-за угла и кричит: «А вот и я!»

Мы сидели в теплой бревенчатой комнате за вечерним чаем. Гудела под потолком старая лампа-«молния». Лампа гудела низко и важно, а самовар в ответ что-то жалобно попискивал, будто оправдывался.

Кто-то тяжело затопал сапогами в сенях и крикнул:

— Что ж вы сидите? Зима на дворе.

Мы вышли. Медленный снег непрерывно опускался на землю. Она уже вся была в его белизне, в мягкой мохнатости и безмолвии. Будто все живое затихло, чтобы услышать тот слабый шорох, какой бывает, когда снег, падая, цепляется за ветки.

Все сырое и темное, к чему за эту длинную осень привык глаз: кривые заборы, черные кряжи деревьев, тесовые крыши, скворешни и крылечки, — было облеплено снегом. Должно быть, за пеленой облаков взошла луна. Зеленоватый свет распространялся окрест. Близкий сосновый лес поседел от снегопада и, казалось, курился дымом.

Зима всю ночь смотрела в окна. Пламя лампы потускнело и сделалось желтым.

Ночью я прочел ванину тетрадку. Она была озаглавлена: «Мои записки». Перед текстом стоял эпиграф из Никитина:

И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! Здесь край моих отцов!»

«Родился я, — писал Ваня, — в ноябре 1923 года на озере Сгодине, в отцовской избе. Отца моего Кузьмы Леонтьевича не было в ту пору дома: он ушел за почтой в соседнее большое село Заборье и там заночевал из-за непогоды.

Мать мне потом рассказывала, что в ночь моего появления лил холодный дождь, бушевал ветер и озеро наше шумело, как море. Соседская бабка, что меня принимала, сказала матери: «Будет у твоего сынка жизнь бурливая, переменчивая: глянь, какая непогодь шумит на дворе». Но бабка, пожалуй, ошиблась: до сих пор у меня в жизни не было ничего бурного и замечательного. За будущее, конечно, поручиться я не могу.

Отец мой Кузьма Леонтьевич был человек очень скорый на возмущение всякой неправдой. Он считал, что главная сила заключается в знании: деньги и украсть могут, да и потерять их недолго, а вот знание уворовать у тебя никто не в силе.

Жизнь у нас на озере первое время была трудноватая, живности никакой: одна корова да пегая кошка, а в огороде росла только картоха. Кругом пески. На этих песках хорошо идет сосна да вереск. Овощи такой почвы не любят.

Выручало, конечно, озеро: в нем водился крупный окунь, черный, будто вымазанный сажей. Отец ловил этого окуня с челна на блесну.

Но хоть жизнь была сперва и трудная, но отец так сообразил, чтобы дать всем детям образование.

Мать, бывало, просит: «Хоть дочку Оленьку не обучай, оставь при семье. Или младшенького Володьку. Образованные-то дети враз из дому разлетятся, а мы с тобой на этом озере так и будем одни сидеть малосильными стариками».

Однако отец ее не слушал и даже сердился. «Не для того, — говорит, — наше государство установило обязательное обучение, чтобы мои дети росли в темноте».

Вышло, конечно, по-отцовскому. Старший брат Миша сделался ученым, биологом, средний Вася — учителем географии в селе Грищине, в сорока километрах от нашего озера, Оленька — садоводом, а младший Володя сейчас в армии, но собирается потом учиться на лесничего. Только вот из меня пока что ничего ученого не вышло. Учебе моей помешала война. Но жалеть не приходится — надо же кому-нибудь остаться и при земле, при колхозной работе, при сельском хозяйстве.

Школы у нас на озере не было. Я бегал в школу-семилетку за девять километров в Заборье. Привык к этому быстро, только в ноябре было невесело. Случится такая погода, что даже названья ей не придумаешь. Сказать «слякоть» — этого мало. Сутками идет не то дождь, не то снег. Под ногами ледяная каша по косточку. Небо черное, тяжелое — вот-вот свалится на землю со своими непроглядными тучами.

Бежишь из школы, уже темно, лес в тумане, а ты только и думаешь, как бы поскорее добежать до того леса. Потому что в лесу во всякую погоду тихо и как будто тепло.

Отец мне всегда наказывал: «Ты, Ваня, как услышишь волков, так, главное, не пугайся. Это все, — говорит, — бабьи сказки, что волк человека трогает».

Я, конечно, отцу верил. Он зря не станет говорить. Но первое время, как услышу волчий вой, все равно трясусь. Один раз даже залез на сосну и просидел на ней часа два.

Вой, правда, неприятный, — с разводами, с дрожью, будто волк жалуется на злое свое существование.

Потом я привык, но, однако, всегда носил в кармане коробок спичек и подбирал на дороге сухую сосновую ветку, чтобы хвоя на ней была погуще. Как услышу вой, сейчас эту ветку зажгу и иду с ней, как с факелом. Волк огня не терпит, уходит от него, и это очень заметно: сначала вой прямо рядом, потом все подальше, а потом уже чуть его слышно, и не разберешь, волк ли это или просто почудилось мне со страха.

А как дальше выпадет снег, как подморозит, — сразу легче. Светло и сухо. И лес стоит такой, как описано в сказке: будто толпа лесорубов с белыми бородами стоит, молчит, чего-то слушает. Только где-где треснет у кого сучок под валенком. И опять тихо.

Но зато уж как прибежишь домой, — не нарадуешься. Керосиновая лампа горит, тепло, на столе самовар, и отец сидит в очках, читает. Он все больше читал произведения исторические.

Сидишь в старенькой избе, как в крепости, решаешь задания на завтра, а в стенке кто-то постукивает: тук-тук, тук-тук! Спросишь отца: «Чего это, батя, постукивает?» А он обязательно что-нибудь выдумает. «Это, — говорит, — таракан свои ходики завел». Или еще чего-нибудь лучше придумает. «Это, — говорит, — мужичок с ноготок себе в середке бревна стамесочкой коморку долбит». А ночью проснешься на полу, на сеннике, послушаешь, как озеро гудит по берегам, и погладишь теплую стенку: спасибо тебе, мол, стенка, что ты нас от непогоды спасаешь и сон бережешь.

Учился я хорошо. Только книг, чтобы почитать, находилось немного. А мне была охота почитать про все: и про травы, и про моря, и про солнце и звезды, и про великих людей, и про революцию — про все то, что люди хорошо знают, а я еще не знаю.

Как-то летом зашли к нам в избу незнакомые люди. Шли они из Заборья на Урженское озеро ловить рыбу, заплутались и попали к нам. Было их трое — и все московские.

Отец, конечно, обрадовался. Он любил всяких захожих людей. А тут еще люди, видно, образованные, — значит, пища для разговоров будет большая.

Народ у нас любопытный, особенно женщины. Стороннему человеку в наших местах просто гибель: высовываются, глядят на него из всех окошек, гадают, кто да что, перекрикиваются из избы в избу. А уж дорвутся до расспросов, так всю родословную выпытают. Тогда только и успокоятся. Иной мальчишка подойдет к незнакомому человеку, уставится на него и глядит-глядит до того, что просто неловко становится. В таких случаях у нас полагается говорить: «Не гляди, глаза лопнут!» Тогда, конечно, он обидится, отойдет.

Отец мой Кузьма Леонтьевич не терпел такого любопытства. Он никогда не приставал к людям с пустыми расспросами и нам всем наказал этого не делать. Потому, хоть мы и сообразили, что эти прохожие люди по их разговору и веселости вроде как будто особенные, но ни о чем их не спрашивали: авось сами расскажут.

Один был низенький, веселый и до того деликатный, что мамаша моя Матрена Петровна даже пугалась. Второй был вроде как военный: в защитной гимнастерке, в кубанке на русой голове, с полевой сумкой через плечо. Был он высокий, должно быть, очень сильный и тоже веселый, но по-иному, чем первый, — будто с хитрецой. Все щурил, бывало, глаза и посмеивался. Звали его Аркадием Петровичем.

А третий был сухощавый, невысокий и тоже веселый, но будто немного потише, чем два первых.

Отец отговорил их идти на Урженское озеро: от добра, мол, добра не ищут. По правде сказать, наше озеро куда лучше Урженского: веселое, глубокое, берега лесные, вода светлая, и рыба в нем сильная, крупная.

Прожили эти люди у нас три дня. Мы, мальчишки, уж так старались, так выламывались, чтобы им угодить, что даже передрались один раз из-за этого. Потому что Володька заскочил вперед, раньше меня накопал им червей, а мы так договорились, что копать буду я, а Володька будет при мне вроде как помощник, как подпасок при пастухе. Мне, конечно, было это обидно. Я Володьку за это здорово оттаскал за вихры, но тихо, молча, в амбаре. И Володька ни разу не пискнул, не крикнул: знает кошка, чье мясо съела.

Мамаша моя Матрена Петровна была женщина очень легковерная и по развитию своему, конечно, не в пример с отцом. Поэтому и вышел с ней конфуз.

Аркадий Петрович достал как-то вечером из рюкзака термос, попросил Матрену Петровну налить в него крутого кипятку и снести на ледник. Мамаша решила, что хочет он заготовить себе на завтра холодной переваренной водицы, отнесла термос на ледник. А утром, когда все сели за чай, Аркадий Петрович попросил принести этот самый термос. Мамаша забеспокоилась: что ж это такое! Все люди пьют горячий чай, а он вздумал пить с утра ледяную воду. Так недолго и живот себе застудить. Но, однако, принесла термос. Аркадий Петрович откупорил его, и полился из него в кружку кипяток.

Мамаша так и охнула, села на лавку, глядит на этот кипяток и крестится: «Свят, свят, свят, господь Саваоф!». А папаня смеется, даже слезы у него из глаз льются.

С тех пор мамаша звала Аркадия Петровича не иначе, как «колдуном». Ушли они на третий день и наказали мне прибежать к ним в Заборье, принести брусники.

Я спрашиваю:

— А как же вас там найти, в Заборье?

— Спроси, — говорят, — где живут московские писатели. Тебе каждый покажет.

У меня даже дыхание стиснуло. Весь я покраснел, голосу боюсь поднять.

«Какие же,— думаю,— это писатели? Как их звать? Может, я ихние книги даже читал?»

И тут я с отчаяния, что ли, или со страху совсем осмелел, забыл отцовский наказ не лезть к людям с расспросами и спросил, — правда, тихо, шепотом, так что они меня даже переспросили:

— А как же вас звать?

Сухощавый засмеялся и говорит:

— Вот этого высокого, в кубанке зовут Аркадий Петрович Гайдар... А нас ты знать не можешь...

Я поднял на них глаза, а их и не вижу: туман у меня какой-то в голове. Аркадий Петрович взял меня за плечи, тряхнул и говорит:

— Ко всему будь готов, маслюк! Не пугайся. Все лапти, — говорит, — из одного лыка. Сегодня я, например, книги сочиняю, а завтра ты их будешь сочинять.

И вдруг запел во весь голос: «Сегодня я, а завтра — ты!». Под эту песню и ушли они по лесной дороге к себе в Заборье.

Я побежал к папане, рассказываю ему, кто у нас был, заикаюсь. Он подумал, посмотрел за окошко и сказал мне этак тихо, будто для одного себя:

— Это тебе удача, Ванюшка. «Школу» его ты читал?

— Читал.

— Вот то-то! И я читал. Ты к нему приглядывайся, к Аркадию Петровичу. Заимствуй у него мысли и поведение.

С тех пор я дневал и ночевал в Заборье, в доме, где жил Аркадий Петрович. Дом этот был старый, обширный, и столько в нем было выходов — и на улицу, и в сад, и во двор, и на поле, и в палисадник, и к соседям, — что просто заплутаешься.

Я прибегу, принесу брусники или грибов, а то и просто так прибегу, а меня обратно домой не пускают. Да мне и самому неохота уходить. Дадут мне всякие книжки и журналы — «Вокруг света» или «На суше и на море». Я сижу, читаю. Или что-нибудь строгаю с Аркадием Петровичем, чиню по дому, огород поливаю, а то наматываю жерлицы.

Вечером лампу зажигали очень яркую, керосиновую, пили вместе чай, и тут-то и начинались такие рассказы, что про всякий сон навек позабудешь. И про спектральный анализ, и про то, как Аркадий Петрович, когда командовал в гражданскую войну конным полком, забрал в музее для своих всадников седла времен Чингис-хана и как ему за это попало, и про морские маяки, как они устроены, и про осаду Зимнего дворца, и про московские театры, и про новые книги и стихи, и про движение планет в небесах — всего не перечтешь и не припомнишь. Одним словом, наслушался я за все это лето столько, сколько другой человек, может, за жизнь не наслушается.

Ничего в том доме, где жили Аркадий Петрович и его друзья, не делалось как обыкновенно, а все с весельем, со смехом, с шутками, с подковыркой. Разыгрывали они друг друга все время. Только когда заходил разговор о халтурщиках — тогда я уже понимал, что означает это самое слово, — глаза у Аркадия Петровича делались синие-пресиние, сердитые и даже голос менялся: становился хриплый, гневный. Ой, думал я тогда, попался бы ему сейчас под такую руку какой-нибудь халтурщик — ничего бы от него не осталось, одна чешуя!

Главное, каждый день чего-нибудь ждешь интересного.

Лето было сухое, трава погорела, земля пошла трещинами. Ну и черви, конечно, ушли глубоко, никак их с той глубины не выковыряешь. Чего мы только не делали! И соленую воду лили на землю и по ночам копали с фонарем, — нету их и нету, будто кто их заколдовал.

А дни стояли синие, теплые. Озера и старицы прямо застыли, — не зарябят, не шелохнутся. И нельзя даже посидеть около них с удочкой, — не с чем! Вот беда!

Аркадий Петрович тоже ходил хмурый. Видно, и ему было не по себе оттого, что пропадала рыбная ловля. Все утешал своих друзей, говорил:

— Что ж это, мы так и сдадимся без боя перед червями! Быть этого не может. Это, — говорит, — позор для детской литературы. «Ребята,— говорит,— не Москва ль за нами?!»

Я хотел было бежать за червями в Ларино, там места сырые, мшистые, но Аркадий Петрович сказал мне, чтобы я повременил до утра. А утром услышали мы за воротами сильное шевеление, шум и перебранку. Открыли мы с Аркадием Петровичем калитку, а за ней — мальчишек человек двадцать. Все толкаются, теснятся, все с жестянками, полными червей, все продираются вперед к Аркадию Петровичу, все кричат:

— Дяденька, у меня самые навозные, самые верткие! Моих возьми!

Что за чудо такое! Взглянул я, а через все ворота бумажный плакат протянут, и на нем написано:

«Скупка червей от населения».

Я так и прыснул. Это Аркадий Петрович плакат повесил еще с ночи.

С тех пор всегда мы были с червями.

Один раз пошли мы все на Музгу. Это широкий такой разлив. Вода в нем стоячая, но чистая, а по крутым берегам все шелестят, все шуршат листочками осины. Ловили мы на Музге рыбу. И там и заночевали.

Ночь была тихая, теплая, коростели кричали в росе до самого рассвета. Аркадий Петрович сидел у костра, не спал, все будто слушал чего-то, улыбался про себя.

Мне тоже не спалось. Я принес сучьев, подкинул в огонь, сел и смотрю на костер, никак не могу от него глаз отвести. А Аркадий Петрович и говорит:

— Ты, маслюк, о чем думаешь?

Я отвечаю:

— Да я ничего... Об разном я думаю.

Аркадий Петрович засмеялся и отвечает:

— Разного много. Ты лучше о четырех правилах подумай. Тогда будешь ты герой без страха и упрека.

— О каких?

Аркадий Петрович начал загибать на руке пальцы:

— О храбрости. Раз! О честности. Два! О том, чтобы никогда не скупиться. Это три! И о том, чтобы быть хорошим сыном своей страны. Четыре! Пока с тебя хватит.

— Хватит, — ответил я.

— Через десять лет я тебя отыщу, куда бы ты ни забился, вытащу за шиворот на солнышко и проверю, какой ты есть человек. Будет тебе спрос великий.

Да-а... Не удалось ему меня проверить. Погиб он в войну, как герой, без страха и упрека.

Узнал я об его смерти на Дальнем Востоке, на берегу озера Ханка, где служил я в то время бойцом на пограничной заставе. Ушел я на сопку, лег в сухую траву и заплакал. И, как на зло, места кругом такие, как и у нас на озере Сгодине: березки уже желтеть начали, дрожат, блестят на солнце. А я бью кулаком по земле и думаю:

«Что ж это такое? Как же это так, что я его больше никогда не увижу? И кто ж это теперь надо мной так хорошо посмеется, как он, и за плечи меня потрясет? И книги за него кто напишет? Ведь он говорил, что в голове у него еще целая ненаписанная библиотека».

В тот же вечер подал я рапорт с просьбой отправить меня на фронт. Однако меня сразу не отпустили, и всю осень я еще пробыл в части на Дальнем Востоке.

Помню я эту осень отлично. Не видал я до той поры такой осени, да, должно быть, никогда и не увижу. Я все думал: вот бы Аркадий Петрович ее посмотрел! Он бы о ней так написал, что задрожало бы сердце у любого человека.

Дни стояли золотые. Тишина кругом, теплынь, туманка. От таких дней всегда на душе простор и сила.

Был я потом на войне, в Сталинграде и в других знаменитых местах, был ранен, заслужил звание Героя и вернулся с победой к себе в деревню. Но всегда я помнил четыре правила Аркадия Петровича.

Потому и выбрали меня, мальчишку, председателем сельсовета, тогда как в деревне у нас немало людей и постарше и поопытнее меня.

Когда выбрали меня, я, конечно, очень смутился, встал, чтобы поблагодарить, и сказал, что я считаю, что никаких у меня еще заслуг и качеств нету для такого народного доверия, а если что и есть, то этим я обязан советскому своему воспитанию, партии и, пожалуй, еще одному удивительному человеку, которого зовут Аркадий Петрович Гайдар.

Работы у меня много, но, бывает, случится свободное время. Тогда я обязательно схожу или на Музгу или на наше озеро Сгодино, посижу там, а бывает — и рыбу половлю. Смотрю вокруг и примечаю: все осталось таким же, как и при нем. Пахнет кашкой, щуки бьют, перепела кричат в некошенной траве, и небо к вечеру вдруг все загорится такой позолотой, что больно глядеть.

Вспомню, что меня, тогда еще конопатого вихрастого мальчишку, учил он все это любить, и позову его в душе: «Аркадий Петрович, ну как? Проверку вашу я выдержал или нет?»

И хочется мне услышать его ответ, да что поделаешь,— не будет этого ответа. Теперь уж мне самому приходится вытаскивать себя за шиворот на солнышко и устраивать самому себе великий спрос».

На этом кончилась ванина запись,— может быть, потому, что кончалась тетрадка. Я решил обязательно уговорить Ваню писать дальше, запись его казалась мне оборванной совершенно случайно.

Ваня пришел через четыре дня. Зима к этому времени уже устоялась. Снег осел, на него слетели последние жухлые дубовые листья. А в полях еще торчала над снегом — но полосками, только по межам — сухая трава, будто кто расстелил желтые половики.

— Что ж ты,— сказал я Ване,— не написал, как ты старался выполнять в жизни четыре гайдаровских правила?

— Да как вам сказать...— ответил Ваня.— Я больше об Аркадии Петровиче хотел написать. Все, что помню. А писать насчет выполнения правил — это, выходит, писать про себя. Вроде как хвастаться. Мне это неловко. Со стороны видней.

Ваня был прав, конечно. Смелость его подтверждалась его званием Героя. О ваниной честности ходили легенды по всей округе. То, что он хороший работник и тем самым хороший сын своей страны, могла доказать прежде всех Матрена Петровна. У нее был в то время один разговор.

— Да посодействуйте вы,— говорила она,— мне, старухе. Скажите Ване, нешто можно так, без продыху работать. Я его в избе вижу, бывает, раз в неделю. Все ему некогда! Все заботы! До сих пор вот еще и не женился из-за этого «некогда». Виданное ли это дело!

— Со стороны,— сказал я Ване,— конечно, все видно для меня и для каждого. Вот только не видно, как это ты справился с собой, чтобы не скупиться.

Ваня засмеялся:

— Да очень просто. Скупость бывает разная. И личная и, можно сказать, общественная. Иной председатель сельсовета или колхоза трясется над своим делом до того, что из рамок своего села и колхоза никак выйти не хочет. Соседей боится: как бы чего не попросили, как бы им помощи не пришлось оказать. И я тоже о своем колхозе, о своем селе, конечно, трясусь. Но заставляю себя да и односельчан своих пересиливать эту узость. Вот намедни косилки мы отдали в Окоемово. И отказать было очень просто: у нас они после сенокоса почти все требовали ремонта. Причина для отказа законная. А я собрал всех, уговорил, и мы эти косилки отремонтировали для окаемовских за одну ночь. Работали, правда, как черти.

— А как односельчане? — спросил я.

— Ругались сначала. А теперь привыкли. Теперь даже гордятся тем, что наше село считается самым отзывчивым...— Ваня помолчал.— На днях подарил Лешке из Ласкова свой спиннинг. Оснащенный. Сам катушку к нему вытачивал. Красота, а не спиннинг! Как мне его жалко было, сказать не могу!

Ваня невольно вздохнул, а я рассмеялся. Ваня взглянул на меня и тоже рассмеялся.

— Ничего! — сказал он. — Мы и без спиннинга с вами наловим. Приходите ко мне под воскресенье, пойдем с ночевкой на озеро.

Я согласился. Мы пошли с Ваней на озеро и ночевали там. Это была одна из многих ночевок на озере, но я давно заметил, что каждая такая ночевка все больше прибавляет прелести этим родным рязанским местам.

У ШАХТЕРОВ СЕНТ-ЭТЬЕНА

Письмо из Франции.

В домах французских шахтеров часто звучит «Марсельеза забастовщиков». Эту песню, сложенную шахтерами-забастовщиками в тюрьме, знают почти все жители горняцких поселков. Она поется на мотив величественного национального гимна Франции. Из тюремных камер вырвались эти гневные строки на волю и до сих пор они напоминают о героических днях шахтерской стачки конца 1948 года:

Дети черных равнин, вперед!
День победы и славы придет!
Против нас, «черномазых» *,
Против нас, горняков,
Двинут строй полицейских штыков...
Подавить твой священный гнев
Явились охранники Мока,
Ворвались в твой домашний очаг,
Избивая жену и детей...

К борьбе, к мужеству зовет шахтеров эта песня. «День свободы еще придет!» — мощно гремят слова, прекрасно сливающиеся с музыкой «Марсельезы»:

С нами все, кто имеет сердце,
Кто думает о наших несчастьях...
С нами рабочие, крестьяне, весь народ!

Прошло больше года со времени забастовки французских шахтеров. Но события эти еще свежи в памяти мира. Безоружные рабочие несколько месяцев мужественно отстаивали свои законные требования, отважно боролись против охранных частей и полицейских отрядов, вооруженных пулеметами и даже танками.

В шахтеров стреляли, их избивали, забрасывали слезоточивыми бомбами, сажали в тюрьмы, налагали на них огромные денежные штрафы... Еще до сих пор сидят в тюрьмах многие профсоюзные делегаты шахт, те, кто настойчиво беспокоил администрацию требованиями обеспечить безопасность подземных работ... До сих пор на всех французских рабочих демонстрациях можно видеть плакаты: «Амнистию шахтерам!», «Освободите наших отцов!» Этого требуют дети заключенных, маленькие участники демонстраций, приезжающие в Париж из угольного Сент-Этьена, с шахт Севера... 133 года тюрьмы получили в совокупности французские горняки. Но рабочий гнев нельзя загнать за решетку!

«Марсельезу заключенных» мне пришлось недавно услышать в шахтерском поселке Фирмини, в бассейне Луары, под Сент-Этьеном. Ее пели молодые парни, ремонтировавшие мостовые. До забастовки они были горняками.

— А вот теперь,— сказал нам юноша с киркой,— нас, как участников забастовки, не берут ни на одну шахту. Спасибо мэру-коммунисту: чтобы дать нам хоть какой-нибудь заработок, он направил нас сюда. Чиним, копаем — кормиться ведь надо...

Ветхие сооружения мелких шахт Сент-Этьена напоминают пейзажи прошлого века. У нас в старину подобные шахты называли в Донбассе «мышеловками».

Прошло уже 65 лет с того времени, как Эмиль Золя написал свой роман «Жерминаль». И вот здесь явственно вспоминается эта книга, с таким глубоким драматизмом описывающая невыносимые условия работы на французских шахтах, их жалкую технику, изнурительный, полный опасностей труд горняка. Так было в XIX веке. Теперь эти шахты считаются национализированными государством, они не принадлежат отдельным предпринимателям. Но что же, в сущности, изменилось в нищей и печальной жизни французских шахтеров?

Так же, как и у Золя, угрюм и мрачен облик запущенных, грязных шахтерских поселков. Теснота пропыленных углем улочек, много лет не ремонтированные хибарки с крохотными огородами, древние уличные колодцы.

Заходим в один из домиков. Хозяин Жан-Пьер, старый крепильщик, уже месяц не выходит на работу. При обвале ему сильно разбило голову.

— Мне еще повезло! — говорит он.— А вот нашего Лиожье больше нет в живых. Так завалила его порода, что не смогли спасти человека. Трое сирот, вдова. Сколько раз делегат говорил о скверном креплении,— толку никакого, людей у нас на шахте администрация не жалеет... При взрыве недавно тяжело ранило еще одного забойщика, Шикотье, и человек остался калекой. Почему все это? А потому, что некуда рабочим прятаться во время взрывных работ, защитных ниш не делают. Когда видишь, как мчит, гудит санитарная карета по поселку, вздрогнешь и подумаешь: «Чья же сегодня очередь?»

Слова отца слушает Жан-Баптист, юноша пятнадцати лет. Он еще школьник, но уже работает на шахте.

Снова вспоминаются трагические страницы «Жерминаля». Встает образ кашляющего кровью старика, сторожа на шахте Ворэ. Три раза его вытаскивали из копей израненного: раз у него была обожжена вся кожа, другой раз его по горло засыпало землей, в третий раз он так наглотался воды, что его с трудом спасли. Видя, что он все не хочет помирать, его и прозвали «добрая смерть»...

Количество подземных катастроф не уменьшилось во французских шахтах. Попрежнему в газетных рубриках мелькают заметки об обвалах, взрывах, отравлениях рудничным газом, неисправной вентиляции... В одном только Северном бассейне за три месяца 1949 года было 46 смертных случаев и 11 600 ранений, причем около 400 — тяжелых. Катастрофы происходят почти ежедневно, особенно сейчас, когда большинство профсоюзных делегатов сидят в тюрьмах и некому следить за условиями безопасности на шахтах.

Но вернемся к семье Жан-Пьера. Как он живет сейчас, через год после забастовки, со своей семьей, мужественно перенесшей все лишения в месяцы шахтерской борьбы?

Крепильщик первого класса, Жан-Пьер зарабатывал до 16 тысяч франков ежемесячно. Это около 240 рублей на наши деньги. Но вот уже более месяца, как во время болезни ему платят только половину, хотя он уже 19 лет работает на этой шахте. Если б не картошка, посаженная на маленьком клочке земли, который семья арендует у хозяина дома, пришлось бы совсем пропадать. Семья едва сводит концы с концами. В школе могут учиться только девочки, мальчик должен помогать взрослым. Примерно раз в десять дней семья разрешает себе приготовить к обеду мясо. Хозяйка дома, Жанна, говорит, что масла они почти не покупают,— это просто сейчас не по карману. За весь год никому из троих детей не удалось приобрести пару ботинок. А сколько пришлось биться, чтобы отложить на одежду сыну! На книги, на развлечения денег совсем нет. Детей еще приходится иногда побаловать: девочки отправляются раз в месяц в кино. Мать же и отец в свободный часок ограничиваются только прогулкой по поселку.

В маленькой комнатушке, где прямо у плиты стоит общая кровать девочек, мы замечаем около календаря портрет в траурной рамке.

— Это Антони Барбье,— говорит хозяин.— Его имя дорого для всех рабочих нашей шахты. Его семья, Роза и Маринет, живут рядом, хотите их навестить?

К стене дома, где живет жена забойщика Барбье, прибита мемориальная доска:

АНТОНИ БАРБЬЕ
1904—1948.
Пал за рабочее дело.

Рабочие чтут память своего мужественного товарища, в течение тридцати лет работавшего здесь, на шахте. Во время забастовки Барбье был одним из самых отважных и решительных бойцов. Его не пугали мины, которыми охранные части преградили подступы к шахте, его не страшили ни полицейские дубинки, ни пули. В день, когда рабочим пришлось отбивать свою шахту от охранников, Барбье шел в первых рядах и был с десяти шагов в упор расстрелян полицейскими. Шедший рядом с ним шахтер Марсель Гойо был тяжело ранен шестью пулями. Той же ночью рабочие расклеили по всему городу листовки, обвинявшие правительство в избиении шахтеров, в смерти Барбье, в ранах Гойо... После похорон шахтеры вскладчину, на свои трудовые гроши, собранные от всего сердца, послали убитую горем Розу Барбье с дочкой полечиться в Савойю.

Много писем, полных горячего товарищеского сочувствия, приходит на имя Розы и Маринет от рабочих Франции, возмущенных полицейским произволом. Какая-то бездетная трудовая семья из Парижа взяла заочное шефство над сиротой, помогает матери, работнице сталелитейного завода, и старой бабушке воспитывать девочку, поддерживает их время от времени скромной, но искренней помощью.

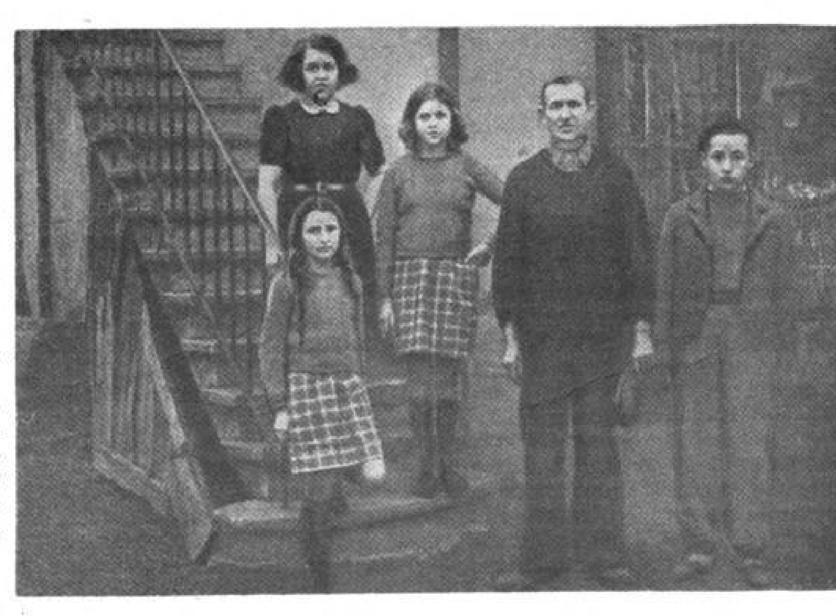
Следы тяжелой борьбы за свои жизненные права, следы полицейских бесчинств еще и сейчас можно встретить в каждом шахтерском доме. Водопроводчик Буше из шахты Камбфор еще в тюрьме. Его намеренно долго не судят, но и не выпускают. Жена его и трое детей существуют на мизерный заработок сына Альберта, пятнадцатилетнего мальчика-шахтера. Это всего 5 тысяч франков, к ним надо прибавить маленькое пособие от Комитета помощи шахтерам — 1500 франков. В теперешних условиях жизни во Франции такой «бюджет» означает постоянный и беспросветный голод.

Нынешние правители Франции, состоящие на службе у американских монополий, мечтают затянуть петлю голода на шее французского народа во имя того, чтобы потоки золота текли в сейфы Уолл-стрита. Но французский народ все настойчивей требует создания правительства демократического единства, которое сумело бы отстоять национальную независимость страны и прекратить политику наступления на жизненный уровень трудящихся.

Мужественные шахтеры сейчас, как и всегда, идут в первых рядах рабочего класса Франции. Подымается новая волна забастовок. С новой силой звучат на шахтах строфы «Марсельезы забастовщиков»:

Чтобы покончить с нищетой,—
Тесней объединиться в борьбе!
Рабочий класс победит!
Лучшие дни придут!
Они будут концом для негодяев,
Заставляющих нас умирать
с голоду...

Ирина ИЗМАЙЛОВА

Семья шахтера Жан-Пьера в поселке Фирмини

* Так называют себя в обиходе французские горняки.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Рассказ

Семен ШУРТАКОВ

Рисунки В. Высоцкого

Когда Глаша Зорина уезжала из своего колхоза «Новый путь» в Москву, односельчане долго и обстоятельно напутствовали ее.

Пожилые колхозники на этом не совсем обычном собрании держались по-деловому строго, хотя по всему было видно, что настроение и у молодежи и у стариков было возбужденное, приподнятое.

Глаша сидела между председателем колхоза и счетоводом. Счетовод, одну за другой, подсовывал ей четко выписанные таблицы и поученически раскрашенные диаграммы. Положив перед Глашей последнюю таблицу, он откинулся на спинку стула и заключил:

— Бей, Глафира Алексевна, цифрами. Цифры имеют великую силу. Надо только уметь ими пользоваться.

Пока счетовод разъяснял Глаше диаграммы, колхозники вполголоса разговаривали меж собой. Но при последних словах Ефросинья Тюкина, дородная и самая острая на язык баба, громко возразила:

— Да что цифры! Пусть про живых людей расскажет, люди-то, небось, поважней твоих закорючек с хвостиками.

— Правильно! — поддержало ее сразу несколько голосов.

С этого, собственно, и начался общий разговор.

— Тебе, Ефросинья Павловна, по незаконченности своего образования, может, и трудно понять, но цифры суть зеркало наших колхозных дел и достижений, — пояснил счетовод.

Пояснение было дано мягким и вежливым тоном, но, может быть, как раз слишком вежливый тон этот и задел Ефросинью больше всего. Она откинула в стороны полы шубы, выставив свою полную, крутую грудь, и задорно, по-петушиному вздернула голову:

— Зеркало, говоришь? А к чему оно Глашке. Ты, поди, на жену без зеркала смотришь. А-а, то-то!

Сбитый с толку таким неожиданным поворотом, всегда солидный и неуязвимый счетовод не нашелся что ответить. Он снял очки и начал старательно протирать их, бормоча что-то вполголоса.

— Разговор не по главной теме, — вмешался бригадир Федор Петрович Толкунов, мужчина лет под пятьдесят, с глухим голосом и постоянно озабоченным выражением лица. — Не за тем собрались. И ты, Ефросинья, если можешь, попридержи свой язык до другого раза.

— Так, — одобрительно крякнул кузнец Илья Бочкин, известный своей неприязнью к злоязычной Ефросинье.

— Выкладывай свою главную тему, никто тебе рта не зажимает, — не утерпела та.

— Вот, мол, добились чистых паров и большую пользу от этого наглядно имеем. Рекордные по области урожаи и все такое.

— Да кого ж этим удивишь? — усмехнулся Николай Копров, секретарь комсомольской организации. — И не в одних парах дело.

— А то еще расскажи, Глаша, про строительство наше колхозное, — не обращая внимания на соседа, продолжал Толкунов. — Вот, мол, родильный дом под железной крышей выстроили.

— Высказался! И пары и родильный дом под одну гребенку причесал.

— Эх, — вздохнул женский голос в правом углу, — рассказчица-то наша Глафира уж больно... — Глаша не расслышала последнего слова, но поняла и так. — Митьку Звонцова бы для такого дела!

Да, рассказчица она никудышная — Глаша это знала сама. Нет, не сумеет она складно рассказать там, в Москве, о том, что ей разъяснял счетовод, о том, что ей говорят и еще скажут колхозники. Глаша откинула полушалок на плечи и низко склонила над столом раскрасневшееся лицо. Как-то вдруг стало очень жарко.

— Язык у Митьки подвешен ловко, что и говорить, — раздался от шкафа густой, спокойный голос Анны Максимовны Рогановой, заведующей фермами, — да только люди у нас, слава богу, ценятся не за красные речи, а за дела. И ты, Глафира, не робей... А расскажи там...

— Стоп! — поднялся председатель и, хотя сразу же стало тихо, по привычке постучал карандашом по графину: — Так дальше нельзя. Если мы хотим дать Зориной наш колхозный наказ, делать это надо не только с чувством, но и с толком. Других мнений нет? Ну вот. Против кандидатуры товарища Звонцова я лично не возражаю. Ехать ему в Москву, конечно дело, пока не за чем, но использовать его талант мы имеем полное право. Садись, Митя, за этот стол и фиксируй в письменном виде все пожелания товарищей колхозников. Да поскладней.

— Уж постараюсь, — с готовностью откликнулся Митя, пробираясь к столу и на ходу сбрасывая пальто.

Глаша проводила его глазами до места. «Ты смотри, разоделся-то как! Будто знал, что придется сидеть на таком видном месте. И галстук нацепил. А полос-то на нем! И красные, и зеленые, и каких только нет — аж в глазах рябит...»

— А теперь приступим. Ты же, Анна Максимовна, и начинай. Выкладывай про свои фермы все главные пункты.

— Что тут выкладывать. Пункты известные. У Настасьи Ереминой надой по семи тысяч с коровы, а «Красотка» и все восемь дала. Хряка почти на триста кило выкормили...

— Вот, вот. Теперь про свиней начали, — опять не выдержала Ефросинья. — Когда же про людей-то?

— А на фермах разве не люди работают? — повернулась в ее сторону Роганова. — Соображай, Ефросинья.

Ефросинья хотела что-то ответить, но вмешался председатель:

— Товарищ Тюкина, не вносите в собрание беспорядок. Слово имеет бригадир Толкунов. Выставляй, Федор Петрович, свои козыри.

— На участке в семь гектаров урожай озимых двадцать четыре с половиной центнера, — на этот раз прямо начал Толкунов. — В среднем по бригаде...

— Так и пиши, Митя, — подвел итог сказанному счетовод.—Неуклонный рост посевных площадей — в скобках поставь таблица номер семь, — средняя урожайность и диференциально с участков высокого урожая — таблица номер восемь...

— Слово-то какое придумал — не выговоришь. Не слушай его, Митя, не пиши. Можно, чай, и по-русски сказать.

— Теперь опять же про строительство... — продолжал Толкунов.

— Это не по твоей части, — перебил его председатель. — Про строительство скажет завхоз. А сейчас слово другим бригадирам.

Один за другим выступили бригадиры остальных бригад.

Когда бригадир второй бригады Василий Казарин кончил свою речь, раздался высокий голос комсомолки Наташи Ляминой из глашиного звена:

— Не слушай их, Глаша. Бери упор на лен. Лен — наша гордость, за него тебя и Москва отметила.

Молодежь дружно поддержала Наташу. Стало шумно, и председатель снова постучал по графину.

— Замечание по существу, и ты, Митя, запиши его на самом видном месте. Цифры и факты даст сама Глафира Алексевна.

Потом взял слово завхоз Андрей Шагалов. Почти всю войну он пробыл на фронте и привык говорить по-военному, четко.

— Построили семнадцать домов для колхозников, кирпичный коровник, выстроили общую баню, хату-лабораторию...

— Тоже не ново! — крикнул со своего места Николай Копров. — Хату-лабораторию сейчас не иметь стыдно. А вот про опыты, какие в ней товарищ Зорина вела, — про это пусть она скажет.

«Товарищ Зорина... — усмехнулась Глаша. — Ох, и Колька! Всегда на людях такую официальность разводит — холодно делается. Будто не знает весь колхоз, что он за ней вот уже второй год увивается». Глаша подняла голову и встретилась глазами со своей подругой Наташей. Та хитро, по-заговорщически, улыбнулась: знаем, мол, эти штучки.

— В чем дело, товарищ Зорина? — обиделся завхоз.

Глаша смутилась, попыталась разом нахмурить брови, но брови не слушались, и она начала медленно краснеть.

— Ничего смешного в том, что наш колхоз обзавелся электрической пилой, я не вижу. Эта пила, если вы хотите знать, заменила нам целую бригаду пильщиков и кроме того...

— Зорина права, — подал свой бас Илья Бочкин. — Говорить в Москве про какую-то пилу смешно. Эдак и я вон скажу, что механическое дутье в горне приспособил, а только кому это интересно?

— А может быть, и интересно, — не унимался завхоз.

— Да что вы расхвастались своими пилами, как купцы на ярмарке! — опять крикнул Николай Копров. — Говорить, так уж лучше про клуб. А главное — про людей наших, про их работу.

— Правильно, Коля, — подскочила на своем месте Ефросинья. — И я им про то же толкую.

— Надо бы заодно и про наши пруды замолвить словечко, — предложил Василий Казарин. — Мол, два пруда очистили, меж ними парк разбили, а в прудах карасей и карпов разводим.

— Добавь, Митя, для красоты слога: золотистых карасей и зеркальных карпов, — вставил и сюда свое слово счетовод.

Потом наперебой, часто хором, начали называть фамилии лучших колхозников и каждую с пристрастием обсуждали. Глаше было смешно видеть, как Звонцов старательно записывает фамилии ее подруг и других односельчан. Будто она их не знала или могла забыть...

Против каждой фамилии ставилось несколько цифр — «показатели», как их все называли, и счетовод не удержался, чтобы не заметить:

— Видишь, Глафира? При всяком удобном случае демонстрируй цифры. Поменьше слушай всяких Тюкиных, а крой цифрами.

— Это почему же она нас не должна слушать, а только тебя, усатого? — возмутилась Ефросинья, и уж, наверное, не поздоровилось бы счетоводу, если бы на помощь не пришел председатель.

— Товарищ Тюкина, вторично прошу не выходить за рамки!

— В случае чего, Глафира, не теряйся, а направляй разговор на главную тему, — высказал свое напутствие Федор Петрович Толкунов. «Главная тема» — это было у него нечто вроде присловья, и что должно было оно обозначать, это вряд ли знал и сам Федор Петрович.

— А в общем, — заключил весь разговор председатель, — особо не хвастайся. И нечем особенно-то хвастаться, и не в этом корень твоей задачи. Просто расскажи, чтобы люди знали, что есть такой колхоз «Новый путь» и чего он достиг... Возражений нет?

— Для закругления речи я тут добавил, — сказал Митя, — что наш колхоз «Новый путь» на всех парах идет к коммунизму. Ничего?

— Ну это ты, пожалуй, перехватил немного...

* * *

Москва встретила Глашу ярким, совсем весенним солнцем. Глаша привыкла видеть солнечный свет, разлитый по широким полям, долинам и взгорьям, а здесь оно светилось в каждой лужице, его несли на своих стеклах пролетающие мимо машины, он отражался в огромных зеркальных витринах магазинов. Даже лоснящийся асфальт, казалось, был пропитан солнцем. Это было какое-то особенное, московское солнце — очень подвижное, сверкающее, мчащееся вместе с машинами куда-то вперед и вперед.

Она спустилась в метро. Ее толкали, обгоняли с озабоченным, деловым видом спешащие люди, а она не понимала, как это можно куда-то бежать, спешить и не замечать такой красоты, не любоваться ею. Ощущение солнца не покидало ее и здесь. По временам ей казалось, что яркий свет неуемного московского солнца проник и сюда, под землю, и заливает так же щедро эти мраморные колонны, расписные сводчатые потолки, бронзовые статуи, как и все, что живет и движется под его лучами там, наверху.

На другой день она была в Кремле. И опять ее поразило сказочное великолепие Кремлевского дворца с переливающимися всеми цветами радуги хрустальными люстрами, лепными украшениями, с натертыми до зеркального блеска паркетными полами. Не верилось, что все это происходит наяву. И только увидев рядом с собой такую же молодую, как и сама, девушку, запросто повязанную пестрым платком, бородатого, очень похожего на Федора Петровича Толкунова, даже в такой же синей косоворотке и сером пиджачке мужчину и еще несколько совсем простых и, казалось, знакомых людей, Глаша поняла, что она не грезит.

После того как были вручены Звезды, каждый из награжденных рассказывал о своей работе. Редко кому удавалось скрыть охватившее всех волнение. Глаше пришлось выступать одной из первых, и уже прослушав, что после нее сказали другие, в том числе и бородач, похожий на Федора Петровича, она поняла, что сказала не то и не так, как бы это было надо.

И с девушкой и с бородачом она потом познакомилась ближе и разговорилась. Какой это интересный был разговор! Сколько нового и такого важного она узнала! Так вместе, втроем, они на другой день и поехали по Москве.

Водоворот яркой, красочной жизни захватил Глашу и понес, понес по московским улицам, бульварам, музеям, театрам, выставкам. Музей Революции и Музей Ленина с множеством картин и пожелтевших от времени документов, подписанных ленинской рукой, Тимирязевская академия с неохватным числом всяких коллекций, Большой театр с плывущими в вальсе лебедями, Третьяковская галлерея с «Иваном Грозным» и очень близкой, очень русской «Золотой осенью»...

Накануне отъезда из Москвы, вечером, она вышла из гостиницы побродить последний раз по улицам столицы. Она пересекла бульвар, прошагала длинную, с двумя церквами во дворах, улицу и вышла на уже пустеющее Садовое кольцо с его широким разлетом, с провисшими цепочками белых шаров по обочинам. Затем по улице Горького, мимо крутящегося глобуса на центральном телеграфе, Глаша спустилась к Историческому музею.

Было уже заполночь. По-ночному пустынная и от этого еще более просторная Красная площадь, с Мавзолеем на правой стороне, лежала в строгом, почти торжественном молчании. Синие ели у Кремлевской стены, освещенные косым лучом прожектора, казалось, стояли на страже этой необычной для такого шумного, вечно кипящего города тишины, и даже редкие машины не осмеливались нарушать ее своими резкими сиренами. И когда в эту тишину со Спасской башни падали удары часов, Глаше думалось, что они слышны не только здесь, в Москве, но и далеко-далеко отсюда, в ее родной Сибири.

За зубчатой стеной, над высоким зданием с куполообразной крышей, плыло освещенное снизу алое полотнище — государственный флаг ее страны. В одном окне верхнего этажа здания горел свет.

И вдруг Глаша подумала, что ведь где-то совсем близко, совсем рядом отсюда, может быть, вот за этим окном находится тот человек, имя которого, как и имя, высеченное на красном мраморе Мавзолея, — самое известное и самое любимое на всей земле имя. Ведь это ему она давала свою трудовую клятву в письме. Это сюда, к этой древней стене, невидимыми нитями тянутся мысли и надежды людей всей страны, да и не только нашей страны.

У Глаши перехватило дыхание. И совсем, совсем маленькими показались ей собственные труды и заботы рядом с трудами и заботами этого великого человека. Да, она неделями не уходила с поля, по нескольку ночей кряду не спала, она чуть не заболела сама, когда «заболел» ее лен-долгунец. Но ведь у нее было всего семь гектаров колхозного поля, и она была в ответе только за эти семь гектаров. А этот человек в ответе за все поля, за всю страну, и думает о настоящем и будущем всего народа и об ее, Глафиры Зориной, будущем тоже. Какие же надо иметь плечи, чтобы принять на себя и нести эту тяжесть!..

Глаша вздрогнула: начали бить часы. Медленно, стараясь не стучать каблуками, она пошла с площади. Она уходила взволнованной и какой-то просветленной. За эту минуту, которую она пробыла так близко и, как ей казалось, наедине с таким человеком, и вся ее недолгая еще жизнь и все происходящее кругом будто озарились новым, необыкновенным светом, и она по-новому, с какой-то новой стороны увидела многое и многое поняла. Она по-новому ощутила не только величие этого человека, но и вместе с его огромной силой — как одну маленькую часть ее — свою собственную силу. Она испытала необычайную радость идти вместе с этим человеком, идти по трудному, но светлому пути, указанному его мудрой рукой. Она будто поумнела за эти минуты, повзрослела сразу на несколько лет. Тогда, после получения награды, она еще смутно представляла, что и как она скажет колхозникам по приезде домой. Теперь она знала твердо, что сказать им!..

* * *

Скоро она снова увидит свой родной колхоз, увидит мать, Кольку, Федора Петровича, Наташку, Анну Максимовну — всех этих милых, близких сердцу людей. И Красная площадь, и четверка вздыбленных коней на Большом театре, и сверкающее солнечное метро, и неугомонный днем и ночью вокзал — все это осталось далеко позади. Остались позади и Казань с огромным мостом через Волгу и гористый Урал. Скоро, уже совсем скоро она будет дома!..

Когда Глаша вышла из вагона, на перроне вдруг заиграл аккордеон и от вокзального скверика навстречу ей двинулась группа людей. Ба! Да ведь это все из «Нового пути». Ну да! Вон впереди Василий Казарин, за ним Николай Копров с Наташей Ляминой, колхозный аккордеонист Митя Звонцов.

Казарин вытащил из-под полы тулупа смешной букет из сосновых веток и бумажных цветов и протянул его Глаше:

— Герою колхозного труда!

Обе руки у Глаши были заняты, и она не знала, что делать с букетом. И еще оглушило непривычное слово «герой», впервые так громко сказанное про нее.

Глаша бросила чемоданы и начала целовать всех подряд, начиная с Василия Казарина. Обнявшись с Глашей, он так и остался стоять с букетом в вытянутой руке. Когда очередь дошла до Николая Копрова, Глаша на секунду замешкалась, а потом, набравшись духу, порывисто обняла и его.

— Ай да товарищ Зорина! — съехидничала Наташка.

— Как секретаря комсомольской организации,— отшутилась Глаша, и все засмеялись.

Потом на трех санях с дугами, увитыми хвоей и красными лентами, с трескучими бубенцами, мчались по заснеженным, искрящимся на солнце полям в «Новый путь». С песнями и музыкой, сопровождаемые гурьбой ребятишек, еще с утра поджидавших «своего героя» на околице, въехали в село. Над воротами при въезде Глаша заметила кусок кумача с огромными буквами на нем: «Горячий привет нашему Герою!» И опять ее привело в замешательство это высокое слово, к которому она еще никак не могла привыкнуть. И таким по-новому дорогим показалось ей родное село, такой радостью вдруг защемило сердце, что она чуть не расплакалась.

И вот Глаша Зорина опять стоит за тем же столом в правлении колхоза. Только сегодня все по-другому. Стол накрыт красным сукном, и на нем цветы, рядом, в углу, развернутое переходящее знамя, на стене, у которой стоит стол, портреты вождей, а на противоположной — портрет ее, Глаши. И народу сегодня в два раза больше, и держатся все, как на большом празднике, а на нее смотрят как-то уж слишком уважительно, будто она уже не та, вчерашняя Глашка-звеньевая, а какой-то совсем другой человек. Из-под расстегнутых пальто и полушубков видны коверкотовые и шерстяные костюмы с поблескивающими орденами и медалями, в рядах пестреют яркие бабьи полушалки и девичьи береты. Председатель Иван Кузьмич тоже в праздничном костюме и при всех орденах. Жаль, нет парторга, перед собранием она к нему заходила: все еще хворает,— а то было бы совсем хорошо.

Народу набилось так много, что сидят и на подоконниках и на бухгалтерских несгораемых ящиках, двое мальцов пристроились даже на шкафу, под самым потолком. Один из них некоторое время смотрит на Глашу, потом переводит глаза на портрет, потом опять на Глашу. Портрет почти похож, только уж очень важной она выглядит на нем, и Звезда какая-то уж слишком крупная.

Глаше, прежде чем начать говорить, захотелось поклониться своим односельчанам и сказать спасибо за почести, которые они ей оказали, но она не знала, как это делается, и, немного помедлив, начала:

— Когда я уезжала в Москву, вы мне дали наказ. Я его выполнила.

— Так, — одобрительно пробасил кузнец.

— Молодец, Глафира! — подала свой голос и Ефросинья Тюкина.

— А ну, потише, вы. Не на сходке, — зашикали из задних рядов.

— Только... — продолжала Глаша, — только мы тут немного ошиблись.

В помещении сразу стало очень тихо.

— Неужели просчет в цифрах? — первым обеспокоенно спросил счетовод. — Не может быть!

— Уж не Митька ли что наврал? — посыпались вопросы из рядов.

— Нет, — ответила Глаша. — И цифры правильные, и Митя все написал правильно, — она взяла со стола вчетверо сложенные листы, исписанные мелким красивым почерком, и некоторое время подержала их в руках, как бы заново вспоминая все, что было сказано на том собрании. Она хотела, чтобы все, смотря на эти листки, припомнили свои слова и подумали: где же и в чем они ошиблись?

— Цифры все правильные, — еще раз повторила Глаша, — и за наши достижения Москва нас похвалила.

Ряды колхозников довольно загудели.

— Но... — Глаша опять сделала паузу и посмотрела в сторону счетовода. — Но никто там не ахнул, как многие из нас ожидали. Страна наша велика, и таких колхозов, как наш «Новый путь», в ней много. Даже нашлись и посильней нашего.

Когда Глаша начала говорить, глаза собравшихся были внимательно устремлены на нее: еще бы, человек только из Москвы, да еще с Золотой Звездой! Последние же слова отвлекли внимание колхозников от нее, и говорить стало легче.

— Вот ты, Анна Максимовна, говорила, что «Красотка» дала семь тысяч литров. А в Ивановской области есть коровы, дающие в два раза больше молока. И доят там электричеством, и корма подвозят по воздушной электрической дороге, и даже навоз чуть не сразу на поля по трубам отводят. Пробовала я направлять разговор и по главной теме, как ты советовал, Федор Петрович, — улыбнулась Глаша в сторону Толкунова. — Но опять же нашлись колхозы, у которых есть и звуковое кино, и родильные дома не хуже нашего, и бани. Бани даже еще получше — с ваннами.

— С ваннами? — с нескрываемым удивлением спросил Илья Бочкин.— Ай, да ну!

— Про кузницы, правда, ничего не скажу. Разговор не заходил.

— Ага! — неизвестно чему обрадовался кузнец.

Но Глаша видела, что ее слова несколько обескуражили собравшихся. Это было понятно ей. Еще там, в Москве, нечто подобное пережила и она сама. Перед глазами сначала встали девушка из Иванова с бородачом, похожим на Толкунова, затем ночная Красная площадь и освещенное окно в верхнем этаже.

— Однако я так считаю, что печалиться нам от того, что нашлись колхозы не хуже нашего, никакого резону нет.

— Это даже очень здорово, — поддержали Глашу Анна Максимовна и Наташа Лямина.

— Работали мы хорошо, упрекнуть нас нечем, — уже увереннней продолжала Глаша, — и добились многого.

— Определенные достижения налицо, — солидно вставил счетовод.

Лица колхозников ожили, из-под бровей, еще минуту назад нахмуренных, веселым блеском засветились глаза, и Глаша решила, что теперь можно сказать самое главное.

— Работали мы хорошо, — опять повторила она, — но ведь все, о чем мы с вами тогда говорили, — вчерашний день. А про завтрашний мы даже и словом не обмолвились. Вот и выходит: назад загляделись, залюбовались своей работой.

— Вот тебе и на всех парах, — осуждающе проговорил председатель в сторону Мити Звонцова.

И по тому, как это было сказано, а еще больше по взгляду, светившемуся отеческой теплотой и гордостью, каким он посмотрел на нее, Глаша почувствовала, что председатель понял ее, понял и уж наверное знает, что она скажет дальше, заранее с этим соглашаясь.

— Да вот и я как раз об этом, — подхватила Глаша его последние слова. — Мне в Москве такой вопрос задали... Нет, я лучше начну с другой стороны, — вдруг сбилась она, наткнувшись глазами на переходящее знамя, стоявшее по правую руку от председателя. — Вот, знамя нам дали в этом году как передовому колхозу. Ладно. А что это обозначает, если подумать: передовому? А?

— Ну... что есть, значит, в районе колхозы и послабей нашего.

— Верно, Анна Максимовна. И вот про них-то меня в Москве и спросили. Нет ли, мол, с вами по соседству такого? Я сразу-то не сообразила, куда они клонят. Как, мол, не быть, вон тот же «Восход», в пяти километрах от нас, может, вы на него намекаете? Хотя бы, говорят, и на него.

— Ну, что ты скажешь! Все-то им известно.

— Да. И очень, говорят, нас интересует, какой контакт у вас с этим колхозом. Ну, там, обмен опытом, соревнованье, взаимопомощь и все подобное. Пробовали, говорю, соревновались, да только, как он был отстающим, так и до сих пор нам далеко не ровня. А не помогаете, спрашивают. Ну... врать же не будешь. Нет, говорю.

— Э-эх! — шумно вздохнул кузнец.

— Так, так. Это там, в Москве, мне говорят: так, так. Значит, говорят, вы решили в индивидуальном порядке в коммунизм прибыть?

— Эва куда повернули!

— Прямо на главную тему.

— Хитро́.

— Да, на самую главную тему, — продолжала Глаша, сама удивляясь, как складно все у нее выходит. — Коммунизм, говорят, пока еще впереди, но он не за горами. И чтобы поскорее пришел он в наш дом, надо нам всем глядеть вперед и двигаться общим строем. Вот что мне сказали в Москве. А от себя я добавлю...

— Да тише вы, сорванцы, — досадливо зашипела Ефросинья Тюкина на завозившихся ребят. — Из-за вас прослушаешь тут все.

— Про колхозы я вам рассказывала, которые не хуже нашего. А ведь они еще и леса садят. Нам леса садить не надо? Не надо. Так сколько же еще у нас силы запасной есть? А? Мы все можем: и урожай сделать выше, и коров электричеством доить, и «Восходу» помочь. Лишь бы мы захотели. А мы этого...

— Хотим! — громко договорила за Глашу Наташа Лямина.

— Конечно, хотим! — загудело собрание.

На этот раз председатель не стучал по графину. Он поднялся со своего места и торжественно, как клятву, произнес:

— Хотим и сделаем! — помолчал немного, а затем с той же отеческой теплотой в голосе добавил: — А тебе, Глаша, наше спасибо. Ты хорошо выполнила наш наказ,— и, крепко обняв ее за плечи, поцеловал.

Из литературного прошлого

Пушкин и Белинский

(По неизданным материалам)

Последняя поездка в жизни Пушкина связана с именем Белинского. Издание «Современника», поиски новых сотрудников для журнала заставили поэта отправиться в мае 1836 г. в Москву, где он предполагал встретиться с Белинским. А. В. Щепкина (сестра Н. В. Станкевича — друга Белинского) в своих «Воспоминаниях», изданных в 1915 г., рассказывает: «В Соколове М. С. Щепкин встречал нашего славного поэта Пушкина, который бывал там у П. В. Нащокина. Позднее Пушкин посетил несколько раз и дом М. С. Щепкина, чтобы видеться у него с В. Г. Белинским, которого приглашали тогда принять работу для журнала, в издании которого участвовал Пушкин...»

Встреча эта не состоялась. И тем не менее интерес Пушкина к молодому Белинскому не ослабевал до конца жизни поэта.

В сентябре 1834 года начала появляться на страницах «Молвы» — московской «газеты мод и новостей» — «элегия в прозе» — «Литературные мечтания» еще никому неизвестного критика, по слухам выгнанного студента, Виссариона Белинского. Пропаганда реалистического искусства, «поэзии реальной», беспощадная критика романтизма не могли не вызвать сочувствия гениального поэта, который сам именовал себя «поэтом действительности». Пушкин законно должен был увидеть в статье молодого критика развитие собственных выводов.

Не мог Пушкин не знать и о тех откликах, которые были вызваны этим выступлением Белинского. Но до сих пор у нас не было документальных материалов, подтверждающих интерес поэта к первой программной статье Белинского.

В рукописном отделении Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина в архиве М. П. Погодина нам удалось разыскать неизданные воспоминания М. Погодина о Белинском, в которых мы находим первое документальное подтверждение интереса Пушкина к статье «Литературные мечтания».

Известно, что реакционная критика была испугана и возмущена статьею молодого Белинского. Тем более ценно свидетельство его яростного врага, который вынужден признать интерес Пушкина к автору «Литературных мечтаний».

История погодинской рукописи такова. В 1869 году в «Вестнике Европы» появились известные воспоминания И. Тургенева о Белинском. Махровый реакционер М. П. Погодин попытался в противовес Тургеневу создать искаженный портрет критика и 27 октября 1869 года начинает статью «О Белинском. По поводу воспоминаний г. Тургенева». Наполненная злобными выпадами, статья была не окончена. В самом начале мы находим запись о Белинском и Пушкине, которую и приводим здесь:

«М. Погодин

О БЕЛИНСКОМ. ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНИЙ г. ТУРГЕНЕВА

Белинского я узнал в 1834 году. Надеждин, отправясь за границу, поручил ему издание «Молвы» и велел в нужных случаях спрашивать у меня решение. Не помню, зачем он явился ко мне, и я в первый раз тогда увидел его и поговорил с ним...

Первая статья его «Литературные мечтания» показалась нам докучной сказкой, повторявшею старые зады и не заключавшею ничего нового. Но Пушкин, долг справедливости требует сказать, обратил на нее внимание и прислал, кажется, экземпляр только что напечатанного «Бориса» Белинскому через Соболевского, «потихоньку», писал он, «от наблюдателей», то-есть от издателей «Московского Наблюдателя», в котором заведывал литературною частию Шевырев, уже выразивший свое нерасположение к Белинскому. Тогда же прислал он ко мне экземпляр «Бориса» и для Надеждина, который в «Вестнике Европы» Каченовского начал свое литературное поприще бранными выходками против Пушкина, и долго ратовал против него. Должно заметить, что Пушкин, так как и Гоголь, имели малодушие смущаться журнальною бранью и газетными отзывами, несмотря на все к ним презрение. И Пушкин и Гоголь видели в Белинском выгодного глашатая, содействующего в необразованной публике к выгоднейшему сбыту».

Конечно, подобное объяснение интереса Пушкина и Гоголя к Белинскому — злобная и неуклюжая попытка фальсифицировать и скрыть действительные мотивы дружеского внимания поэта к молодому критику. Пушкин увидел именно в молодом Белинском, а не в реакционном критике Шевыреве подлинного союзника в борьбе за реалистическое направление, за утверждение национально самобытных начал в литературе. Больше того, Пушкин сам в это время работал над статьей о русской литературе XVIII — XIX столетий. Многое в этой незаконченной статье было близко тому, о чем писал Белинский в «Литературных мечтаниях», и есть основание думать, что именно по этой причине Пушкин не стал продолжать работу над своей статьей.

В течение 1835—1836 гг. Пушкин внимательно следил за деятельностью Белинского. В его библиотеке сохранились экземпляры журнала «Телескоп», в которых разрезаны только те страницы, где напечатаны работы Белинского. Пушкин высоко оценил борьбу Белинского за прогрессивные идеи и реализм в русской литературе. 27 мая 1836 г. он просит своего приятеля Нащокина передать экземпляр «Современника» «от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей NB)[1] и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться».

Когда Гоголь не упомянул в своем обзоре журналистики Белинского, Пушкин поместил в «Современнике» «Письмо к издателю» (1836), в котором отметил незаурядный талант критика. «Жалею, — писал он, — что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду».

Когда в 1836 г. «Телескоп» был закрыт и Белинский остался без литературного пристанища, Пушкин начал с ним переговоры о постоянном сотрудничестве в «Современнике». Нащокин в октябре 1836 г. сообщил поэту: «Теперь коли хочешь, он (Белинский) к твоим услугам. Я его не видал, но его друзья, и в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать». Ответить на это письмо Пушкину не довелось.

Белинский восторженно отнесся к предложению Пушкина. В 1842 г. он писал Гоголю, что больше всего «радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастию, дошедших до меня из верных источников...»

Смерть Пушкина помешала журнальному союзу величайшего поэта и величайшего критика. О начале этого союза и повествует против собственного желания М. Погодин.

М. ПОЛЯКОВ

[1] Белинский вел яростную полемику с журналом «Московский наблюдатель». Погодин за давностью ошибся и пишет, что был передан «Борис Годунов», который вышел в 1831 году.

Чернышевский о Герцене

Вождь русской революционной демократии 60-х годов Н. Г. Чернышевский неоднократно подчеркивал свою преемственную связь с революционным поколением Герцена — Огарева. В «Очерках гоголевского периода русской литературы», как и в рецензии на вышедший в 1856 году сборник стихотворений Огарева, Чернышевский, искусно обходя цензурный запрет на имя Герцена, глубоко раскрыл историческое значение его деятельности. Невольно вспоминаются ленинские слова, что Герцен «встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени», когда читаешь в «Очерках» Чернышевского о том, как «умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников...»[1].

Чернышевский высоко ценил «блестящий литературный талант» Герцена и отмечал, что «по блеску таланта в Европе нет публициста», равного ему[2]. Он настойчиво воспитывал в молодом поколении чувство уважения к революционной деятельности Герцена.

В то же время Чернышевский отчетливо видел либеральные колебания знаменитого издателя «Колокола». Как говорил Чернышевский, он уже в середине 50-х годов имел «образ мыслей, не совсем одинаковый с понятиями Герцена»[3]. «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, — писал В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», — представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх».

В 60-х годах, когда Герцен, по определению Ленина, увидал революционный народ в самой России, «он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма».

Обострение классовой борьбы в стране в связи с крестьянской реформой 1861 года и последовательная революционная позиция, занятая в этом вопросе «Колоколом», привели к дальнейшему сближению Герцена с русской революционной демократией. Чернышевский, арестованный в июле 1862 года, не успел в должной мере оценить решительный и бесповоротный приход Герцена в лагерь революционного народа. Несомненно, однако, что идейная эволюция Герцена и «Колокола» в начале 60-х годов привлекла его внимание.

Одной из последних работ Чернышевского накануне его ареста было собирание и подготовка к изданию «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова». Любовно, с большой тщательностью и трогательным вниманием к памяти своего друга и ученика собирал и комментировал Чернышевский переписку Добролюбова, воспоминания о нем близких людей и т. п. Арест Чернышевского прервал эту работу, и он смог вернуться к ней лишь спустя четверть века, в 1887 году. Подготовленный Чернышевским первый том «Материалов» вышел в свет уже после его смерти, в 1890 году.

Среди многочисленных и обширных примечаний Чернышевского, разбросанных в этой книге, останавливает внимание большая сноска на страницах 438—439. Приведя несколько примеров из литературной жизни 1858 года, свидетельствующих о том, как иногда превратно и неправильно понимали современники статьи Добролюбова, Чернышевский пишет: «Но еще несравненно замечательнее в этом отношении случай такого же рода, происшедший через год, — удивительное недоразумение, в которое впал при чтении «Литературных мелочей прошлого года» Николая Александровича (Добролюбова. — *В. П.*) один из знаменитейших и действительно лучших деятелей русской литературы. В своем месте мы расскажем эту историю, насколько она может быть предметом печатного рассказа теперь, когда еще жив один из участников того спора»[4].

Нет сомнения, что перед нами в высшей степени знаменательный отзыв Чернышевского о Герцене, до сих пор странным образом не учтенный в научной литературе.

Под «удивительным недоразумением» Чернышевский имеет в виду нашумевшую полемику Герцена с «Современником» в 1859 году («через год») вокруг статей Добролюбова о «лишних людях» и о так называемой «обличительной литературе» русских либералов. («Литературные мелочи прошлого года», «Что такое обломовщина?» и др.).

Статья Герцена «Very dangerous!» («Очень опасно!»), отразившая его колебания в те годы к либерализму, была восторженно принята русскими либералами, стремившимися приписать создавшемуся конфликту значение принципиального разрыва «Колокола» с молодой революционной демократией. Однако Герцен вскоре осознал ошибочность своего выступления и демонстративно подчеркнул близость «Колокола» «нашим русским собратьям». Быть может, известную роль в этом сыграла поездка Чернышевского в Лондон летом 1859 года, предпринятая им специально для личного объяснения с Герценом в связи с «недоразумением» между редакциями «Колокола» и «Современника».

Любопытно, что в воспоминаниях «Об отношениях Тургенева к Добролюбову», приложенных к письму А. Н. Пыпину от 21 января 1884 года, Чернышевский, намекая на свою поездку в Лондон к Герцену, вновь писал о «странном недоразумении», для прекращения которого ему привелось, «по желанию Некрасова и Добролюбова», совершить дальнюю заграничную поездку[5].

В последующих выпусках «Материалов» Чернышевский, очевидно, намеревался подробнее остановиться на этом эпизоде, — насколько он мог быть тогда «предметом печатного рассказа».

Характеристика Герцена, как «одного из знаменитейших и действительно лучших деятелей русской литературы», оставленная Чернышевским **после** всех расхождений, имевших место между ними, является ярким свидетельством глубокой идейной близости великих предшественников русской революционной социал-демократии.

Вл. ПУТИНЦЕВ

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. III, стр. 224. 1947.

[2] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». Т. I, стр. 319. 1890.

[3] Там же.

[4] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». Т. I, стр. 439.

[5] «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие». Т. III, стр. 471. 1930.

На родине ПОЭТА

Фотоочерк В. Мусинова

Николай Алексеевич Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» писал:

…придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

И вот мы в тех местах, о которых когда-то писал Некрасов, где до революции на весь уезд было восемь—девять начальных школ и бесчисленное число кабаков.

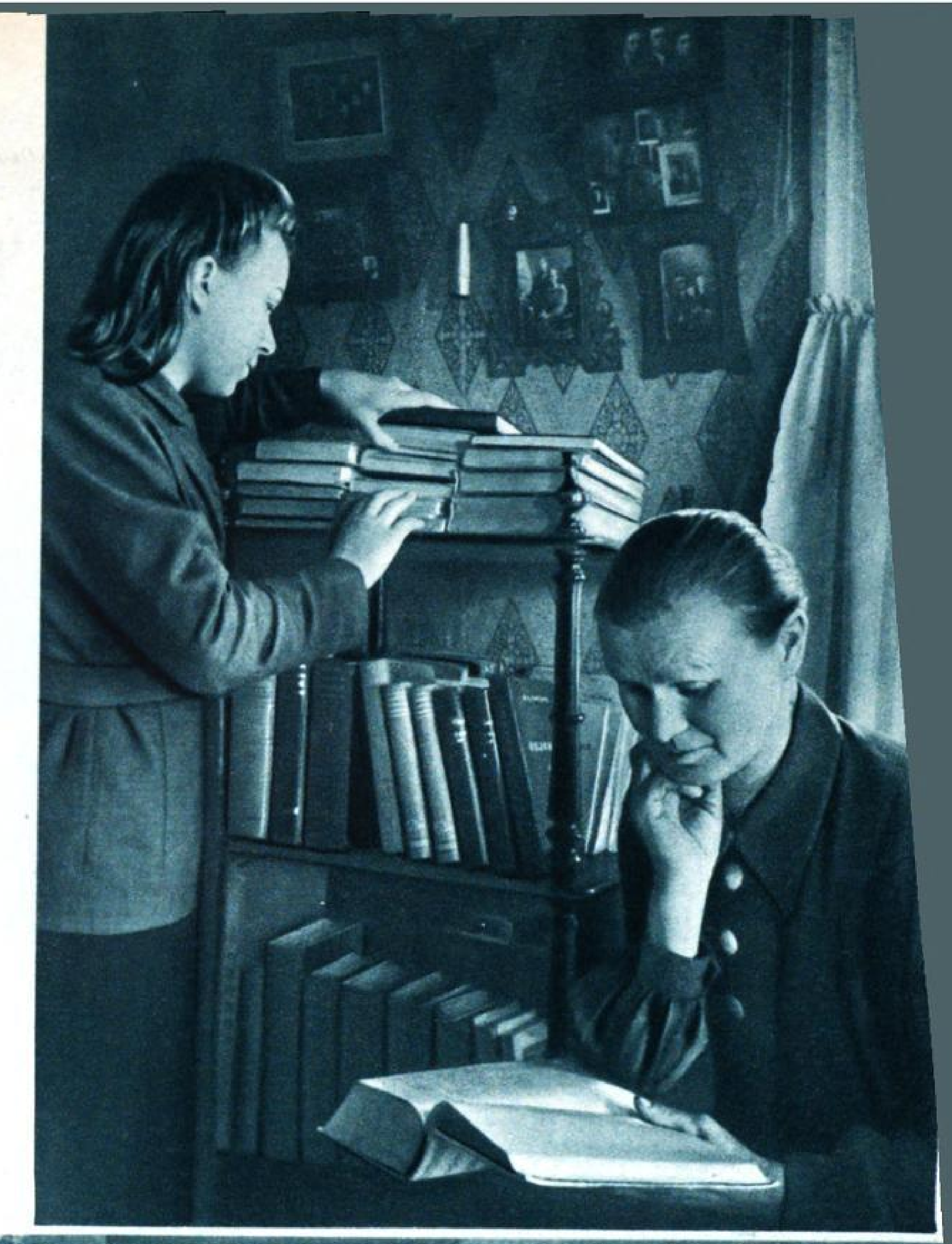
Сейчас в Некрасовском районе, Ярославской области, два техникума, две средних десятилетних школы, одиннадцать школ с семилетним обучением и тридцать семь начальных. В районе находятся областная торгово-кооперативная школа, пять вечерних школ для сельской молодежи, шесть сельских и одна районная библиотека, пять колхозных клубов, районный Дом культуры, книжный магазин... Скупая статистическая справка, но сколько в ней убедительных, ярких фактов, свидетельствующих о величии культурной революции, произошедшей в нашей стране!

Книга — спутник культуры, ее могучий проводник. О том, как велика тяга к книге, можно судить хотя бы по тому, что районную читальню ежедневно посещает до четырехсот человек.

За 1949 год колхозники Некрасовского района приобрели свыше шести тысяч книг одной только художественной литературы. Книга прочно вошла в жизнь колхозной деревни. Вот Вера Михайловна Юрина из колхоза «Искра» (снимок вверху) у своей библиотечки. Слева ее дочь Рима, студентка зооветеринарного техникума.

Книжный магазин Когиза в Некрасовском пользуется широкой популярностью. У его прилавков всегда можно встретить и школьников, и учащихся техникумов, и седовласых колхозников (см. снимок на обложке).

В Некрасовском живет художник-самоучка Григорий Николаевич Демидов. Ему 82 года. Его картины и портреты можно видеть во всех клубах, во многих школах Ярославской области. Демидов — живая история района и области. Ему было 10 лет, когда умер Некрасов. На всю жизнь он остался страстным поклонником великого поэта. Образ Некрасова воспроизведен им на полотнах множество раз (снимок внизу).

Каждое утро в Некрасовском почтовом отделении оживление. Получив книги, газеты, журналы, почтальоны разносят их адресатам. Перед нами почтальон Нонна Матросова. Не успела она выйти из здания почты, как ее обступили ребятишки, самые активные читатели.

Творчество румынского народа

Ф. РЕШЕТНИКОВ,
лауреат Сталинской премии

Каждый день сотни москвичей посещают залы Академии художеств СССР, где развернута выставка румынского искусства. Они внимательно знакомятся с творчеством крупнейших румынских живописцев и скульпторов и с произведениями прикладного искусства — домашней утварью, национальными костюмами, изготовленными руками народных мастеров.

Посетитель выставки может проследить путь развития румынского искусства от первой половины прошлого века до наших дней.

Выставка открывается блестящим мужским портретом работы художника XIX века М. Стефанеску и одной из самых значительных в румынском изобразительном искусстве картиной «Революционная Румыния» К. Розенталя (1820—1851).

Константин Розенталь — пламенный патриот и художник редкой одаренности — был активным участником революции 1848 года. Он боролся за свободу вместе с великим румынским демократом Николаем Бэлческу. Революция окончилась поражением прогрессивных сил. Розенталь был схвачен агентами габсбургского дома. Его пытали, но он умер, не выдав товарищей.

В образе девушки в национальном костюме олицетворяет Розенталь революцию 1848 года. Ее смелый, решительный взор, гневное движение, рука, сжимающая оружие, романтический пейзаж — все предвещает бурю!

Портрет Бэлческу, в котором показан человек неукротимой энергии, принадлежит кисти Ж. Тэттэреску (1818—1894).

Самым крупным из румынских мастеров XIX века был Т. Аман (1831—1891). С автопортрета смотрит на нас одухотворенное, прекрасное лицо художника-борца с проникновенным взором. В эпоху, когда жестоко преследовалась каждая живая мысль, Аман, смело бросая вызов деспотизму, писал портрет руководителя народного восстания 1821 года Тудора Владимиреску и воскрешал в своих полотнах подвиги народа, его сражения за свободу, борьбу против турецкого засилия.

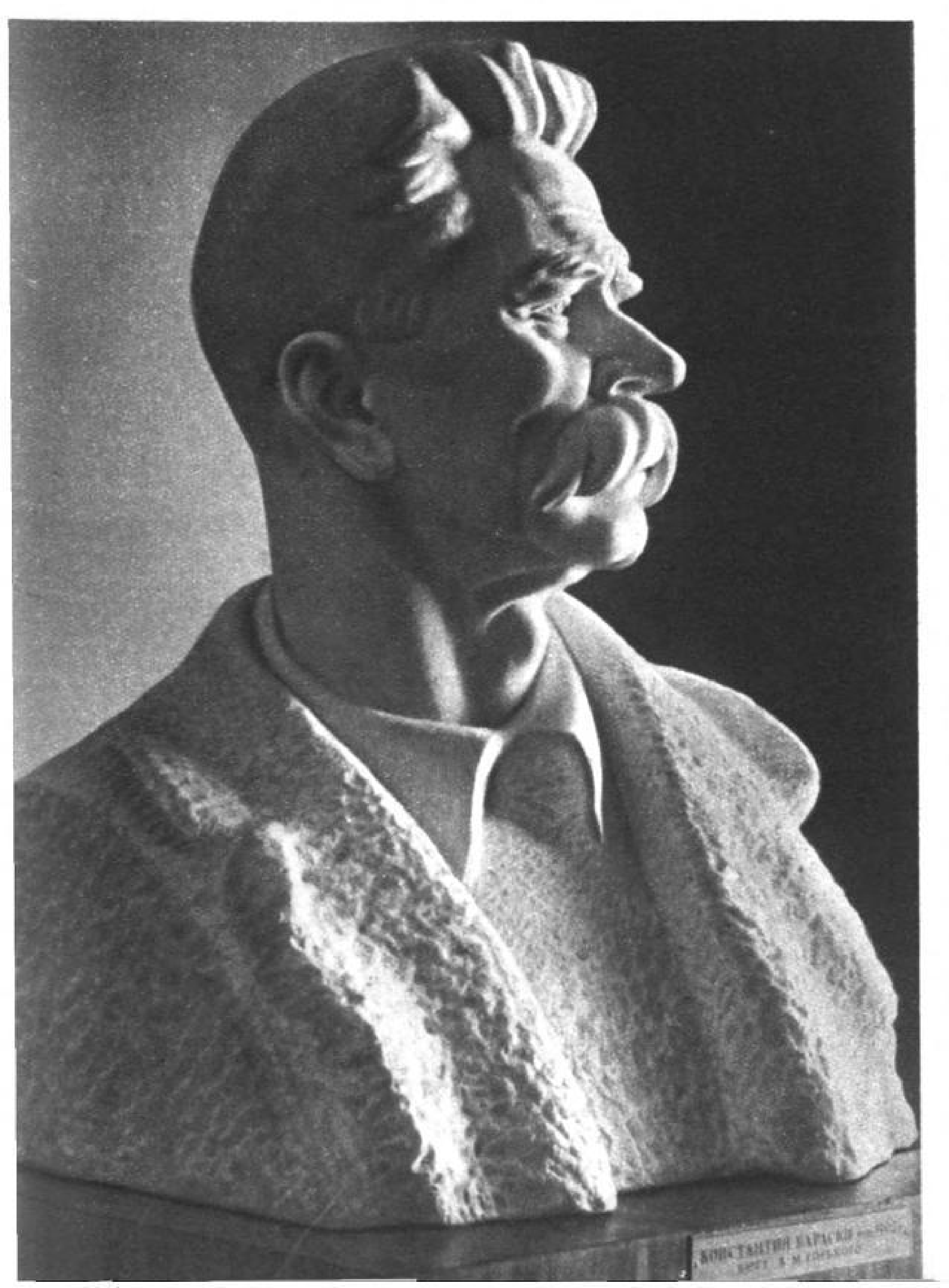
Отважный Владимиреску, робкая цыганская девушка, крестьяне, увлеченные хороводом,— все эти образы, которые мы видим на выставке, созданы кистью крупного мастера.

Современник Амана Н. Григореску был вдохновенным лириком. Его «Девочка» и «Крестьянка» полны неизъяснимой прелести. Большую человеческую любовь вложил художник в портреты простых людей. Картина «За вышиваньем» — истинный шедевр, сотканный из солнечных лучей, которые озаряют женщину, склонившуюся над работой. Григореску выступает и с жанровыми пейзажами: «Возвращение с пастбища», «Возвращение с работы». Эти живые картинки деревенской жизни написаны художником с редким колористическим мастерством.

И. Андрееску (1850—1882), «румынский Левитан», умер в молодые годы, в нищете и забвении. В своих полотнах он показывал то ветхий дом у околицы, то бесконечную проселочную дорогу, по которой уныло бредет лошадь, то плакучие ивы. Его картины, наполненные страданием, глубоко волнуют зрителя.

Бедность была спутницей и другого крупного мастера — С. Лукьяна (1868—1916). На автопортрете изможденный человек, скорбно прижавший к груди кисть живописца. С удивительной выразительностью передана печаль в глазах художника. Этот портрет, который скорее следовало бы назвать биографической повестью, был спрятан в подвалах одного из королевских замков. И это понятно: буржуазная критика пыталась представить Лукьяна лишь как одаренного мастера натюрморта. Прикованный к постели, Лукьян с лирической грустью пи-

К. Бараски. — Бюст А. М. Горького.

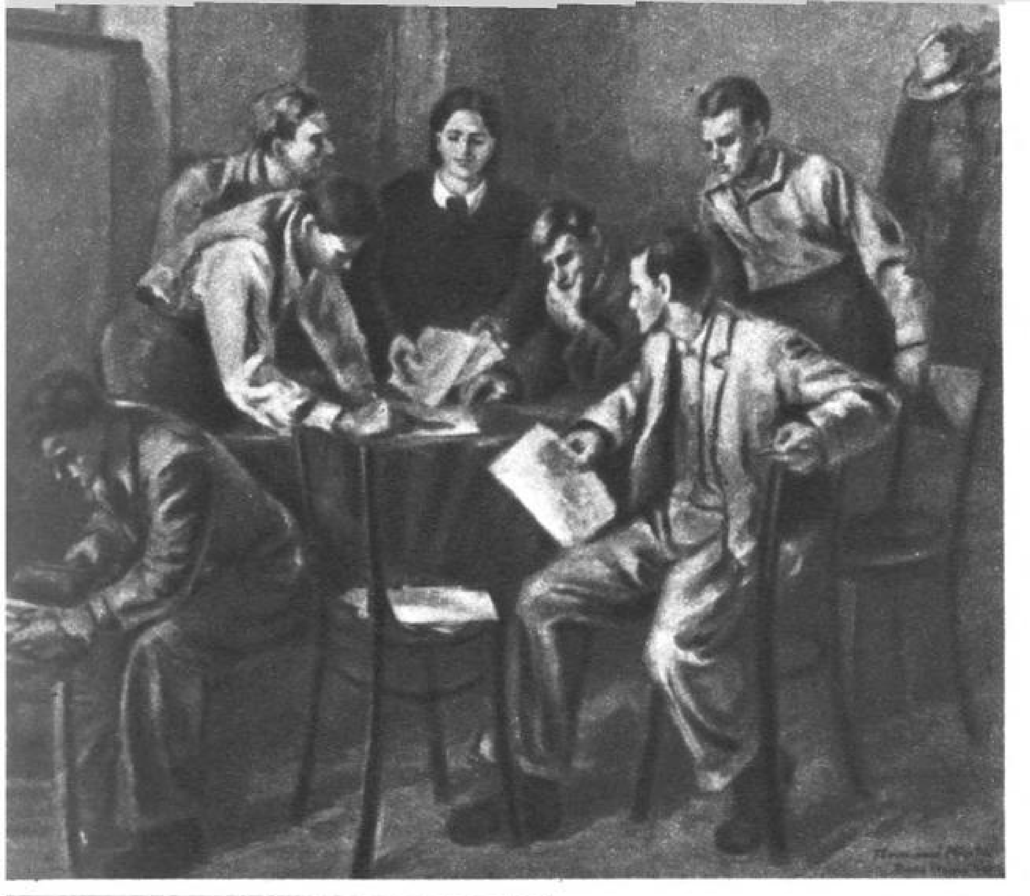

На выставке румынского искусства в Москве. Произведения народного творчества Северной Молдавы.

Т. Аман. — Портрет руководителя народного восстания 1821 года Тудора Владимиреску.

Т. Киш. — Подпольное собрание молодежи.

О. Бэнчилла. — Старик-портной.

Т. Калугару. — Выступление крестьянки-делегатки на собрании членов Союза демократических женщин Румынии.

сал пастелью скромные полевые цветы, которые нежно любил. Но Лукьян написал и патетическую картину «Требуем кукурузы» и портрет «Деда Николая», рассказывавший о судьбах румынского крестьянства, создал яркие образы цветочницы Сафты, рабочих.

Картина «Требуем кукурузы» была создана вскоре после крестьянского восстания 1907 года. Это восстание, потопленное в крови одиннадцати тысяч бедняков, дало толчок к творческому расцвету другого выдающегося художника — О. Бэнчиллы (1872—1944).

При королевской власти публичный показ картин Бэнчиллы был запрещен, и только в демократической Румынии народ получил возможность ознакомиться с его произведениями. Основная его вещь — это символическое полотно «1907 год»: крестьянин в белой рубахе со сжатыми кулаками неудержимо рвется вперед. Многие из его товарищей уже пали в борьбе, но он не сдается.

Немало талантливых румынских мастеров работало и в скульптуре. Д. Пачуря (1873—1932) — автор замечательных портретов Льва Толстого и художника Стефана Лукьяна. Исключительную художественную ценность представляет бронзовый бюст актера Паскали работы И. Джорджеску (1856—1898).

В конце XIX века в искусство Румынии начали проникать формалистические веяния. Этого влияния не избежали и представители старшего поколения и более молодые художники.

В трех залах выставки размещены работы художников и скульпторов Румынской народной республики. Заметно, что и на их произведениях сказываются формалистические влияния. Наследие буржуазного формалистического искусства, увлечение Сезанном еще сковывают творчество некоторых даровитых румынских художников.

А новая тематика, рожденная сегодняшними событиями, не может быть втиснута в гнилые формалистические рамки. Она требует, чтобы художники Румынии говорили с народом на понятном ему реалистическом языке. Только овладение методом социалистического реализма позволит румынским художникам запечатлеть в своих произведениях гигантские события, происходящие сегодня в Румынии, и сделать искусство живым участником борьбы за построение социализма. В этом смысле серьезную роль призваны сыграть организованные в Румынии в 1948 году 3 академии и 12 художественных школ. Они могут стать проводниками реализма.

Румынские художники смело обращаются к большим патриотическим темам. Достаточно краткого перечня представленных на выставке картин, чтобы увидеть размах творческой жизни мастеров резца и кисти: «Встреча румынских крестьян с воинами Советской Армии» Т. Калугару, «В подпольной типографии» Ш. Сони, «Перед спуском в шахту» А. Вайдта, «В забой» Г. Шару, индустриальный пейзаж С. Мюцнера, скульптурные композиции «1917 год» З. Бэйкояну, «Встреча» Б. Караджа, «Литейщики» М. Шульмана; портреты рабочих-ударников художников Г. Лаззра, А. Борди, А. Моску, К. Лекки и многие другие.

Хотелось бы выделить написанный Т. Калугару патетический портрет крестьянки-делегатки на собрании членов Союза демократических женщин в Румынии.

С картиной «Подпольное собрание молодежи», убедительно рассказывающей о революционном прошлом молодых румынских рабочих, выступает Т. Киш. Умелое композиционное построение, яркие, впечатляющие образы создают интересное произведение.

В картине «Ткачихи» художник Г. Лаззр углубленно раскрывает характер нового человека.

Для становления современного румынского реализма имеются все основания: демократическая направленность творчества, традиции национальной школы живописи, богатый опыт русских и советских мастеров.

О том, какие неисчерпаемые возможности таит овладение реалистическим методом, красноречиво свидетельствует на этой же выставке мраморный бюст А. М. Горького работы К. Бараски.

Скульптор создал вдохновенный образ великого пролетарского писателя, основоположника советской литературы.

Портрет Горького — бесспорная удача румынского искусства.

* * *

В пяти обширных залах, где размещены произведения народного творчества всех областей Румынии, как бы совершаешь путешествие по стране. Области конкурируют между собой нарядностью праздничных костюмов, изумительными вышивками, изобретательностью узоров, филигранной резьбой по дереву, цветистыми коврами, костюмами, деревянными, глиняными изделиями.

Экспозиция подобрана с таким вкусом и выдумкой, что раскрывает многообразие и богатство художественной культуры дружественного нам народа.

Выставка румынского искусства в залах Академии художеств СССР — наглядное свидетельство культурного расцвета Румынской народной республики.

К. Розенталь. — Революционная Румыния. 1848 год

Участники коллектива «Гдовская новь» Н. Алексеева (пионервожатая), Т. Петрова (колхозница), Е. Сырникова (колхозница), Н. Золотов (избач), Н. Федорова (колхозница).

Фото Б. Кузьмина

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

...Изранена врагом родная земля. На пепелище сожженного села вернулись колхозники. У развалин домов, на обгорелых бревнах, на земле сидят старики, старухи, дети, бездомные, скорбные. Прижался к матери белоголовый мальчуган. Невидящим взором глядит вдаль седая женщина в отрепьях.

Тихо-тихо рождается песня. В ней как бы выливается горе народное:

Есть ли глубже река,
Глубже горя людей,
Что пришлось пережить
На земле на своей...

В безысходной тоске зарыдала старуха, ее причитания подхватила другая. Рассекая единый стон людской, врывается взволнованный молодой голос: «Бабы, мужики! Хватит горевать. Жизнь вернулась. Все было и снова будет! Одолеем. За работу!»

Надеждой наполнились сердца. Бодрая, жизнеутверждающая мелодия захватывает народ:

И Сталину нашему
Клятву дадим,
Что край наш родимый
Мы в сад превратим.

Это пролог музыкально-драматического представления «На Гдовской земле», подготовленного самодеятельным коллективом гдовских колхозников. Ничто не выдумано в этом народном спектакле.

В пьесе «На Гдовской земле» все взято из жизни; колхоз «Верный путь» и есть тот колхоз, в котором трудятся многие из участников спектакля, а герои пьесы названы подлинными именами исполнителей.

Игра актеров жизненно правдива: они передают все то, что недавно пережили и перечувствовали. Незатейлив сюжет пьесы, сочиненной самими колхозниками,— о восстановлении колхоза «Верный путь». Это повесть о том, как легли первые семена в очищенную от вражьего следа землю, как зазеленели поля, с каким трудом был собран первый урожай, как выросли на пожарище новые дома, засветились радостью глаза людей, снова зацвела советская жизнь.

Правдивый сюжет — только канва, на которой вышит узор из чудесных народных песен. Сила этого спектакля в песнях, то скорбных, то безудержно веселых, лирически чистых, торжественных и величавых. За сердце хватают старинные русские напевы, задорно вызванивают гусляры на своих древних инструментах радостные песни, заливисты гдовские припевки, шутливые частушки. В зимние ночи у партизанских костров на Псковщине родилась «Песня нашего отряда». Глубоким чувством наполнена величальная песня великому Сталину.

На Гдовщине исстари понимали толк в хорошей песне и умели в нее душу вкладывать. На работе ли в поле, зимними ли вечерами за прялкой — стоило одной лишь бабе затянуть, как ладный хор подхватывал песню.

После революции в селе Подолешье, Гдовского района, организовался самодеятельный народный хор. Под руководством учителя З. Савельева он создал музыкально-фольклорное представление «Гдовская старина», в котором участвовало более шестидесяти колхозников. В Москве на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности 1938 года этот спектакль привлек всех своей музыкальностью, самобытностью и своеобразием. Коллектив с тех пор так и стал называться — «Гдовская старина».

Наивен и немудрен спектакль «Гдовская старина», овеянный очарованьем народного песенного творчества. Содержание его в общих чертах таково: девушка Катя любит пастуха Омелю, но их разлучает судьба. Родители Кати бедны, много задолжали кулаку — мельнику — и выдают дочку против ее воли за мельникова сына, лысого вдовца. Сотни раз коллектив успешно выступал перед зрителями.

Война нарушила колхозную жизнь, оборвались песни, но народ не покорился врагу. И как только колхозники вернулись к родным местам, снова стали тянуться в кружок участники «Гдовской старины». Возобновили постановку, стали ее показывать в колхозах, однако прежнего интереса к представлению не проявляли ни зрители, ни исполнители.

— Кончилась гдовская старина... — говорили участники.— Новь нашу советскую показывать надо!

Так зародилось желание создать спектакль из колхозной жизни.

Долгими вечерами, когда село погружалось в сон, в Подолешском доме культуры шла напряженная творческая работа. К старым участникам коллектива присоединилась и сельская интеллигенция. Из пятнадцати деревень собралось около семидесяти человек. Все принимали участие в создании сценария, горячо обсуждался будущий спектакль, каждый вспоминал пережитое, перекладывал его на песни, вносил свои поправки. Это было подлинно народное, коллективное творчество.

Когда из Пскова в село приехал режиссер Е. Рябчуков, ему осталось лишь составить план спектакля, помочь организовать и объединить разрозненные части сценария. Композитор К. Амелин записал песни, создал музыку, и работа над постановкой закипела.

— Дождь, слякоть на дворе,— вспоминает Е. Рябчуков,— кажется, никому сегодня из дому не выбраться,— ведь весь день на работе, но глядишь, идут один за другим в плащах, с фонарями, на непогоду ворчат, а все на месте и готовы хоть всю ночь репетировать. Без устали повторят любое место спектакля, десятки раз споют песню. Лица усталые, но довольные, радость творчества заражает всех — и молодых и старых.

И как бы поздно ни кончилась репетиция, каждый из колхозников-артистов будет на работе вовремя. Члены самодеятельного коллектива «Гдовская новь» — лучшие работники в колхозах. Их всегда другим в пример приводят.

— Нынче никому дома не сидится,— говорит пожилая колхозница Анна Васильевна Иванова,— все чему-то учатся, вперед стремятся, вот и нам отставать не пристало. Придешь в клуб, поработаешь от души, и мир перед тобой шире становится.

У Анны Васильевны в ее хозяйстве немало дел: трое ребят в школу ходят, за ними надо присмотреть,— и все же в колхозе «Оборона» у нее с мужем за год более четырехсот трудодней выработано.

Ирине Семеновне Алексеевой семьдесят три года, она знает множество старинных песен.

— Вот уж тридцать лет в коллективе участвую, внуки повырастали, люди «бабушкой Аришей» стали звать, а ведь я еще иную молоденькую перепляшу,— говорит она шутя.

Из стариков остались в коллективе лихой плясун И. Табаков и П. Романов — председатель колхоза, который смолоду полюбил играть на сцене. Бодрый, трудолюбивый колхозник В. Иванов — лучший гусляр, вдумчивый артист. Его бригада в колхозе состоит из четырех стариков.

— Вместе нам лет двести три-

Сцена из спектакля «На Гдовской земле».

дцать с лишком будет. А молодежи ни в чем не уступим... — говорит он.

Пожилой колхозник И. Басов ходит ежедневно из отдаленного села на репетицию за несколько километров, и не было случая, чтобы он опоздал.

Бригадир колхоза «Красный самолет» Н. Иванова играет в спектакле роль председателя колхоза «Тригорье», который помогает соседнему колхозу встать на ноги. Наталья Васильевна смолоду участвует в театральном коллективе и в «Гдовской старине» играла роль бедной невесты.

У Н. Ивановой муж и два сына в войну погибли, осталось трое детей: дочь Нина десятый класс заканчивает, сын Александр в Советской Армии служит, а младший Коля, как и мать, увлекается самодеятельностью. Он хорошо поет и непринужденно держится на сцене.

Но ведущее место в коллективе все же занимает молодежь. Недаром коллектив стал называться теперь «Гдовская новь».

Комсомольцы Нина Алексеева (пионервожатая) и Николай Золотов (избач) играют в спектакле жениха и невесту. Чиста и целомудренна их любовь, ничто не нарушит их счастливую жизнь, никто не помешает их росту. Оба они первые в работе, первые в пляске и песнях. В их образе как бы олицетворена вся колхозная жизнь.

Как далеки эти гордые советские люди от забитой, несчастной Кати и ее незадачливого жениха пастуха Омели из «Гдовской старины»! Как непохожи старинные свадебные песни девушек, оплакивавших горькую, загубленную жизнь подружки, на радостные песни советской молодежи! Как изменилась жизнь гдовского села!

Загляните в село Подолешье: дети колхозников учатся в десятилетке, в музыкальной школе обучаются шестьдесят ребят. В библиотеке три тысячи книг. Когда в Доме культуры открылся сельский лекторий, абонементы раскупили в несколько дней. В кружках художественной самодеятельности Дома культуры ставят пьесы классиков и советских драматургов, работает в нем кинопередвижка. Почти в каждом доме есть радио, музыкальные инструменты, книги, журналы и газеты. Так выглядит гдовская деревня сегодня.

В заключительной сцене спектакля председатель колхоза «Верный путь» говорит:

— Я поднимаю бокал за наш великий советский народ. За нового, советского человека, который победил на фронте и в труде. Я поднимаю бокал за нашу Родину, за ее светлое будущее, за коммунизм!

И они идут твердой поступью к коммунизму, ясно видя перед собой цель, эти новые люди советской деревни. С любовью и благодарностью поют они величальную великому Сталину, который ведет народ наш вперед, освещая путь своим гением:

В мире нет человека
Дорожe, родней,
С ним и счастье счастливей
И солнце светлей!

Псков.

Судьба КОКЛЕ

Музыканты ансамбля латышской песни и пляски исполняют на кокле народные мелодии.
Фото А. Моклецова

В Историческом музее в Риге среди многих экспонатов за стеклянными витринами лежат старинные музыкальные инструменты. Они сделаны крестьянами — талантливыми самоучками — 200, 300 и даже 400 лет назад.

Вот плоский, почти треугольный ящик с натянутыми на нем несколькими струнами. Называется этот инструмент кокле. Он родственен русским гуслям. Некоторые из кокле, созданные в XVI, XVII и XVIII веках, дошли до наших дней и, как образцы замечательного народного мастерства, выставлены теперь в витринах музея.

Рядом — длинный узкий ящик с одной струной. Это дига. На ней так же, как на скрипке и виолончели, играют смычком.

Вот один из старинных музыкальных инструментов — гану раги — пастуший рожок. Большой любовью в народе пользовалась также пастушья свирель — стабуле.

И кокле, и гану раги, и дига, и стабуле имеют очень скромный внешний вид. На них нет никаких украшений, инкрустаций. Это простые спутники простых людей. Не о наружном виде инструмента заботился тот, кто вкладывал в него свою душу.

Под аккомпанемент кокле или диги латышский крестьянин пел о ненависти к немецким баронам-поработителям, о тяжелом, подневольном труде, выражал свои гордые думы о воле и счастье, братские чувства к своим русским соседям.

Немецкие бароны, державшие в ярме трудящихся Латвии, жестоко преследовали народные песни и музыку. По приказу помещиков найденные у крестьян музыкальные инструменты сжигались на кострах, а сами музыканты немилосердно избивались.

Эти преследования не могли не сказаться. К концу прошлого столетия в Латвии оставалось совсем немного мастеров-самоучек, делавших музыкальные инструменты. Кокле, стабуле, дига стали музейной редкостью.

В советской Латвии народное творчество приобрело небывалый размах. Создан Государственный ансамбль латышской песни и танца, в оркестре которого исключительно народные инструменты. Никогда прежде не звучали они с большой сцены. Теперь ансамбль выступает с концертами в лучших театрах республики. Скромная кокле вышла на большую дорогу советского искусства.

Ансамбль в сопровождении оркестра исполняет латышские народные песни, песни советских композиторов. Он выступает не только в театрах, — он частый гость в колхозах, в волостных Домах культуры, рабочих клубах, школах.

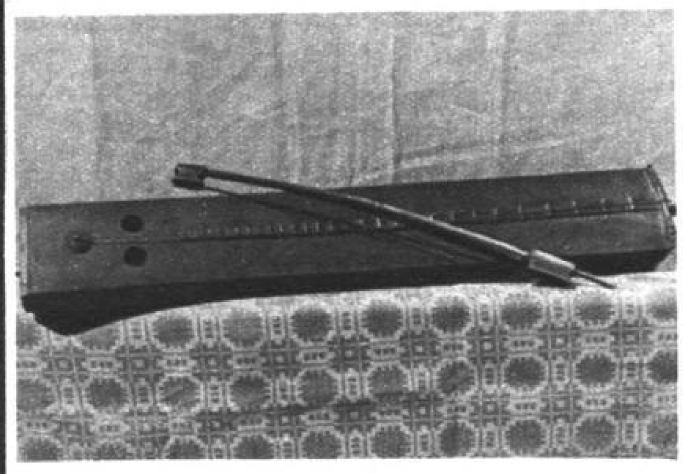
В Риге побывали старейшие коклисты Петер Коратс, Артур Салакс. Придирчиво осматривали они инструменты, внимательно слушали игру молодых музыкантов. Потом Артур Салакс взял в руки новую кокле, ударил по струнам, наклонив голову, прислушался и, когда струны затихли, сказал:

— Вот какая у тебя судьба завидная. Думал я, отжила уже ты свой век, кокле. А теперь вот сколько новых кокле рождается. Да все звучные, голосистые...

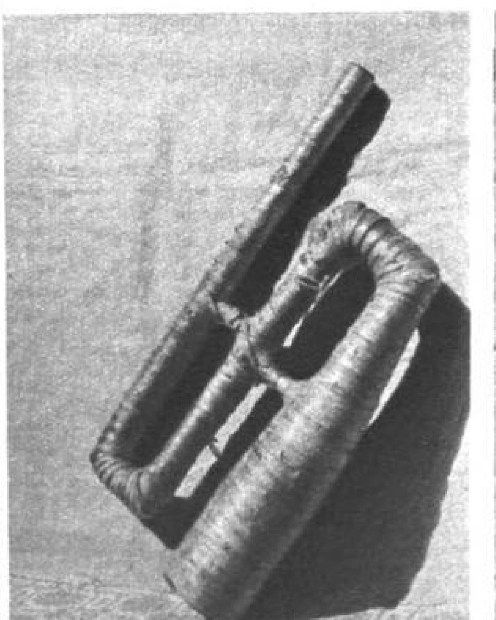
Так начали свою вторую жизнь латышские народные инструменты.

Н. ЕВГЕНЬЕВ

Старинные народные инструменты Латвии

Дига.

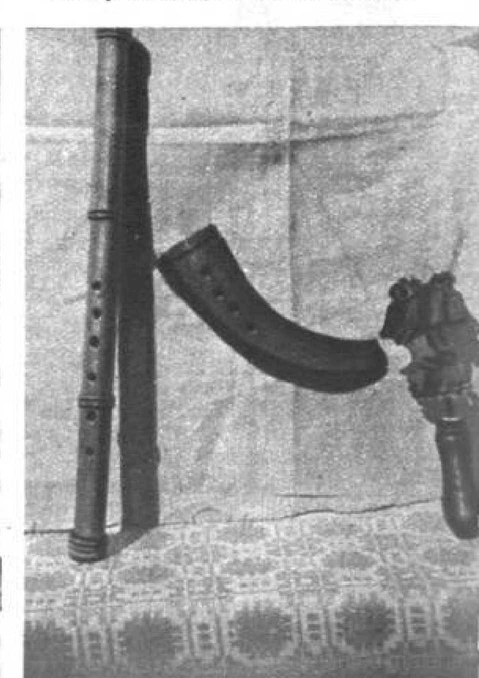
Тауре.

Гану раги.

Стабуле, ажарагс, трейдекснес.

Сорок лет на ледяной дорожке

Вл. ПЛАСТИНИН

Заслуженный мастер спорта Я. Ф. Мельников со своими призами.
Фото А. Бурдукова

В былые времена, почти полвека назад, тот самый пруд, на зеркальной поверхности которого теперь до поздней осени плавают белоснежные лебеди и большеклювые пеликаны,— пруд Московского зоопарка — частенько становился местом спортивной борьбы лучших русских конькобежцев.

Здесь начинали свой спортивный путь многие русские скороходы, принесшие мировую известность и славу отечественному спорту. А их было немало... Чемпион мира Н. Седов, непобедимый на длинных дистанциях Е. Бурнов, двукратный чемпион мира и Европы Н. Струнников, братья В. и П. Ипполитовы, Я. Мельников — все они совершенствовали свое мастерство на льду «Зоосада».

Ровно сорок лет назад, зимой 1910 года, на катке Зоологического сада разыгрывались соревнования на простых коньках для подростков. Дистанция измерялась не метрами, а кругами. Два круга — почти 800 метров. В забеге участвовала группа в 10 человек. На старт выходили гимназисты, реалисты, ученики городских школ и промышленных училищ.

За ходом соревнований наблюдали многие маститые конькобежцы. Смотрел на ребят и бывший чемпион мира Н. Седов. Всеобщим фаворитом был быстренький реалист Рубцов, неизменно выходивший победителем в соревнованиях мальчиков.

В этот-то день и решил впервые испробовать свои силы фабричный парнишка Яша Мельников. Жил Яша в другом районе города, но уж очень заманчивой была возможность принять участие в больших городских соревнованиях. Вот почему он и отважился появиться на чужом катке.

Случай уготовил 14-летнему мальчугану сразу тяжелое испытание — его поставили в один забег с Рубцовым. Более чем полтора круга Яша держался за своим противником, затем, под радостные крики своих ребят из Хамовников, рывком выскочил вперед и закончил бег первым. После небольшого отдыха состоялся финал... Яша вновь встретился с Рубцовым и победителями других забегов. Снова успех. «Грозный» реалист был развенчан, а Яша Мельников получил свой первый спортивный трофей — серебряный жетон!

Не без волнения вспоминает и поныне заслуженный мастер спорта Я. Мельников свою первую победу. «Но, — говорит он, — дороже всего для меня прозвучала тогда личная похвала чемпиона мира Седова, сказавшего мне: «Займись посерьезнее коньками, из тебя выйдет толк...»

Уходил с катка юный победитель необычным путем — через забор, — ибо группа местных ребят, живущих около «Зоосада», собиралась проучить незваного пришельца с «чужого» катка.

Еще три года подряд выигрывал Яша на своих «снегурочках» состязание за состязанием. Среди его сверстников равных ему по скорости, упорству, выносливости не находилось. Яша часто посещал тренировки знаменитых конькобежцев. Пытался удержаться за ними, когда они, вытянувшись «гуськом», скользили круг за кругом, но более 3—4 кругов не выдерживал и сходил... силенки еще было маловато, да и «снегурочки» не обладали всеми свойствами чудесных «бегашей». Все эти годы Яша мог лишь мечтать о настоящих беговых коньках. Но вот в конце зимы 1913 года настал день, когда мечта юноши осуществилась. На первые заработанные деньги Яков приобрел на рынке подержанные «бегаши». Шурупы еле удерживали коньки на старых ботинках, приходилось туго крепить их на ноге ремнями. Но предела счастью юного конькобежца не было: отныне можно будет бороться на равных.

Уверенность в своих силах, неуемная воля к победе, постоянное стремление к улучшению техники бега позволили Мельникову проделать в следующую зиму путь от новичка до скорохода первого разряда (категорий мастеров спорта в те времена не было) и стать чемпионом Общества физического воспитания.

Наступила зима 1915 года. Лучшие конькобежцы готовились к очередному первенству России. На устах у всех любителей конькобежного спорта были имена Никиты Найденова и Платона Ипполитова. Их считали единственными серьезными кандидатами на почетное звание чемпиона. Правда, в программе первенства упоминалось и имя молодого Мельникова, но что о нем писали? Возьмем на выдержку два абзаца:

«...Третий, могущий считаться претендентом, совсем молодой без техники и совершенно нетренированный к тому же конькобежец. Катается всего второй год на беговых коньках, сделав в короткий срок умопомрачительную карьеру...

...Лучших достижений сразу на все расстояния от Мельникова трудно ждать ввиду его полнейшей неопытности и неумения правильно оценить и распределить свои силы...»

Ошиблись в своем прогнозе составители этой программы! «Неумелый» конькобежец перепутал все расчеты знатоков и претендентов. Он выиграл у П. Ипполитова забеги на 500, 5000 и 10 000 метров, а на 1500 метров в невиданно острой борьбе финишировал с ним конек в конек, улучшив рекорд России. Так Яков Мельников в первый раз стал чемпионом России.

Перечень спортивных побед Якова Мельникова велик. На протяжении 20 лет — с 1915 по 1935 год — он был бессменным чемпионом России, РСФСР и СССР, десятки раз улучшал рекорды страны, 12 раз побеждал на крупных международных соревнованиях. В 1929 и 1935 годах он выигрывал звание чемпиона мира на первенстве рабочих спортивных организаций.

Особо памятной датой в спортивной биографии «железного скорохода» является 1935 год. В Осло одновременно в одни и те же часы на двух катках — «Бишлет» и «Фрогнер» — разыгрывали первенство мира сильнейшие конькобежцы — буржуазных и рабочих спортивных организаций. И зрители и участники, естественно, волновались: чьи результаты будут лучше?

На катке «Бишлет» основным противником Мельникова был чемпион мира норвежец Б. Эвенсен, а на катке «Фрогнер» — норвежец И. Балангруд и финн Г. Тунберг.

И в первый и во второй день Я. Мельников в беге на 1500 и 5000 метров одержал победу над Б. Эвенсеном.

Перед последней дистанцией — «конькобежным марафоном» — стадион заполнился до отказа. Оказалось, на катке «Фрогнер» результаты чемпионов были хуже, и публика решила смотреть более интересную спортивную борьбу рабочих спортсменов.

На старт последнего забега на 10 000 метров вышли Мельников и Эвенсен. Восемь кругов скользили они рядом, затем советский скороход стал шаг за шагом уходить от норвежца. К финишу просвет составлял уже около 100 метров. Яков Мельников выиграл и эту дистанцию и стал чемпионом мира. Он побил результаты не только Эвенсена, но и М. Стаксруда — нового чемпиона мира среди буржуазных спортсменов.

Советское правительство по заслугам оценило достижения Якова Мельникова. Ему, одному из первых советских спортсменов, было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

Слава советского спорта, успехи советских конькобежцев неотрывны от имени Якова Мельникова. Весь свой многолетний опыт и знания обращает он на благородное дело — воспитание здоровых и жизнерадостных, преданных своей великой Родине юношей и девушек.

Можно с уверенностью сказать, что многие из учеников «железного скорохода» наперекор трудностям, по примеру своего учителя, достигнут высот спортивного мастерства и прославят свою страну рекордными достижениями на ледяной дорожке.

ХОККЕИСТЫ НОВОСИБИРСКА

Нет ничего удивительного в том, что в Новосибирске, с его длительной и морозной зимой, хоккей с шайбой стал одним из наиболее излюбленных видов спорта. И нынче сибиряки начали играть на месяц раньше большинства наших хоккеистов.

Издавна любят новосибирцы и русский хоккей. В 1945 году команда местного Дома офицера выиграла матч на «Кубок СССР» по русскому хоккею у команды мастеров московского «Динамо». Об этом событии в городе вспоминают до сих пор.

Неплохо выступали новосибирские хоккеисты и в последующих сезонах. Играя в прошлом году на «Кубок СССР», армейцы вышли в четверть финала вместе с московской командой спортивного клуба «Метро». Москвичи выиграли этот матч у сибиряков с большим трудом, счет в пользу победителей был всего лишь — 1 : 0. В прошлогодней борьбе за «Кубок СССР» коллектив Новосибирского Дома офицера вышел в финал против команды московского «Динамо». И здесь победа столичных хоккеистов была не из легких. Динамовцы выиграли со счетом 2 : 1.

Среди новосибирских армейцев немало способных игроков. Сильным и точным ударом, быстротой, резкостью, хорошей реакцией обладают нападающие Вениамин Быстров и Анатолий Васильев. Вынослив и цепок в защите Алексей Черняев. Решительно и смело играет вратарь Михаил Огородников. В нынешнем сезоне команда Дома офицера пробует свои силы в хоккее с шайбой. Прошлой зимой переключилась на эту игру команда новосибирского «Динамо».

Играя во второй группе, новосибирские динамовцы выиграли в этом сезоне матчи у свердловского «Спартака», у «Металлурга» (Сталинск), у команд городов Молотов и Краснокамск. В составе новосибирского «Динамо» играет преимущественно молодежь, среди которой следует отметить прекрасного организатора атак Валентина Кузина. Он легко проходит защиту противника и обладает большой выносливостью. Хорошо играют также Дмитрий Исламов и капитан команды Александр Швецов.

Хоккейные коллективы «Динамо» и Дома офицера сильнейшие в Новосибирске, но, кроме них, в городе еще около шестидесяти команд: заводских и цеховых, студенческих и юношеских. Характерно, что большинство заводских хоккеистов является хорошими производственниками.

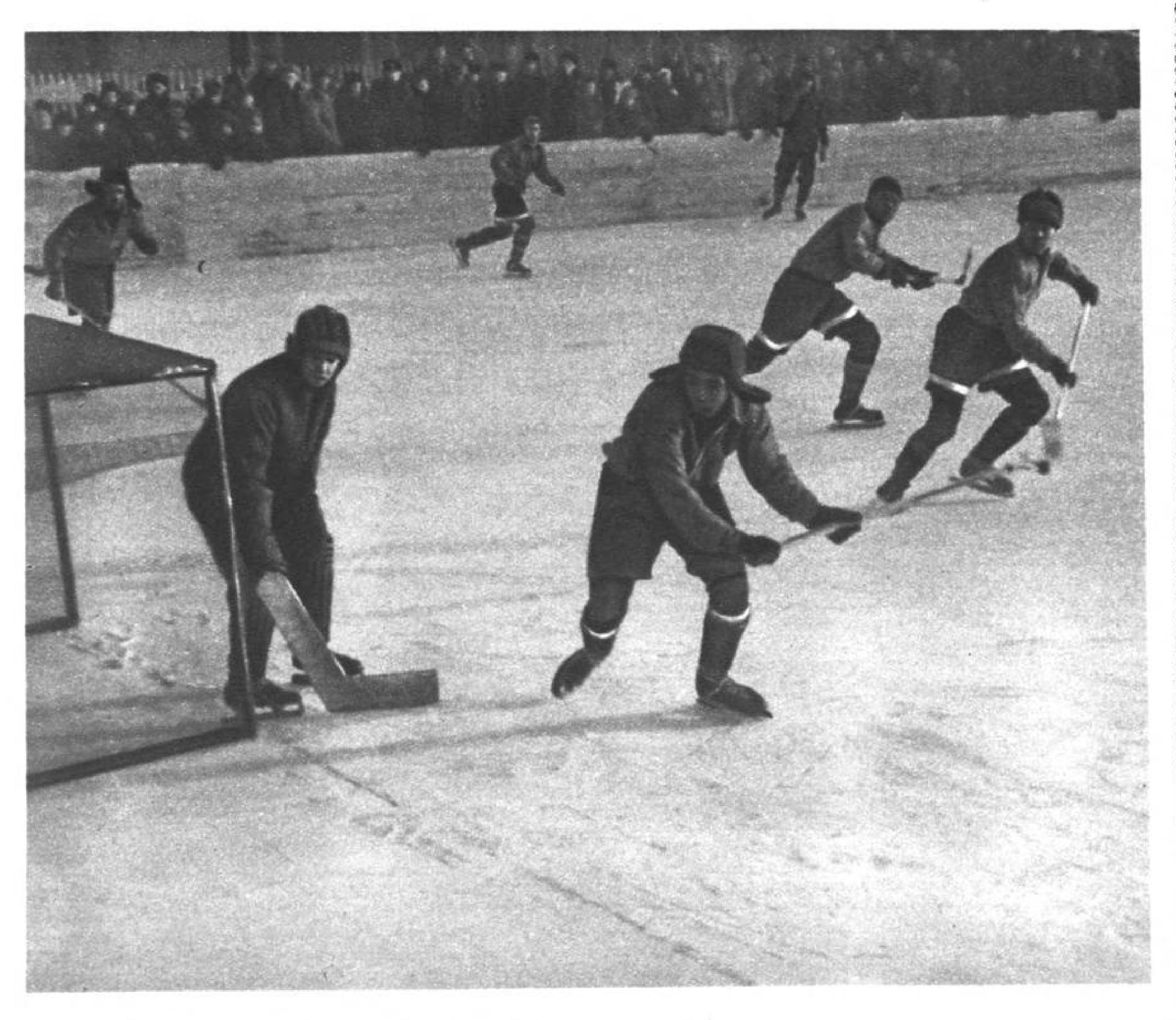
Нападающий заводской хоккейной команды «Трактор» лекальщик Николай Самохвалов известен всей области как один из талантливых стахановцев-скоростников. Н. Самохвалов — депутат городского Совета. В той же команде «Трактор» играют отличные производственники — братья Владимир, Анатолий и Виктор Онищенко.

Хоккеисты команды «Пищевик» гордятся своим нападающим — слесарем мельзавода Иваном Чабановым. Этот молодой спортсмен из месяца в месяц значительно перевыполняет производственные нормы, ведет на заводе большую общественную работу. Передовиками своих цехов являются хоккеисты заводских команд слесари Алексей Воробьев и Михаил Голубев, механик Константин Туляков, помощник мастера Геннадий Ступин, инженер Дмитрий Медведев и многие другие.

Из заводских корпусов и институтских аудиторий, из учреждений и мастерских вышло на ледяные поля Новосибирска около тысячи хоккеистов.

М. ЕРЕМЕЕВ

Новосибирск.

Момент игры новосибирских команд «Динамо» и «Спартак».

Фото В. Лещинского (ТАСС)

Из прошлого русского спорта

Победа над американскими баскетболистами

После блестящих побед советских баскетболистов на международных студенческих играх в Будапеште особенно интересно перелистать некоторые страницы из истории баскетбола в нашей стране.

Первыми у нас начали играть в баскетбол члены спортивного общества «Маяк» в Петербурге. В сентябре 1905 года группа гимнастов этого Общества познакомилась с правилами новой для них игры в мяч, который нужно было забрасывать руками в корзинку. Сделали несколько примерных перекидок. Игра понравилась. Тогда решили создать в обществе две первых баскетбольных команды.

Начиная с 1906 года, эти команды уже регулярно проводили свои занятия. К 1909 году количество баскетбольных команд в обществе «Маяк» увеличилось до шести. Каждая команда называлась по цвету маек, которые носила; были команды «Красных», «Лиловых», «Белых» и т. д.

В марте 1909 года между баскетбольными командами общества «Маяк» впервые был разыгран Кубок общества. Победительницей соревнования оказалась команда «Лиловых». Центром нападения и капитаном этой команды был С. В. Васильев, ныне заслуженный мастер спорта, руководитель кафедры физического воспитания и спорта Ленинградского текстильного института имени Кирова.

В том же, 1909 году русским баскетболистам пришлось впервые выступить в международном матче. В Петербург приехала американская баскетбольная команда. Против нее клуб «Маяк» выставил команду «Лиловых». Матч состоялся в гимнастическом зале клуба на Надеждинской улице.

С первых же бросков игра приняла напряженный и острый характер. Американцы хорошо владели мячом и применяли тактические приемы, не известные еще русским игрокам. Но некоторое преимущество противника в технике не обескуражило команду «Лиловых». Русские баскетболисты играли напористо, изобретательно, дружно.

После напряженной спортивной борьбы матч закончился победой русских баскетболистов. Счет 28 : 19 в пользу команды «Маяка».

— Игры с американцами и наша победа произвели на петербургских спортсменов большое впечатление, — вспоминает заслуженный мастер спорта С. В. Васильев. — Интерес к баскетболу сразу же возрос. Нашим командам пришлось провести для петербургских спортсменов несколько показательных игр.

Следом за обществом «Маяк» организовало баскетбольные команды спортивное общество «Богатырь», а за ним и другие. Баскетбол постепенно начал распространяться по всей России.

Ветеран русского баскетбола Степан Васильевич Васильев, возглавивший сорок лет назад команду, победившую американцев, воспитал в советское время несколько поколений баскетболистов. С 1918 по 1940 год Степан Васильевич был бессменным председателем баскетбольной секции Ленинградского городского комитета по делам физкультуры и спорта.

Эмерфокс, звезды и Ко

Мартин БАКСТЭР

Рисунки Л. Бродаты

На куполе, виднеющемся из-за деревьев, была нарисована эмблема фирмы «Эмерфокс, звезды и К°» — гигантская черная кошка, слизывающая Млечный путь. Джемс ждал меня под колоннадой «Дворца астрологии».

— Сегодня будет принимать сам Эмерфокс,— сказал мне Джемс. — Видишь, какой ажиотаж? Ну пойдем, а то позже трудно будет пробраться...

Ко «Дворцу астрологии» подкатывали сверкающие лимузины. Лакеи — в мантиях, обсыпанных блестками,— распахивали перед гостями двери. В коридорах было полно народу, преимущественно биржевых маклеров и мелких торговцев. Публика побогаче проходила прямо в глубь зала, где, как жерла орудий, чернели телескопные дула.

Мистер Грью Эмерфокс, основатель астрологического концерна, был объектом, над которым такой первоклассный репортер, как Джемс, трудился уже более двух недель. Дело в том, что мистер Грью Эмерфокс три месяца работал в новом, им открытом, предсказательском жанре: он предсказывал, — разумеется, за очень большую сумму — сроки окончания забастовок. Более того, в некоторых случаях он даже предупреждал предпринимателей, на каких условиях рабочие вернутся на работу. Дела Эмерфокса круто шли в гору. Ведь у каждого капиталиста есть рабочие, которые на него работают, следовательно, время от времени они бастуют. А так как в последние годы забастовки стали явлением весьма частым, то очень полезно знать, когда они кончатся и чем. Доллары, как звездный дождь, сыпались в сейф предприимчивого астролога. Но как ему удавалось «предсказывать» — и почти всегда правильно! — окончания забастовок? Ясно, что звездных дел мастер действовал при помощи какого-то трюка. Вот над раскрытием этой тайны и трудился Джемс по поручению рабочей газеты.

...Вчера вечером Джемс позвонил мне и сказал:

— Марти, я, кажется, открыл секрет этого козла Эмерфокса (астролог носил длинную тощую бороду, очень напоминающую козлиную). — Приезжай завтра к «Дворцу астрологии», я буду тебя ждать у входа! Ровно в 11 вечера!..

Мы шагали по коридору, широкому, как бульвар. Сквозь стеклянную крышу светила луна. Освещенные синими ночниками, стены подчеркивали таинственность обстановки; причудливые рисунки на паркете, чучела черных котов с горящими глазами — все это действовало на психику посетителя, впервые попавшего под сень «дворца».

В нишах шла бойкая торговля гороскопами. Сообщив дежурному астрологу день и год своего рождения, вы могли узнать все что угодно: и когда вам дадут прибавку к жалованью, и когда сгорит ферма вашего конкурента, и через сколько лет вы сделаетесь дедушкой, и сколько наследства вам оставит троюродный родственник.

К нам с Джемсом привязался какой-то приезжий из Оклахомы. В первые же минуты оклахомец рассказал, что он имеет небольшую фабрику консервов и изобрел новый деликатес: колбасу из крабов. Но конкуренты ответили изобретением колбасы из раков. В консервных кругах теперь идет сложная политическая борьба между ракоколбасным большинством, и крабоколбасным меньшинством. Крабоколбасник специально прилетел из Оклахомы, чтобы Эмерфокс предсказал ему, чем кончится борьба...

— Я ведь тоже хиромант,— сказал серьезно Джемс. — Я могу вам предсказать ваше будущее и совершенно бесплатно! Дайте руку!

Крабоколбасник послушно протянул руку.

— У вас плохи дела на предприятии! — многозначительно сказал Джемс. — Раньше вы думали, что все уладится, но теперь дела идут все хуже и хуже...

— Совершенно верно! — прошептал оклахомец. — Все хуже и хуже!

— Бастуют? — конфиденциально спросил Джемс.

— Бастуют,— вздохнул владелец консервной фабрики. — Несмотря на отсутствие профсоюза.

— Как же вам удается удержать рабочих от вступления в профсоюз? — поинтересовался я.

— Спасибо профсоюзным деятелям: они моих рабочих не принимают в члены союза.

— На каком основании?

— Мы, видите ли, выпускаем сейчас исключительно колбасу из крабов. Лидер профсоюза мясников говорит, что мы не имеем к мясу никакого отношения, что нам надо быть у рыбников, а лидер профсоюза рыбников утверждает, что крабы всегда считались мясом и моим рабочим нечего делать в профсоюзе рыбников... Вот и идет спор: кто мои рабочие по производственному признаку — рыба или мясо? А пока они ни то, ни другое...

— И все равно бастуют? — улыбнулся Джемс. — Несмотря на отсутствие профсоюза?

— Именно поэтому и бастуют! — воскликнул оклахомец. — Если бы они были в профсоюзе, уж я как-нибудь договорился бы с лидерами... Сперва мне было невыгодно делать моих рабочих членами профсоюза — я платил лидерам за то, что они отказывались принимать моих кровопийц в союз, а теперь, раз они все равно бастуют, я дам сигнал их принимать...

— В рыбу или в мясо?

— А кто дешевле возьмет! — махнул рукой крабоколбасник.

Мы вошли в зал, похожий на внутренность планетария. Купол был стеклянный, и луна заливала помещение ярким белесым светом. Посреди зала стоял диковинный прибор, похожий на фламинго.

— Изобретение Эмерфокса,— сказал Джемс,— молекулярный искатель... При помощи этого прибора астролог определяет день, когда кончится забастовка на том или ином предприятии... Вот шарлатан! А ты, Марти, слышал, что иногда Эмерфокс отказывается указать срок окончания забастовки? Так было у «Феллон-алюминиум-корпорейшен»... «Вашу звезду затмила туманность Андромеды,— сказал Эмерфокс Феллону,— я не могу вам ничего сказать!»

— А почему же он отказался? — спросил я.

— Сегодня я тебе обещал открыть тайну Эмерфокса,— сказал Джемс. — Погоди немного! Минут через пять мы удерем отсюда: перед выходом Эмерфокса начнется некоторая суета, и нам, надеюсь, удастся проскользнуть в сад! Там ты сам все увидишь! Правда, тебе не придется посмотреть самого Эмерфокса! Он ловко дурачит публику! Ну, да его ты можешь увидеть в любых журналах и газетах! Ведь его популярности завидуют даже чемпионы бокса и бейзбола!

— Мне хотелось бы увидеть хоть один гороскоп,— сказал я.

— Это такая же чепуха, как мое «гадание» колбаснику из Оклахомы! — усмехнулся Джемс. — Везде забастовки, стачки, протесты, сплошной поток неприятностей для предпринимателей. Предсказания и составляются с учетом неизбежности этих неприятностей... Впрочем, я сейчас расшифрую один гороскоп! Недаром я околачиваюсь здесь две недели! — и Джемс зашагал к молекулярному искателю, где толпилось несколько джентльменов, рассматривающих исчерченную красным карандашом карту звездного неба.

— У вас ровно 48 звезд, в вашей судьбе, — объяснял один джентльмен другому, — это счастливое сочетание: ведь флаг Соединенных Штатов тоже содержит 48 звезд!

— Ваше благополучие,— сказал Джемс владельцу гороскопа,— находится в прямой связи с благополучием Соединенных Штатов! Если, например, начнется кризис, то и вы пострадаете! Это мистер Эмерфокс подметил очень глубоко и точно!

— А при чем тут созвездие Лиры? — спросил джентльмен. — Не значит ли это, что моей фабрике, делающей саксофоны, надо переходить на изготовление лир или арф?

— Я думаю,— произнес Джемс важно,— что вам предстоит поездка в Италию и надо сыграть на девальвации лиры!..

— Эмерфокс — гений! — воскликнул джентльмен. — Моя жена как раз собирается ехать в Европу! Но скажите, сэр, что означает созвездие Водолея?

— У вас, несомненно, есть родственник в конгрессе! — сказал Джемс. — А все конгрессмены находятся под покровительством созвездия Водолея! Это тоже открыл Эмерфокс!

— Гениально! Феноменально! — зашептали окружающие.

— А... Козерог? — продолжал допрос джентльмен.

— И на небе есть рогоносцы! — вздохнул Джемс. — Что поделаешь! Очевидно, ваша жена едет в Европу не одна!

— Как вы смеете! — закричал джентльмен.

— По всем вопросам обращайтесь к мистеру Эмерфоксу! — сказал Джемс и откланялся.

— Из тебя получился бы неплохой астролог,— сказал я.

— За три дня любой познает всю звездную премудрость, тем более, что никакой премудрости и не существует в этом деле: чем непонятнее гороскоп, тем более ему верят! А я две недели тут провел, следовательно, свободно могу заменять Эмерфокса. Ну, Марти, пора удирать!

В этот момент в зале зашумели: вот-вот должен был показаться «сам» мистер Эмерфокс.

Мы выскочили в сад. Луны не было видно: ее затмили зарницы реклам:

«Лучшие гороскопы — только у нас!»

(Окончание на стр. 32.)

Февраль — последний месяц зимы. Он лишь немного теплее января, но холоднее декабря, ветреный и метельный. Однако в феврале день уже значительно удлиняется, часы солнечного сияния возрастают, среди снегов вдруг повеет теплом, звонко зазвенит синица, почему и говорят, что «на Сретенье (15/II) зима с летом встретились».

Февральские морозы — сретенские и власьевские — считаются последними зимними: «До Прохора старушка охала, пришел Прохор да Влас (23 и 24/II) — никак скоро весна у нас».

Но солнышко пригревает еще слабо, с одного бока пригреет, а с другого холодно, да и тепло это неустойчиво; вдруг задует резкий ветер, поднимется метель, и на земле и в воздухе все белым-бело.

К концу февраля зима надоедает. Снег слежался, осел и потерял свою прелесть — свежесть и мягкость; оттепели вновь сменяют гололедица и вьюги. Птицы и звери бедствуют, жмутся к человеческому жилью: прибегают на огороды зайцы, тетерева залетают на гумна, лисы бродят около дворов, лютыми становятся отощавшие волки. Ночи стоят морозные. Когда вызвездит над снежной равниной, поднимается краса зимнего неба — созвездие Ориона, хорошо заметное по трем ярким звездам, сияющим рядом. У нас его называют Грабли или Волхвы. Оно сверкает над горизонтом, на юге, а несколько левее его и ниже горит Сириус — самая яркая звезда, чудесно мерцающая разноцветными огнями.

На севере нашей страны приближается конец полярной ночи, а на юге тракторы уже вышли в поле.

Б. М.

Подумай!

СТАРИК И МОЛОДОЙ

По цветущему лугу шли, беседуя, старик и молодой человек.

...— Люблю, Иван Иванович, вот такую абсолютную тишину и спокойствие в природе.

— Да-а... хорошо, Петр Петрович. Только беспрерывно зудят комары, да стрекочут кузнечики... надоедают.

Как звали молодого человека?

ОШИБКА МАЛЬЧИКА

Мальчик знал из учебника физики, что путем смешения лучей различных цветов можно получить разнообразные оттенки цветов. Например, при смешении синих и красных лучей может получиться пурпурный цвет.

Когда этот мальчик занялся рисованием и ему захотелось раскрасить один из рисунков, у него никак не получались при смешении красок нужные ему тона. Так, вместо пурпурного цвета у него получался фиолетовый...

Почему юного художника постигла неудача?

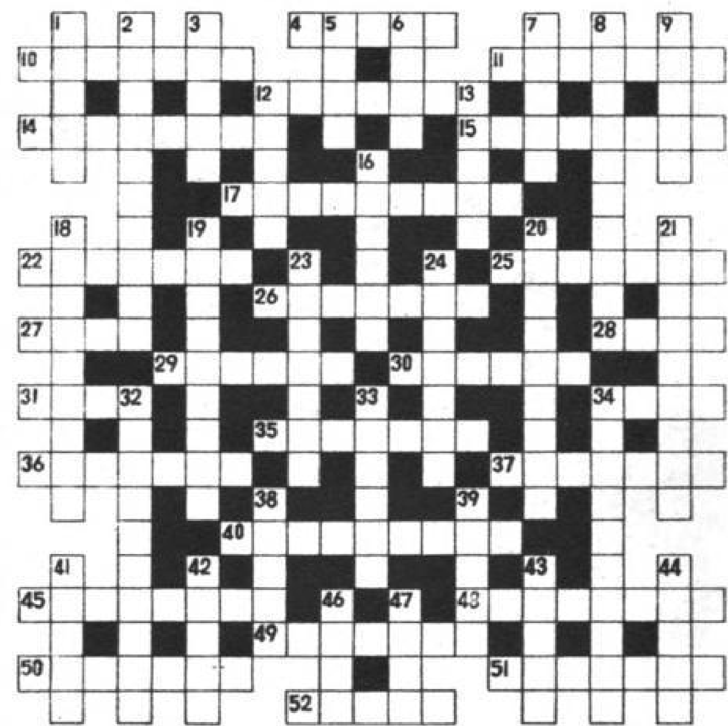
ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ

«Случай с начинающим лыжником» (№ 5)

При катании на лыжах снег под ними в отдельных местах тает, и лыжи скользят по образующейся тонкой пленке воды. Установлено, что лучше всего лыжи скользят примерно при 20 градусах мороза.

Как видно из рассказа лыжника, когда он пошел кататься на лыжах, вернувшись из командировки, была сильная стужа. Повидимому, мороз усилился до 30—40 градусов. А при таком морозе снег под лыжами уже не тает и приходится скользить по сухому снегу, что равносильно скольжению по песку. С этим явлением часто приходится сталкиваться полярникам.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Почетная известность. 10. Дорога через горный хребет. 11. Остановка. 12. Спортивное общество. 14. Храбрость. 15. Небольшое ровное место. 17. Музыкальный инструмент. 22. Поперечник круга. 25. Персонаж из произведения М. Шолохова «Тихий Дон». 26. Паровой колесный двигатель. 27. Птица. 28. Минерал. 29. Форма сельскохозяйственной организации. 30. Ущелье на Кавказе. 31. Сорт яблок. 34. Сооружение на реке. 35. Военный корабль. 36. Южное дерево. 37. Русский композитор. 40. Подземные галлереи. 45. Стихотворение Лермонтова. 48. Лицо, уполномоченное на исполнение ответственной должности. 49. Чемпионка мира по бегу на коньках. 50. Средство связи. 51. Военное звание. 52. Пшеничный хлебец.

По вертикали:

1. Род загадки. 2. Сообщение, переданное по телеграфу. 3. Русская игра. 5. Созвездие. 6. Небольшое опахало. 7. Ответвление горной цепи. 8. Южная полярная область. 9. Чтение вслух. 12. Сорт десертного вина. 13. Рама с земляной формой для литья. 16. Вид лыжного состязания. 18. Расстояние. 19. Человек, работающий на станке. 20. Ягоды. 21. Изобретатель самолета. 23. Судно с паровым двигателем. 24. Прославленный советский генерал. 32. Передовой работник. 33. Вид поэзии. 34. Советский поэт. 38. Узбекский поэт и мыслитель. 39. Часть капители колонны. 41. Изделие из узорчатой ткани. 42. Цитрус. 43. Строение для хранения зерна. 44. Огородное растение. 46. Фонарь. 47. Смысл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

6. Школа. 8. Опара. 9. Пуант. 11. Травести. 12. Атлетика. 13. Салют. 14. Снайпер. 15. Ступень. 16. Автол. 18. Абориген. 21. Икосаэдр. 24. Таран. 25. Характер. 26. Единорог. 27. Антей. 28. Водосток. 31. Картонаж. 34. Терка. 36. Реферат. 38. Поворот. 40. Навес. 42. Повестка. 43. Метроном. 44. Актер. 45. Клоун. 46. Такса.

По вертикали:

1. Конвейер. 2. Полис. 3. Самолет. 4. Закат. 5. Растопка. 6. Шурин. 7. Айсберг. 9. Полотно. 10. Тукан. 16. Антракт. 17. Линейка. 19. Браво. 20. Искус. 22. Сонет. 23. Дрова. 29. Оперетта. 30. Трактор. 32. Реостат. 33. Оболочка. 35. «Ревизор». 37. Егоза. 39. Опора. 40. Наука. 41. «Смена».

«Новинка — предсказание судьбы по рентгеновскому снимку!»

«Дети до пяти лет получают гороскоп бесплатно!»

«Все звезды экрана определяют судьбу по нашим звездным гороскопам!»

— Вон там, закрытый стволами деревьев, домик... Видишь? — спросил Джемс.

— К нему подкатывают авто,— заметил я.

— Верно! Пойдем туда!

Мы подошли к домику. На окнах были спущены шторы. Из двери выбежал бойкий молодой человек и сел в машину. Потом подъехал следующий автомобиль, из него выскочил мужчина средних лет и скрылся в доме.

Меня и Джемса они не могли видеть: нас скрывал сухой и колючий кустарник — он, словно стена, отделял домик от сада «Дворца астрологии».

— Ну и что? — спросил я. — Это и есть тайна Эмерфокса?

— Да! — кивнул Джемс.

— Не понимаю!

— Если бы ты проработал, как я, десять лет в профсоюзном отделе газеты,— сказал Джемс,— то ты бы понял, что это означает! Домик — канцелярия фирмы «Эмерфокс, звезды и К°». Тут находится и кассир, который платит заработную плату. А это машины лидеров профсоюзных организаций. Секретари этих «радетелей о рабочем благе» получают здесь заработную плату для своих шефов.

— Эмерфокс платит профсоюзным лидерам? — удивился я.

— А как же! — сказал Джемс.— Ведь поэтому он и предсказывает окончания забастовок так удачно! Он работает на паях с профсоюзными предателями! На одних

звездах далеко не уедешь, вот Эмерфокс и подобрал себе компанию... «Эмерфокс, звезды и К°»...

— Но ведь иногда он не берется предсказывать сроки окончания стачек,— сказал я. — Чем же это объяснить?

— Не все руководители профсоюзов служат банкирам,— сказал Джемс. — Среди профсоюзных лидеров есть и честные ребята... Эмерфокс не может связаться с ними, и когда бастуют члены их профсоюзов, то он бессилен... Вот он и придумывает, что там влияет то туманность, то Полярная звезда, то красная звезда Антарес... Вот тебе и вся тайна Эмерфокса — ясновидящего...

Перевод с английского
Б. Привалова, И. Савицкого

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 00836. Подписано к печати 31/I — 50 г. Изд. № 82. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 163 **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПЛАН
ПРОВЕДЕНИЯ ТИРАЖЕЙ ВЫИГРЫШЕЙ
ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗАЙМАМ
в 1950 году
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ 2% ЗАЕМ 1948 ГОДА
18 ИЮНЯ 5-й тираж г. ПЕТРОЗАВОДСК
24 ДЕКАБРЯ 6-й тираж г. ЯРОСЛАВЛЬ
ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
23 АПРЕЛЯ 5-й тираж г. ЧЕРНИГОВ
10 СЕНТЯБРЯ 6-й тираж г. МОГИЛЕВ
ТРЕТИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
26 ФЕВРАЛЯ 3-й тираж г. ВЛАДИМИР
27 АВГУСТА 4-й тираж г. КЕМЕРОВО
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
9 ИЮЛЯ 1-й тираж г. БАРНАУЛ
8 ОКТЯБРЯ 2-й тираж г. ДЗАУДЖИКАУ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ 3% ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ
30 ЯНВАРЯ 13-й тираж г. СТАЛИНО
30 МАРТА 14-й тираж г. КУЙБЫШЕВ
30 МАЯ 15-й тираж г. РОСТОВ-на-ДОНУ
30 ИЮЛЯ 16-й тираж г. ТАШКЕНТ
30 СЕНТЯБРЯ 17-й основной и 3-й дополнительный тиражи г. МОСКВА
30 НОЯБРЯ 18-й тираж г. БАКУ

ЦЕНА 3 руб.